

Сергей Акчурин

**БОЖЕСТВЕННОЕ
СТАДО**

Роман

Сергей Акчурин
Божественное стадо. Роман

«Издательские решения»

Акчурин С.

Божественное стадо. Роман / С. Акчурин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-503814-2

Автор этой книги препарирует всю классическую философию, переводит сухую науку «любви к мудрости» в жанр фантазмагии, в поэтику мистики, и, используя этот в какой-то степени пародийный прием, утверждает свое собственное мировоззрение. Действие происходит между Землей и Небом, священная Корова упирается своими рогами в бесконечный космос, а вымя ее лежит на земном гумусе...

ISBN 978-5-00-503814-2

© Акчурин С.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая.	6
1. Стойло	6
2. Коровы	10
3. Пастух	13
4. Новое пространство	15
5. Зеркало	18
6. Сущности и проекции	22
7. Из ниоткуда и в никуда	25
8. Ида	29
9. Мария-Елизавета. Полоумная	33
10. Насупленные телки	36
11. Курение коз	40
12. Создатель и Намерение	44
13. Эфир и плоть	47
14. Информация и сплетни	51
15. Звездная корова	54
16. Родовитость быков и смыслы коров	58
17. Великий Тракт. Карнавальное стадо	61
18. Собчаки	65
19. Неопределенные и беззвездные	69
20. Коровы судьбы	73
Часть вторая.	77
21. Проекционные миражи	77
22. Несуществующее искаженное и его губительное воздействие	81
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Божественное стадо

Роман

Сергей Акчурин

© Сергей Акчурин, 2019

ISBN 978-5-0050-3814-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

#

Книга первая

КОРОВЫ

*Там, на земле, лишь ваши несчастные проекции,
Здесь же – ваша настоящая жизнь.*

Пастух

Кто дал нам губку, чтобы стереть весь небосвод?

Нищие

Есть сведения, что древние Пастухи, которые пасли на земле род людской, принадлежали Божественному стаду, созданному Создателем всего и определенному к бесконечному перемещению в плоскости, доступной лишь древнему пониманию пространства. Вид этого величественного стада постоянно открывался и людям. Особенно на закатах, задрыв головы, стада людей с благоговением наблюдали, как по небу бредут Божественные коровы, и ясно слышали топот множества ног, и далекое многоголосое мычанье; видели не только коров, но и грозных одиноких быков, которые двигались, увязая копытами в облаках, и даже коней, пролетающих в бегах над этими облаками. Люди подражали небесному стаду, как высшему пониманию собственных сущностей, люди мычали и считали себя лишь призраками или тенями тех самых могущественных фигур, бредущих по небосклону. Но слишком часто, убегая от ужасов земной жизни, человек с легкостью совершал самоубийственный акт, сознанием своим просто раздвигая тесноту окружающего пространства и перемещаясь в небесное стадо, к вечным и истинным существам. И чья-то рука закрыла плоскость этого видения, оставив вместо Божественных и грандиозных фигур лишь небесную пустоту, лишенную смысла и возможности подражания. Стада людей начали разбредаться, а возникшая память заставила их говорить. Древние Пастухи стали покидать земные пределы, где блуждающие фантомы в страхе и одиночестве сбивались в примитивные племена. Есть сведения, что последний Пастух был слепым и немым и, когда услышал первое слово, произнесенное человеком, жестами показал: «Нельзя говорить! Очнитесь!» – и перерезал себе горло каменным чоппером, раздвинув пространство и удалившись в закрытую плоскость. Что это было за слово, сведений нет.

С той поры на земле появились обычные пастухи из людей, которые переделывали по подобию прошлого диких и непокорных животных в домашний скот и пасли его.

Часть первая. Новое пространство

1. Стойло

Пссс-пссс...

«Как нежно пахнет аммиаком!»

Пссс-пссс...

«Какой божественный запах!»

* * *

«Ой! Кто-то трется об меня невыносимо горячим боком!»

«Да это же я! Стоит пошевелиться, и я тоже чувствую твой жаркий бок!»

«Где ты?»

«Я здесь!»

Два мокрых, сопливых, шумно пыхтящих носа нашли друг друга в полной темноте тесного неопределенного пространства, коснулись друг друга и засопели ноздря в ноздю. Два теплых языка облизали друг другу носы.

«Ты чувствуешь здесь запах сена, клочок которого так хочется пожевать?»

«Да, так чувствую, что даже слюни текут!»

Две телки-коровы взглотнули и принялись усердно жевать сено, торчавшее перед ними, где-то внизу; чавкая и похрипывая; глотая, отрывивая и снова жуя.

* * *

«О чем ты думаешь?»

«Я думаю, что все это когда-то чувствовала...»

«Попробуем помычать!»

Две телки-коровы принялись осторожно издавать мычащие звуки и прислушиваться сами к себе.

«Может быть, мы напились, или нанюхались, или накурились травки где-нибудь в злачном месте и застряли в каком-нибудь грязном туалете, вообразив себя коровами; а лампы здесь нет; вот чего я боюсь».

«Да нет же, ни в каком злачном месте я не была».

«Может быть, мы попали в какую-то катастрофу, всемирную, вселенскую и нас закинуло неизвестно куда... Возможно, мы превратились в информацию, в которой ощущаем себя коровами, – вот чего я боюсь. Кто знает, как чувствует себя информация?»

«Информация не жует сено».

«Ты права. Скажи, а что ты помнишь последнее из того, что ты видела или слышала перед тем, как оказаться здесь?»

«Последнее, что я помню, были горы, обрыв и мне сказали: „Иди в свое стойло, корова!“ Ну, я и пошла, я и считаю себя коровой... В реальности я, наверное, усопла...»

«У нас с тобой случилось что-то похожее, если не одинаковое! Мне заявили то же самое: „Посиди в стойле, корова!“ И я тоже смирилась и, можно сказать, пошла. Всегда чувствовала, что я – корова! Правда, последнее, что я помню, были не горы, а обыкновенная комната, покры-

тая голубым кафелем, с огромной ванной в середине... Пахло лавандой; кажется, в этой ванне плескалась вода, в которую я погрузилась; а из воды торчали мои красные ногти... Нет, дальше не помню. Наверное, я умерла... Но жива!»

«Аллах велик!»

«Ты что, с востока?»

«Я азиатка, меня зовут Джумагуль, а ты кто? Откуда ты?»

«Я – Елена. Ну, по отношению к тебе, наверное, с запада, хотя по отношению к западу, наверное, с востока... если это только имеет значение... для коровы... Но насчет Аллаха – это несомненно. Бог всегда велик, теперь я это понимаю, чувствуя дурацкий хвостик позади себя! Я даже покрываю им... И я не знаю, смеяться мне или плакать... Может быть, все же мы в сумасшедшем доме?»

«Ты чувствуешь у себя верхние зубы, Елена?»

«Ммм, нет, не чувствую, и это странно...»

«Вот видишь, у сумасшедших есть верхние зубы, а у коров, собственно, нет – уж я-то знаю!»

«Д-а-а... к тому же я чувствую четыре точки опоры!.. Но все-таки я очень боюсь... что нас ждет впереди?»

«Только хорошее, Елена».

«Ты уверена?»

«Корова – это всегда хорошо! За ней ухаживают, ее кормят, любят – уж я-то знаю».

«И отправляют на скотобойни... Убьют и разделают на куски: как в аду».

«Ты вымя чувствуешь, Елена? Висит у тебя что-либо под животом, тянет?»

«Немного потягивает, но не висит».

«Значит, ты молодая корова – телка, как и я. Зачем нас на мясо пускать, если мы будем давать молоко? А что касается ада – он другой».

«Ты хочешь сказать, что видела ад?»

«Ну, не совсем... но нехорошие сны бывали... Я не однажды видела котел с кипящим маслом, огонь под ним и чертей вокруг, которые заставляли человека залезть в этот котел».

«А что это был за котел?»

«Тот котел, в котором мы с сестрами обычно кипятим молоко».

«А что за человек?»

«Грешник. Он не хотел идти в этот котел, а волосатые черти с рогами засовывали его туда, поскольку он отчаянно сопротивлялся. Давай, говорили, иди в котел! И совали его туда».

«Голого?»

«Нет, в очках».

«Он кричал?»

«Кричал, что не верит в ад, что все это сон».

«Но это и был сон...»

«Да, но не его...»

«А что было вокруг?»

«Ничего не было, кроме каменных стен. Вот так же темно, как здесь, и свет только вокруг огня и котла. И очень холодно. Ад».

«Ну, Джумагуль, все же это примитивное мышление, средневековый взгляд...»

«Неужели? А что, Елена, по этому поводу появились какие-то новые сведения со времен Данте? Кто-то был в аду, что-то видел, вернулся и рассказал? Или кто-то получил доказательство, что ада нет? Хотела бы поговорить с этой личностью. Насколько я знаю, единственным, кто побывал там и описал ситуацию, был Данте... Больше вроде среди десятков миллиардов не было никого... Лично я доверяю только ему, все остальное – вымысел, лихорадка мозга, как сказал один всезнающий и уважаемый ученый. я много об этом думала».

«Странно, Джумагуль, в Данте я не заглядывала, лишь понаслышке знаю, что он описывал ад, но почему-то чувствую, что ты права: любая степень осведомленности в этом вопросе – сплошные выдумки... За исключением, конечно, осведомленности Данте. Но мне странно другое: ты азиатка, а знаешь Данте, да и слова вставляешь не всегда простые для азиатки».

«А тебе не странно, Елена, что мы вообще говорим? К тому же на одном языке, хотя на самом-то деле я разговариваю на своем, на тюркском, которого ты, я просто уверена, совсем не знаешь».

«И это тоже... странно... Значит... мы коровы, но не совсем... И говорим на каком-то общем, условном, коровьем, но не совсем...»

«И я так думаю: не совсем... А что касается не простых слов: я очень много читала, Елена, у моего дедушки Исаака, который воевал на Волховском фронте и вернулся оттуда без мизинца левой руки, была лучшая библиотека района у нас в горах – всю жизнь он собирал книги, и я их все прочла до восемнадцати лет, все, собственно, как стояли подряд на полках: черного цвета книги, красного цвета книги, серого, зеленого, синего и так далее. Сам дедушка не читал, не умел, и расставлял книги по цвету и толщине, но я, читая, нарушала этот его порядок, и раз в неделю он расставлял все по новой. Это были умные книги, собранные повсюду, где только дедушка ни бывал, а также присланные ему друзьями, родственниками и друзьями его друзей, и я читала их беспорядочно, выбирая тот цвет и объем, которые приглянулись мне на сегодня. Вот некоторые из этих книг: „Египет“, „Книга о вкусной и здоровой пище“, „Степной волк“, „Вязание на спицах“, „Надсон“, Библия, „Ирландские саги“, „Оперативная хирургия“, Коран, „Записки таксиста“, как раз: „Данте“, „Записки революционера“, „Англо-немецко-французский словарь“, „У-429“, „Иван Бунин“, „Война и мир“, „Обручев. В неизведанные края“, „Коневодство“, „Идиот“, „Капитал“, „Токутоми Роко“, „Музыкальная энциклопедия“, „Жизнь и ловля пресноводных рыб“, „Блаватская“, „Детские игры и развлечения“, „Ибн Сина“, „Высказывания знаменитых людей“, „Горе от ума“, „Комнатные растения“, ну и так далее, и в числе этих книг были книги и на фарси, английском, турецком, немецком и французском и, кажется, испанском или итальянском, – их я не читала, но просматривала, стараясь понять содержание по этим непонятным для меня иероглифам. Впрочем, фарси я немного знаю... Так что, собственно, могу тебя успокоить: нигде не сказано, что людей в виде коров отправляют в ад. Все эти книги – тому подтверждение».

«Ну, успокоила... Я, правда, ничего не читала, кроме любовных романов, серьезные книги меня всегда как-то пугали – уж все в них как-то слишком серьезно и даже навязчиво... Давай еще пожую, чтобы убедиться, что мы – коровы! Ты не против? Тем более нас обоих, кажется, это устраивает».

«Давай!»

* * *

Раздался какой-то невнятный гул, непонятно чего, шедший откуда-то снаружи и проникающий через что-то куда-то, где находились двое, назвавшиеся Елена и Джумагуль. Две телки насторожились, тяжело дыша. Гул с каждым мгновением усиливался и вскоре наполнил пространство (если оно было) топотом, мычанием, бляньем, ревом, затем, отдалившись, снова превратился в сплошной, не разделенный на отдельные звуки гул, и все стихло.

Пссс-пссс...

Пссс-пссс...

* * *

Послышалось плаксивое, жалобное мычание, к нему присоединилось еще одно, точно такое же; потом что-то брякнуло, закрипело; и растворились то ли ворота, то ли какие-то двери, и хлынул свет, и неизвестно кто крикнул отрывистым и уверенным голосом, с хозяйской уверенностью: «Ага! Вот и еще мои, в этом стойле! Пошли, пеструхи! Геть вперед!» Щелкнул бич.

2. Коровы

Две телки, Елена и Джумагуль, переставляя отяжелевшие от страха ноги, стуча копытами о деревянный настил, выводящий *куда-то*, обуреваемые любопытством и страхом, дрожа от предчувствия невиданного, подались на свет и, ослепленные после темноты, сразу ничего не увидели и поэтому замычали и угрожающе выставили вперед лбы свои с намечающимися рожками, как если бы были полноценными коровами с острыми серповидными рогами и защищались от возможного нападения. Елена, для верности, еще брыкнула задней левой ногой, а Джумагуль постаралась набычиться, засопела.

Но ничего страшного не случилось, и две тощенькие коровки, успокоившись и постепенно прозрев, уставились томными, влажными, коричневыми глазами на окружающий мир, наивно моргая длинными своими ресницами.

Первое, что разглядели они прямо перед собой, были несколько молодых коров или телок разной расцветки, которые как-то скромно и сбившись стояли на серой, похоже что пыльной, не очень широкой и без обочин, но и не узкой дороге и с любопытством глазели на них, уставившись и посапывая, раздувая ноздри.

– Посмотри, Джумагуль, – сразу удивилась Елена, – вроде бы это коровы, но они как-то меняются на глазах, их очертания расплывчаты: то они похожи действительно на коров, то на каких-то девушек или женщин... Не может такого быть... И все колеблется: и земля, и коровы эти... И странный какой-то свет... тусклый... Или у меня с глазами нехорошо... Ты что-нибудь видишь?

– Вижу, Елена, вижу... То ли у нас что-то с головами случилось, то ли мы, собственно, залетели неизвестно куда и душа бессмертна, как скажет тебе каждый мулла! И еще я слышу очень далекий топот табуна лошадей, да и не одного, а многочисленных табунов – где-то там, в той стороне, – и слух не обманывает меня, собственно, я не раз слышала этот топот на границе степей и гор, где у меня живет в маленьком кишлаке тетка по матери – ее зовут Махабат, что в переводе с нашего языка означает «любовь»... Там я видела иногда над степью странные миражи – коров между землей и небом... Вот и думаю: может быть, перед нами мираж, иллюзия?

Но тут все коровы, застывшие на дороге, задвигались, толкая друг друга боками и худенькими задами, и стали мычать, как будто бы утверждая свою реальность, и одна из них даже произнесла на том языке, на котором уже объяснялись Елена и Джумагуль:

– У вас-то в стойле сено, наверно, было?

– Вот финт ушами! Они разговаривают как мы! – обрадовалась Елена и с удовольствием ответила этой корове: – Да, у нас было немного, мы пожевали!

– А у нас на первом столбе даже стойла не было своего, – пожаловалась корова, – так и обнаружили себя на дороге, непонятно где... От голода едва доплелись сюда, как ходячие мертвецы... И *этот... кто-то...* еще понукал, что еле идем...

– Кто *этот*, кто *кто-то*? – спросила Елена.

– Не знаем, кто *он*, – ответила разговорчивая корова. – Но *он* появился при нас, пришел к столбу с той стороны поля... У *него* есть сумка и кнут, вот они валяются на настиле.

В этот момент из стойла донесли странные звуки и восклицания *кого-то*, кто, видимо, и понукал коров и кого Елена и Джумагуль упустили из восприятия, растерявшись от непривычности окружающего пространства: там, в стойле, лилась вода – как будто переливали из ведра в ведро, что-то стучало, скрипело, шуршало, скреблось, шлепалось, сопровождаясь тяжелыми, с придыханием, но беззлобными возгласами, произносимыми тем самым хозяйским голосом: «Сена – как не было, все подъели, устроили тут буфет! Навоза наделали много – хороший будет табак! Луж напустили – утонешь!.. Слякоть тут развели! – не полустанок, а туа-

лет какой-то! Надо промежуточные гурты в обход пускать – по объездной ветке, нечего им тут тьму выстаивать, тут второй столб для первого круга – поступают нежные и голодные!»

Мало что понимая в происходящем, Елена и Джумагуль огляделись, как могут оглядываться коровы, медленно поворачивая головы и тела и стараясь сосредоточить внимание свое на предметах, окружающих их. Позади высилось стойло, напоминающее большой старый сарай со сходнями, впереди стояли коровы, серый столб, вроде бы деревянный, высотой в коровий рост, увенчанный перекошенной путевой табличкой или просто знаком с номером два, торчал из края пыльной дороги... которая уходила влево, куда-то вдаль, виляя по бесплодному бугристому полю черно-бурого цвета, и – вправо, где быстро терялась, смешиваясь с поверхностью поля. И больше вокруг не было ничего, не считая странного неба, одинаково голубого, без оттенков и ощущаемой глубины, похожего на что-то искусственное, на раскинутое полотно или покрывало. Солнца на этом полотне не было ни в одной стороне, и непонятно было, что же освещает эту скучную, примитивную картину окружающего пространства.

– Где же мы оказались, – тоскливо протянула Елена, – на небе или на земле?

– На небе нет земли, – справедливо заметила Джумагуль. – А здесь она есть – мы стоим.

– Но над землей есть солнце, а здесь его нет, – констатировала в свою очередь Елена.

– А небо здесь, – продолжила Джумагуль, – мне кажется хоть и не небом, но голубым, а это – уж я-то знаю! – взгляд не коровы: коровы не различают цветов.

– Значит, – снова констатировала Елена, – мы, конечно, коровы, но не совсем...

Тут все коровы, стоявшие на дороге, с интересом уставились на Елену и Джумагуль, как в первый момент их появления на свет, сопровождая теперь свое любопытство еще и жевательными движениями, как будто пережевывая сказанное и услышанное, труднодоступное для коровьего понимания.

Длилось это жевательное раздумье до тех пор, пока одна из телок не закрутила вдруг маленьким хвостиком и довольно весело не спросила:

– Вы все тут разные, а какого я цвета?!

– Ты – черная с белыми, очень симпатичными пятнами! – охотно ответила ей та корова, которая первой заговорила с Еленой и Джумагуль.

– Нет, ты – белая, с очень симпатичными черными пятнами! – не согласилась другая.

– Ты – черно-белая, настоящей коровьей раскраски! – сказала третья.

– А белые пятна большие? Какой формы? – спрашивала корова, поворачиваясь к остальным своими боками, грудью и даже задом.

– Белые пятна разные, очень хорошей формы.

– А есть просто круглые или овальные, как на картинках?

– Нет, таких нет, все пятна выглядят не какими-то там пришлепками, а естественными расплывами на общем фоне.

– А этот фон выглядит как шелк или как сатин? – не унималась корова.

– Этот фон выглядит как бархат!

– Му-у-у!.. – довольно промычала черно-белая телка.

– А я какая?! – не выдержала тут та корова, которой более других не терпелось тоже узнать о своем внешнем виде.

– Ты – рыжая, с редкими белыми, слегка желтоватыми пятнами!

– Темно-рыжая или светло-рыжая?

– Темно-рыжая, благородного оттенка, – ответили ей и заметили еще, что основная ее раскраска, так же как и у черно-белой, на вид бархатиста и редкие пятна вполне гармонично распределены по ее бокам и спине.

Тут корова эта, видимо от удовольствия, промычала довольно нелепую вещь.

– Темно-рыжий – это мой любимый цвет, – заявила она, – у меня даже есть длинное золотое платье такого оттенка, которое мне подарил один человек!..

При словах «платье» и «человек» все находящиеся здесь телки одновременно притихли и тупо уставились одна на другую. В полном неведении, они как будто вопрошали друг к другу: мы это или не мы? Впрочем, как только очередная корова решилась осведомиться о своей раскраске, так тут же все начало повторяться: корове подробно описали все особенности ее внешнего одеяния и перешли к следующей особи.

Елена и Джумагуль оказались голубовато-серой с рыжими пятнами и коричневой; оставшиеся: светло-рыжей, бурой, пегой и палевой.

Когда рассматривание закончилось, та самая темно-рыжая телка, которая упомянула про платье золотого оттенка, жалобно промычала:

– Му-у!.. Хоть бы соломы найти... Живот подвело...

– Му-у-у... – согласилась палевая. – без травы пропадем!

3. Пастух

– Слышу, слышу прорезавшееся разумное мычание! – услышали телки голос и увидели *кого-то* того, кто появился в темном проеме стойла и медленно сошел по настилу, приблизился к ним. – Без травы действительно пропадете!

Этот *кто-то* был с руками, с ногами и головой, но непонятно и странно одет: в темно-серую грубую куртку не поймешь какой ткани, застегнутую до подбородка на выпуклые, цвета позеленевшей меди пуговицы, и в такой же ткани штаны, всунутые в короткие – гармошкой, покрытые пылью сапоги. Голову *его* покрывала форменная фуражка, черная, с маленькой замысловатой эмблемой и лаковым козырьком, натянутая на лоб так, что глаз и даже половины носа не было видно, и явно различались лишь щеки, чуть впавшие, желтоватые, почему-то дрожащие, и – губы, какие-то бескровные, белесые, как плохо, небрежно намалеванные. Коровы молчали, глупоумно уставившись на это чучело или подобие чего-то существенного, и только смелая Джумагуль решила заметить:

– Что это за одежда? Может быть, вы – пастух, раз валяется кнут? Но я выросла среди пастухов – это другие люди.

– А я почему-то думаю, – тоскливо сказала Елена, – что людей здесь нет и не будет...

– Разумно! – подхватил этот *кто-то* и принялся вытирать нелепые, чрезмерно большие, распухшие, какие-то розово-желтые до прозрачности, как будто избитые, мокрые кисти рук об обшлага своей грязной куртки. – Очень разумное замечание! Одежды моей, – продолжал этот *кто-то*, – мы пока касаться не будем – об этом потом, трава вас ждет впереди, что же относительно человека: разумно! Здесь нет такого понятия и не будет, и даже слова такого нет, так что можете это слово сразу забыть, оно ни к чему. – Он поднял с настила, скрутил и пристроил себе на плечи черный, лоснящийся бич с крекером на конце и холщовую, раздутую сумку, явно чем-то набитую, и натянул еще глубже фуражку с непонятной эмблемой. Все движения этого *непонятно кого* с точки зрения коров были нечеткие, замедленные, плавающие, заторможенные, что, впрочем, лишь помогало той заинтересованности, с которой коровы наблюдали и изучали странный объект. – Видом своим, – продолжали слышать коровы, – я, конечно, напоминаю вам это бессмысленное понятие, которое здесь именуется совсем по-другому, но в каком же обличье мне появиться впервые перед такими, как вы, – неопытными, пугливыми телками *первого круга*? В каком? Так что внешний мой вид – только для вида, чтобы не смущать вас истинным своим видом, который на самом-то деле у меня совершенно другой, но недоступный пока что для вашего примитивного телячьего восприятия и разума. Правда, разум ваш с *течением столбов* будет меняться на более понятливый, и поэтому даю вам сразу совет: вам достаточно только слышать меня, особенно и не видя – в этом нет и особой нужды.

Проговорив свою речь, этот *кто-то* подошел, неуклюже, раскачиваясь и шаркая сапогами, к столбу на дороге, поправил слегка перекошенную табличку с номером два и повернулся к коровам, которые, после таких высокопарных и не совсем понятных высказываний, снова впали в пустое жевательное раздумье. У некоторых даже потекли длинные слюни, другие закрыли и открыли глаза, хлопнув ими, как куклы, третьи завертели тощенькими хвостами, выражая этим свое телячье недоумие.

– Что происходит и кто это перед нами? – спрашивают вас ваши неразвитые мозги, которые допускают существование лишь яви, воображения и сна и ничего другого больше предположить не могут, даже не подозревая о категориях, существующих вне вашего примитивного телячьего понимания. И поэтому, не углубляясь в глубины, поскольку все еще впереди и место для этого будет достаточно, для простоты и скорости первого понимания отвечу вам так: я – обыкновенный погонщик, то есть тот, кто ведет, гонит стадо и заботится о коровах, охраняя их от всяческих неприятностей, то есть пастух, – так и можете ко мне обращаться. Вы же –

коровы, а точнее, молодые коровы, бестолковые телки, и пастух я для вас с буквы большой, что, впрочем, не дает никаких оснований относиться ко мне как к пастырю... Все вы, по сути своей, не нуждаетесь в пастыре, потому что в каждой из вас есть собственный направляющий смысл, и по дороге, которая перед вами, вы бы могли передвигаться одни, если бы не наивность вашего телячьего состояния и отсутствие опыта, без которого вы можете попасть в разные западни, поддаться пагубным искушениям и, самое главное, не понять очевидного или же не принять окружающей вас теперь *вечной реальности*.

Коровы после услышанного даже перестали жевать, слюни у них так и повисли.

– Что же вы онемели? – спросил назвавшийся Пастухом.

– Язык у вас слишком серьезный и какой-то высокопарный, – ответила смелая Джумагуль. – Такой, как будто читаешь книгу, а когда книгу читаешь, то хочется помолчать.

– Да, все как-то очень замысловато, – согласилась Елена.

– «Высокопарный язык», «замысловато»... Ишь ты, коровы! – воскликнул, как будто разволновавшись, назвавшийся Пастухом, и лицо его, если это можно было назвать лицом, несколько покраснело. И продолжал уже более спокойно: – Сравнение, впрочем, удачное, в каком-то смысле вам, может быть, и предстоит чтение книги, хотя корова и книга – понятия несовместимые. Но для начала можно считать и так. Высокопарность же моих объяснений исходит от торжественности момента вашего появления здесь, замысловатость же кажущаяся объясняется тем, что в головах у вас отсутствуют сведения об истинном положении вещей, которое вас окружает, и все, что вы знаете или способны предположить, не имеет никакого отношения к этому самому положению вещей. К тому же условные звуки, которыми мы пока что обмениваемся, нельзя назвать вашим или моим языком, поскольку истинный коровий язык – мычание: на нем, научившись, вы и будете изъясняться в дальнейшем.

Все телки усиленно засопели, стараясь хоть что-то понять, потом замычали, сами не зная что и на разные голоса, пытаясь выразить коровье свое отношение к услышанному, и только Елена довольно разумно спросила:

– И что же за такая реальность нас теперь окружает? Что это за положение вещей, в котором нет места солнцу и человеку?

– Да, и что это за дорога? – добавила Джумагуль. – И почему мы должны идти по ней, причем непонятно куда?

4. Новое пространство

– Насчет реальности, дороги и человека пока отложим, – ответил назвавшийся Пастухом. – Понять все это вам предстоит впереди. Но чтобы начать с чего-то – а я должен с чего-то начать – сообщу вам первое и самое важное – как раз про положение вещей: земли здесь нет и не будет, а есть так называемая *поверхность*. Неба тоже не будет, есть – *свод*. Это не подлежит вопросам и обсуждению и должно быть воспринято как изначальная истина реального существования вас как *сущностей* на поверхности и под сводом. Далее о солнце, которого нет, но которое, как я понимаю, по вашему *нереальному* пониманию вещей должно быть где-то неподалеку, поскольку вокруг светло. Но нет! Как такового солнца здесь нет! Поэтому нет и теней, а день и ночь, поскольку закатов и восходов здесь не бывает, именуется *свет* и *тьма*, они сменяют друг друга поочередно, с непредсказуемым интервалом, который невозможно предугадать. Добавлю сразу, что в том ошибочном понимании мира, в котором сейчас находитесь вы, впервые ощутившие себя в настоящей реальности, свет и тьма – это добро и зло, но здесь этих ненужных понятий тоже не существует, здесь все едино, здесь свет и тьма уравновешены в полной гармонии и обладают единым смыслом, в котором усматривается только одно: дающее существование *неразделенное нечто* – понятие многообразное, постигнуть его до конца не может никто...

– Где-то я это слышала... – сказала Елена. – И кажется, видела знак... Ах да, был у меня такой брелок на цепочке!

– Похоже на ян и инь... – быстро вставила Джумагуль и сообщила: – А я про это читала!

– Так, так, – заинтересовался Пастух, – тебя, голубовато-серая с рыжими пятнами, называют Еленой – об этом сведения у меня есть, в них обозначено, что сущность твоя серьезна, тяготеет к учености и ты будешь задавать много разных вопросов по существу, и поэтому сразу дам тебе серьезный ответ, чтобы сбить твою легкомысленность в отношении самой же себя: *неразделенное нечто* ни на что не похоже, не объясняется разумом, тем более не выражается звуком и знаком и даже здесь, под сводом реальности, ускользает от полного понимания в область догадок... Про тебя же, коричневая, – обратился он к Джумагуль, – только предупредили, в самый последний момент, имени твоего я не знаю, сущность твоя, кажется, не глупа, вижу, что ты не против блеснуть своими вычитанными познаниями, которыми здесь, к сожалению, дорогу не вымостишь, и поэтому первое, что я тебе посоветую: научись поскорее правильно и внятно мычать, поскольку мычание коровье само собой не допустит бессмысленные звуковые сравнения, похожие на искусственный бисер, украшающий и без того наш условный пока что язык.

– Му-у! – произнесла Джумагуль.

– Похвально, но ты и сама не знаешь, что это означает!

– Не знаю, Пастух, но я постаралась выразить свое имя.

– Что же, похвально, хотя промышчала ты какую-то глупость... Итак, как зовут тебя, телка?

– Меня, Пастух, зовут Джумагуль.

– О священная, великая, звездная Мать всех коров и быков! Тысяча и одна тьма! Надо же какое красивое имя!

– Да, красивое, – кокетливо ответила Джумагуль, завертев маленьким хвостиком. – В Азии и на Востоке, собственно, имя мое означает: пятница и цветы.

– Ну, здесь Востока и Азии нет, и красота твоего полного телячьего имени никакого эффекта не даст, это все равно что к имени твоей новой подруги Елены прибавить имя ее достойнейшего отца – быка по имени Петр. Представьте себе, коровы, стоит перед нами молодая корова, телка *первого круга*, голубовато-серой расцветки с рыжими пятнами, и мы обращаемся к ней: «Елена Петровна!» Как видите, глупо называть истинную корову по имени-

отчеству, а также и длинное полное имя не подойдет, так что будешь ты, Джумагуль, зваться просто: Джума! Красиво, опрятно и без коровьих соплей!

Все телки после упоминания «соплей» как-то насупились, засопели, как будто обиделись. И только Елена продолжила разговор.

– Пастух, – сказала она, – вы говорили о солнце, которого нет, но ведь свет должен исходить из чего-то?

– И правда, Елена, ум у тебя не телячий... Свет здесь исходит изнутри окружающего пространства. Также изнутри самого пространства исходит и тьма.

– Да... грустно без солнца, – заметила темно-рыжая телка. – Солнце – ведь это все, а без желтого круга как-то не на что и надеяться...

– Солнце есть, успокою тебя, будущая корова, теряющая надежду, но далеко впереди, и это не солнце, но *вечнозакатное* солнце, которое скрыто за пределом коровьего видения и угадывается лишь по острым лучам, пронзающим свод. Но до этой картины вам еще далеко – семьдесят с лишним столбов... Там, впереди, с большого холма полностью открывается величественная картина реального мира, и только оттуда можно увидеть эти пронзительные лучи, которые исходят от вечнозакатного солнца, не имеющего отношения к смене света и тьмы.

– А если, Пастух, – продолжала допытываться Елена, – все же каким-нибудь чудом оказаться за пределом этого самого коровьего видения, то можно ли будет не угадывать это солнце по острым лучам, пронзающим свод, но все же увидеть его?

– Чудес, будущая корова с не по-скотски развитыми мозгами, здесь не бывает, поскольку над миром, где ты сейчас существуешь, нет мира необъяснимого, из которого исходили бы разные чудеса.

– Но если в пределе коровьего видения нет и не будет солнца, то как же тогда ориентироваться по сторонам света? – не унималась Елена. – Если, к примеру, заблудишься, собьешься с дороги...

– Сторон света здесь нет, – продолжил Пастух, – поскольку свет идет отовсюду и изнутри. Определять же свое положение в пространстве, в случае чего, можно по прошлому своему и будущему. Позади, если вы внимательно приглядитесь, движетесь вы же, впереди – тоже вы, то есть ваша сущность в пространстве плоскости состоит из бесконечного множества ваших же двойников – те, что позади вас, и есть ваше будущее, вы же повторяете движения тех, что идут впереди, которые и являются вашим прошлым. Так что, если вы собьетесь с пути, сориентироваться легко: нужно установить себя так, чтобы видеть себя и в прошлом, и в будущем, и линия, соединяющая эти две области, всегда выведет вас на дорогу, если вы, предположим, в поедании травы или в поисках водопоя забредете куда-нибудь далеко, откуда не видно дороги. Вглядитесь.

Телки вгляделись и действительно увидели впереди зады и хвосты себе же подобных, правда, не поймешь на каком расстоянии и похожих на призраки, окутанных как будто легким туманом. Затем обернулись и разглядели таких же, тоже в тумане, призрачных. И задние, и передние вроде бы двигались, шли, правда, не приближаясь и не отдаляясь.

– Но разве может, Пастух, прошлое быть впереди, а будущее позади? – усомнилась Елена.

– И те и другие есть вы, растянутые по кругу, есть множество ваших же повторений, и поэтому, двигаясь позади себя, вы еще не прошли настоящего, которое вам предстоит, и, следовательно, это вы – в будущем, двигаясь же впереди, вы уже миновали то, где оказались сейчас, и это вы – в прошлом. Мало того, вы растянуты на бесконечно много кругов, и положение в пространстве относительно двойников будет у вас неизменным в любой точке поверхности и под сводом.

Телки принялись вертеть головами, учась выстраивать строгую линию между множественными собой, поворачивались туда и сюда, отходили назад и подавались боком вперед, после чего, высматривая будущее и прошлое, правильно устанавливали свои тела в настоящем.

– Что же, – продолжил Пастух, когда все успокоились, научившись располагаться в пространстве, – впереди вас ждет зеленый лужок, начинайте двигаться по дороге, другого пути здесь нет. Отсчитывайте столбы и задавайте вопросы, и уверяю тебя, Джума, что первый твой круг по реальной поверхности будет подобен чтению новой увлекательной книги, которая покажется тебе не менее любопытной, достойной и интересной, чем книги, прочитанные тобой до сих пор.

– Что делать, раз дорога одна – пошли, – решила смелая Джумагуль, названная теперь для удобства Джума, и первой сдвинулась с места.

За ней тронулась и Елена, а затем и все остальные, довольно бодро, сопя, выстраиваясь на ходу голова в хвост.

Пегая, правда, коровка поплелась самой последней, одна, понуро и отставая, и сразу же начала причитать:

– Я, может быть, совсем не хочу читать эту, как вы выразились, «книгу». Какая же это реальность!.. Я только и думаю о траве и сене, да о воде, – я сошла с ума и не верю в происходящее. Все это – мысли в моей голове, которая почему-то выключилась из привычной мне жизни. Где мы все оказались? Все здесь наоборот, все – не от мира сего, – бурчала она, – двойники, свод, поверхность... Мы попали в какое-то сумасшествие, которое, как известно, всегда является нереальностью! Как же мне возвратиться в нормальность, как же мне возвратиться в нормальность...

– Вот – квадратный вопрос! Промычала не глупость! Будет из тебя толк, пеструха, если мучаешься такими сомнениями! – стал подбадривать пегую телку Пастух, двигаясь рядом с ней, подгоняя ее шлепками по задку, приговаривая «шевели своими копытами» и поглаживая по хребтистой телячьей спине. – Мира *сего*, промычала ты. Это каков же *мир сей*? Тот, что у тебя в голове? То есть ты хочешь распространить понятия того мира, который пока что у тебя в голове, на окружающий, здешний мир? Скажу тебе сразу, что это недопустимо и невозможно, поскольку противоречит вечному, неизблемому, раз и навсегда утвержденному. Успокойся и не надо тревожиться – ты не сошла с ума, а как раз напротив: входишь в свой ум! Сейчас наступит столб номер пять, возле которого есть единственный в здешних местах предмет, называемый зеркалом, в котором ты увидишь свое отражение и сможешь с уверенностью оценить, *тот* ли этот мир или *сей*, то есть разрешить сомнения в своей голове: выдуманно ли все то, что окружает тебя сейчас, порождение ли это больного воображения или – действительная реальность, к которой просто необходимо привыкнуть. Лучшее для этого средство – посмотреть на себя. Если ты увидишь корову, каковой, уверяю тебя, и являешься, то ты не сошла с ума, если же увидишь что-то другое, то я соглашусь с твоим сумасшествием и буду тебя лечить. Хотя подозрения твои не совсем обычны: ты думаешь, что ты тут одна – не корова?

– Да, Пастух, я не верю глазам... Возможно, я попала к коровам и...

– А как же четыре ноги?

– Ну, может быть, я в таком состоянии, что опираюсь не только ногами, но и руками...

– Вот выдумщица!

– А может, все это – отображение вашего разума в нашем?..

– Вот сочинительница, сколько телят ни гонял по первому кругу, но такого не слышал!

5. Зеркало

Скоро маленькое, разномастное стадо, бредущее по дороге и слегка ковыляющее, – похоже было, что телки почти не умеют и только лишь учатся ходить на копытах, – приблизилось к очередному столбу, возле которого Елена и Джумагуль, подошедшие первыми, а за ними и остальные обнаружили овальное озерцо нежно-голубого свечения, лежащее на черно-бурой поверхности. Все коровы приняли этот овал за настоящее озеро, поскольку не слышали разговора о зеркале пегой коровы и Пастуха, которые шли довольно далеко позади, и поэтому, испытывая вдруг наступившую жажду, выстроились вокруг и попытались всосать и втянуть воды. Но вместо питья у телок получилось только причмокивание и лизание, коровьи губы и языки хоть и приятно, но лишь скользили по зеркалу, не находя никакой влаги.

– Странно, – удивилась одна из коров, – и вода здесь какая-то не такая, как будто стеклянная.

– Наверное, мы неправильно пьем и нам нужно пить как-нибудь по-другому, – предположила другая. – Никогда не пила как корова...

– А может, – сказала Джума, – это наше первое испытание – ведь все дороги, особенно неизвестные, состоят из препятствий и даже ловушек, которые надо преодолеть? Возможно, нас испытывают на жажду и мы должны перетерпеть эту жажду?

– Тогда, я думаю, – развила тему Елена, – что перед нами какая-то корка, наподобие льда, и если разбить ее, то можно напиться. Предположим, копытом...

Размышления эти коровьи прервал подошедший Пастух, подгонявший перед собой пегую телку и, как оказалось, издавек слышавший то, о чем рассуждали коровы.

– Не стоит, пеструхи, разбивать несуществующий лед копытом, а также настраиваться на то, что вы находитесь в каком-то фантастическом приключении, где вам предстоит разгадывание загадок и преодоление препятствий, как в какой-то игре, – все это мысли телячьей направленности... На самом-то деле, я вижу, что давно не было ветра... – сделал он вывод и стал объяснять: – Тут бывают довольно занудливые ветра, которые несут пыль движений – понятие, соответствующее в ваших неправильных головах пыли времени, – и пыль эта покрывает лежащую перед вами поверхность, которая называется зеркалом – одна из немногих вещей не из мира сего, полезная здесь, – для правильного отображения реальности, которую вы сейчас так жадно слюнявите, замутняя тем самым отраженный в этом зеркале свод... Незапыленность на плоскости говорит о прошедшей погоде, которая здесь выражается только ветром или безветрием. В одном месте, правда, бывают дожди, а в другом – снег, но места эти являются исключением; да и дождь идет снизу вверх... снег же метет с боков; свод же всегда безоблачен.

– А почему же, Пастух, – поинтересовалась темно-рыжая телка, – зеркало валяется на поверхности, а не стоит прямо, например оперевшись на столб? Тогда бы можно было смотреться в него...

– Видимо, одинокий козел смотрелся в него, – ответил Пастух, – боднул сам себя, вот зеркало и упало.

– А разве, Пастух, здесь есть и козлы?! – удивилась черно-белая телка.

– Здесь есть не только коровы, но и быки, козы, козлы, а также другие жвачные, как парнокопытные, так и непарнокопытные, а также не жвачные. Стадо вокруг большое, многообразное, состоящее из многочисленных стад, которые и натаптывают эту самую пыль движений, которую в свою очередь поднимает и носит, когда тому наступает момент, ветер, возникающий беспричинно... Но все, что я говорю, вы увидите впереди, не в том смысле, что где-то там впереди, а в смысле вашего просыпающегося видения этой округи. Считайте, что на настоящий момент вы слепые и отчасти глухие и только сейчас начинаете слышать и прозревать. Между тем, пока вы сюда плелись, двигаясь как полумертвые тени, поперек этой дороги уже проско-

чили два молодых бычка – не знаю точно, куда их так понесло, – и пробежал, пыля, по своей дороге, пока невидимой вам, но пересекающейся с этой, быстрый гурт из полноценных коров третьего круга, спешащих по своим коровьим делам, но вы не увидели и не услышали ничего, поскольку не способны пока различать истинную реальность. Итак, не слюнявьте бесполезно стекло, и сейчас вот эта пегая телка, которая допускает возможность того, что все вы – коровы, она же одна – нет, будет убеждаться в обратном.

Телки несколько исподлобья, угрюмо, по-настоящему по-коровьи уставились на пегую телку, взглядами упрекая ее в нелепости ее подозрений, и пегая эта в ответ лишь потупила голову, поскольку не была уверена ни в том, ни в обратном, и, как бы оправдываясь, загадочно прошептала:

– Может, и зеркало какое-то не такое... и я увижу что-то потустороннее...

– Здесь потустороннего нет, не выдумывай! – категорично заявил Пастух. – Здесь исключительно все реально! Некоторые же предметы не из мира сего, которые будут попадаться вам на вашем пути, будут являться тем, чем являются, не имея никаких фантастических свойств или двойного смысла, поскольку окружающее вас пространство не допускает искажения реальности.

Он ухватился за край огромного зеркала, с удивительной легкостью поднял его, повернул овал по оси и прислонил к столбу возле дороги так, что зеркало установилось относительно вертикально. Рукавом своей куртки протер тщательно всю поверхность от коровьих слюней, другим рукавом довел до блеска, поправил на себе в зеркале странное одеяние и отошел, уступая место пегой корове.

Пегая шагнула посмотреть и сразу же увидела свою голову с симпатичными рожками, толстые губы, потом приблизилась и как следует изучила выпуклые коричневые глаза, кокетливо поморгала ресницами, посопела, пошевелила ушами и отстранилась боком подальше, чтобы увидеть себя всю, в полный рост. Кажется, она понравилась самой себе, потому что даже и не хотела отходить, а еще раз приблизила морду свою коровью к зеркалу.

– Что-то не так, что-то не от мира сего? – поинтересовался Пастух. – И подумай еще: можно ли в зеркале увидеть отображение постороннего разума?

– Нет, Пастух, все от мира сего, и очень даже неплохо, и отображение постороннего разума в зеркале увидеть, конечно, нельзя – это будет нелепость и сказка, – ответила пегая телка, не отрывая взгляда от зеркала. – Получается, что мысли мои соответствуют моему внешнему виду, а значит, здесь нет никакого *сошла с ума*... Значит, думая о воде и сене, я размышляю нормально... Что ж, надо привыкнуть, все необычно, но не смертельно... Вот только бы белое пятнышко на моем лбу было не овальное, а треугольное – было бы симпатичнее. И ухо одно серое, а другое почему-то коричневое... А нельзя ли, Пастух, тут где-то раздобыть серьгу для одного уха, чтобы чей-нибудь взгляд на меня сосредотачивался не на разного цвета ушах, а на серьге, пусть даже самой простой, из простого металла?

– Что же, это вполне возможно и даже обычно, вся скотина здесь коровьего рода украшается с удовольствием, кое-что получая в подарок, а что-то изыскивая сама, так что будет подходящий повод к тому, и я украшу тебя, обещаю тебе, тем более телка ты довольна, я вижу, покладистая, быстро смиряешься с очевидным, не споришь и не брыкаешься, как это делают в твоём возрасте некоторые неразумные особи, которые, бывает, при виде своего реального отражения капризничают и даже впадают в истерику, и даже бегут назад, не желая воспринимать очевидность и не зная того, что движение назад на плоскости сталкивает настоящее с будущим и заканчивается помрачением и без того слабеньких телячьих мозгов, что выражается затем в потере ориентации и чувства собственной сущности.

– Я, Пастух, не собираюсь устраивать тут капризы и бежать куда-то назад, где нет ни воды, ни сена, но только хочу попросить вас, чтобы металл этот, если возможно, был матового оттенка, а не блестящего, потому что я не люблю блестящего...

Тут, пока они рассуждали, остальные коровы начали оттеснять пегую телку, чтобы посмотретья самим. Та из коров, что была понастойчивее, а именно светло-рыжая, заняла постепенно удобное место и принялась строить самой себе губки, причмокивать, подмигнула в зеркало одним глазом, затем другим, потом умудрилась сделать глаза свои еще более томными и слезливыми, чем они у нее были, и так бы и продолжала кривляться сама с собой, если бы следующая корова не вытеснила ее, поскольку сзади тоже уже вовсю напирала. Оказавшись у зеркала, эта следующая быстро взглянула на морду свою и, улыбнувшись и убедившись, что ряд зубов у нее действительно только нижний, показала длинный язык, промычала, сама не зная о чем, и отошла, кажется, в полной уверенности, что ничего сверхъестественного не увидела. Темно-рыжая, дождавшаяся наконец своей очереди смотреться, сразу же встала к зеркалу задней своей телячьей, костистой частью и, развернув голову, сосредоточила все внимание свое на хвосте, проверяя, крутится ли он в одну сторону, в другую и можно ли им просто так поболтать. От занятия этого ее отвлекла палевая телка, довольно бесцеремонно оттиснувшая ее и вставшая тоже задом к своему отражению. Но эта последняя сосредоточилась не на особенностях хвоста, но именно на морде своей, предпочитая почему-то разглядывать ее стоя спиной к отражению и развернув голову так, как будто заодно хотела оценить и свои плечи, то есть взгляд она выдумала не прямой, но обратный, как бы несколько отстранившись от себя же самой. Две оставшиеся последние телки, ожидавшие своего места, никак не могли оттеснить эту палевую, поскольку она все любовалась и любовалась, закрутив еще и сереньким хвостиком, так что этого долгого действия не выдержал даже Пастух, заметив:

– Красава, красава!.. Хватит хвостом крутить, посторонись, вертихвостка!

«Красава» и «вертихвостка» отошла наконец от зеркала, предоставив возможность посмотретья двум последним коровкам, которые, плотно встав рядом друг с другом, умудрились поместиться в зеркале вместе и стали рассматривать в нем, кажется, не себя самое, а друг друга, сравнивая себя с рядом стоящей.

Пока они оценивали свои недостатки и преимущества, темно-рыжая телка спросила у Пастуха:

– А почему, Пастух, Джума и Елена уже получили свои имена, а мы, остальные, так и различаемся лишь по цветам?

– Да, – поддержала ее светло-рыжая, – нам тоже хочется скорей как-нибудь называться, а то просто: корова, телка, пеструха, вот еще вертихвостка... Оскорбительного здесь я не вижу, раз уж мы по сути своей, да и по виду коровы, но все же приятнее будет иметь какое-то имя.

– Не только приятней, но и достойней, – согласился Пастух. – Но запаситесь коровьим терпением, наступит благоприятный момент, и мы займемся вашими именами, тем более сведения о ваших сущностях у меня находятся здесь, в сумке. – и он похлопал по сумке, висевшей у него на боку, к которой все как одна телки с самого начала испытывали крайнее коровье любопытство. – Итак, оставим это зеркало для вновь проходящих. надеюсь, вы увидели себя правильно в мире сем, по отношению к которому другие миры, в частности миры у вас в головах, – миры не от мира сего, – и продолжим двигаться по столбам, которые отмеряют скорее не расстояние, но важные вехи в понимании вами самих же себя. И поэтому следующий столб будет под номером шесть: третий с четвертым вы миновали, считайте, в воображении своем, пока я втолковывал вам основы основ и знакомился с вами, пятый будет – вот этот, с зеркалом, и дальше, чтобы не сбиться, отсчитывайте не столько столбы на дороге, сколько кирпичи понимания, которые будут укладываться в ваших коровьих мозгах в стройное восприятие реальности сути, вытесняя *проекционные выдумки потустороннего мира*.

Стадо, не обратив внимания на последнюю фразу, бодро сдвинулось и пошло, взяв такой темп, что теперь казалось, все до одной телки приобрели какую-то степень уверенности в себе, что выражалось до следующего столба еще и в отсутствии вопросов и более правильном построении в движении. И только Елена, несколько отставая, спрашивала на ходу:

– Пастух, будут ли еще зеркала?

– Нет, – отвечал Пастух, – больше зеркал не будет, да и для чего, собственно, нужно корове зеркало? Корове в принципе зеркало совершенно не нужно, если только лишь для того, чтобы убедиться, что она – корова, – вот и находится для этого зеркало на первых столбах. Красота коровы, как сущности, состоит не в привлекательности коровьей морды, которая, как понятно, чем разляпистее – тем красивее, но совершенно в другом – в том, о чем ты постепенно узнаешь, двигаясь по этой дороге и проходя столб за столбом.

– Правда, Пастух, многое непонятно и хочется быстрее понять. Например, как сюда попадают? Как, например, я появилась на первом своем столбе?

– Ты, Елена, да и другие твои согуртницы рассматриваете происходящее с вами с точки зрения разумного принципа, но об этом придется забыть. Это не ты появилась на первом столбе, но столб появился перед тобой.

– Да, но где я была до того?

– Ты и была именно здесь, везде.

Больше вопросов Елена не задавала и прибавила шагу, чтобы догнать новых подруг.

6. Сущности и проекции

Округа к очередному столбу нисколько не изменилась. Все та же безжизненная поверхность расстилалась и бугрилась повсюду, все та же дорога пролегала по ней, все тот же свод, как искусственный купол, висел над головами коров. Пастух, подошедший к столбу последним, сразу сообщил:

– Столб этот является промежуточным, здесь нечего делать, трава ждет вас за следующим изгибом дороги. Правда, в этих пустынных местах как раз и появляется тот самый одинокий козел – *козел отпущения*, но сейчас я его не вижу. Бедный этот козел, попираемый всей скотиной, совершенно не понимает, за что ему выпала такая горькая участь. То и дело он прибегает сюда из той части поверхности, которая более населена в силу своей плодородности и привлекательности ландшафта. Там он мирно жует траву, пьет воду из озерца, совсем не блеет, чтобы не раздражать никого, но как только его завидят, так тут же начинают преследовать с криками: «Ты виноват! Ты виноват!» Все бодают его, стараются ударить копытом, гоняют, стоит ему попасться на глаза какой-то скотине. И хотят затоптать! И вот, в отчаянии, в слезах, спасаясь от ненавистников, он прибегает сюда, где нет воды и травы. Здесь он обычно приводит в порядок нервы, подскочит к зеркалу, которое вы уже видели, посмотрит и поизучает себя: что в нем не так? – и, боднув себя от отчаяния, в очередной раз возвращается в ту часть поверхности, где можно пастись. Таков круг одиночества его существа, и круг этот, как и все остальное, повторяется бесконечно.

– А в чем же виновато это бедное существо? За что его попирают? – спросила бурая телка.

– Это бедное существо – как ты правильно выразилась – не виновато ни в чем, но глупые, скажем, коровы обвиняют его в *последствиях*, не задумываясь о том, последствием чего являются эти последствия, выраженные, предположим, в сбитии копыт, в поблеклости коровьей раскраски, в выпадении волос из хвоста, в уменьшении молочных удоев, в медленном росте рогов и также их чрезмерной закрученности или, наоборот, прямоте, ну и тому подобное, во всем том, чем может быть недовольна скотина. Виной всему, считают парно- и непарнокопытные, тусклый, как будто отягощенный чем-то козлиный взгляд, который наводит муть, которая и порождает разные неприятные вещи. Взгляд этот и гонит от себя скотина, обвиняя и прогоняя козла.

– А последствием чего на самом-то деле являются эти последствия? – спросила Елена.

– Ну, тут ничего сложного нет: в одном случае виновата поверхность, усыпанная камнями, в другом – плохое настроение коровы, в третьем – неподходящие травы...

– Но ведь есть подобный козел и там, откуда мы появились, и я читала, что на него возлагают разные неприятности и прогоняют в пустые места, такие, как здесь, – сказала Джума. – Не тот ли это козел? Может быть, взгляд его как раз и отягощен возложенными на него неприятностями и он приносит их в этот мир?

– Ты правильно рассудила, Джума, и я вижу, что ты уже начинаешь мыслить реальными категориями, но только в рассуждения твои вкралась одна ошибка: вы появляетесь там, откуда, как ты говоришь, вы появились, здесь же вы существуете, но появляетесь там... Насчет же козлиной сущности, которой не повезло, я объясню чуть позже, через пару столбов, поскольку вы еще не способны мыслить теми реальными категориями, которые необходимы для этого объяснения. Но двинемся дальше, к зеленой и сытной траве.

Телки попытались сдвинуться и идти, но Елена, стоявшая поперек дороги, загораживала им путь и никак не хотела тронуться с места. Пастух подтолкнул ее легким хлопком, взял за рожки и хотел повести, но она как будто застыла, уперлась во что-то.

– Елена упрямится, как осел! – пошутила светло-рыжая телка.

– Да, – согласилась Елена, – наверное, я осел... Столб этот хоть и является несущественным, а животы наши хоть и стремятся к этой самой траве, но меня останавливает нечто существенное, которое после ваших, Пастух, сообщений, тяжело перевариваемых, не дает мне покоя и не дает двигаться дальше, и ощущение непонимания существенного гораздо сильнее моего животного голода. Видно, мы – тугодумки, раз коровы, и поэтому сразу спрашивать нет мозгов, а вернее, они как-то медленно усваивают услышанное от вас.

– Что же тебя останавливает, Елена?

– Меня, Пастух, останавливает самое главное: где мы? И что означает сказанная вами фраза: *проекционные выдумки нереального мира*?

Вопрос был такой значительный, что все коровы, и даже те, которые сосредоточились, пока стояли, на призраках своего будущего и прошлого, вертя головами и проверяя, правильное ли они заняли положение в пространстве, – все телки развернулись на этот вопрос, который и сами хотели бы задать Пастуху, но в силу своих телячьих, легковесных пока что мозгов не могли сформулировать.

– Да, Пастух, хотелось бы это знать... – в один голос подтвердили сразу несколько телок и обступили со всех сторон Пастуха.

– Да, Пастух, это очень важно для нас!..

– Вот, мокрые носы, телячье вымя, неожиданно! Действительно, самый насущный вопрос! – как будто даже обрадовался Пастух. – Ну и стаденко мне в этот раз досталось! Похвально! Обычно телки задают этот вопрос далеко впереди, бывает даже на последних столбах, интересуясь лишь внешней стороной дела и за всю дорогу так и не удосуживаясь уточнить, где же они все-таки существуют и где их, по существу нет! От незнания этого в головах долго держится искаженное восприятие реальности, которая окружает, некоторые телки надеются, что вернуться туда, где их на самом-то деле нет, и втайне воспринимают происходящее с ними как сон или наваждение. Вот уж воистину легкомысленная скотина! Вы же, наоборот, довольно быстро обсудили свою раскраску, насмотрелись на свои морды и даже зады и задумались о самом серьезном! Похвально! Это избавит меня в дальнейшем от множества оговорок и объяснения условностей, поскольку картина мира сего пусть как примитивный рисунок, но будет уже установлена у вас в головах! Итак, ответу: все видимое вокруг, а также невидимое пока что для вас есть территория Божественного стада, к которому принадлежите и вы, как сущности великого мироздания, и стадом этим управляет *Хозяин* всего, однажды и навсегда определивший всем сущностям бесконечное перемещение из пунктов А в пункты Б, по бесконечным кругам этой поверхности и под сводом. Если хотите представить себе, пока потустороннее воображение в вас сильно и мыслите вы не здешними категориями, то вы находитесь в некоей *плоскости*, – коровьим же языком эта область означает конкретно, и скоро вы услышите правильное звучание этого величайшего из понятий, – плоскости, невидимой на земле, – последняя здесь называется *проекционным, потусторонним, призрачным, нереальным, мертворожденным* миром, где ваши ничтожные *проекции или тени*, спроецированные отсюда – туда, думают о себе, за исключением немногих, что они – *реальность*... Да, – продолжил Пастух, как будто бы сам себе отвечая, – на самом-то деле в том коротком отрезке великого, всеобщего и безостановочного движения, где приютились на миг эти бессмысленные, бесплотные и самонадеянные создания, эти отображения ваших великих сущностей, а также во множестве расплодившиеся призраки, вообще не имеющие никаких сущностей и являющие собой лишь отображения отображений, – на самом-то деле там очень немногие знают о своей нереальности, но ощущают где-то поблизости реальный мир, в который не то чтобы верят, но несут его в своей голове, зная о нем, слыша его и иногда даже видя. Но – слава Хозяину! – большинство этих нереальных созданий давно не обладает способностью чувствовать себя здесь – где находитесь вы. Почему слава Хозяину – в том смысле, что основная масса этих бесплотных теней лишена восприятия действительности, – я объясню позже, при более

подробном и содержательном разговоре, а что касается слова *давно*, то употребить это слово можно лишь по отношению к ничтожным проекциям, к их временной жизни, то есть здесь, в сущностном мире, такое понятие, как *время*, абсолютно отсутствует, да и то, что у проекций называется временем, здесь истекает совсем по-другому. Здесь не нужны часы и минуты, здесь все измеряется пройденными столбами, движением... Например, корова мычит: я узнала об этом на семьдесят третьем столбе... Или: она родила теленка десять столбов назад... Или: мы встретимся с параллельным гуртом через три столба... Почему так? Потому что не существует другого отсчета; солнца как такового здесь нет, луны нет, свет и тьма сменяют, как я говорил, друг друга поочередно, но с разными интервалами, все не похоже на то, что вы помните, или знаете, или можете предположить, однообразия времени потустороннего мира здесь нет, и нереального времени нет, да и понятия такого нет. Возраст полноценной скотины исчисляется пройденными кругами; к примеру, можно сказать: этой корове восемь кругов...

Телки, стараясь пока что лишь настроиться на реальность происходящего с ними, не очень-то воспринимали услышанное, и только бурая, довольно угрюмая телка, осмыслив, кажется, речь Пастуха, спросила после длительной паузы:

– А сколько всего кругов, Пастух, проходит корова?

– Кругов – неслыхано, каждая сущность идет бесконечно по этим самым кругам, предписанным ей великим законом, но с десятого принято говорить: этой корове *бесконечно много кругов*. Впрочем, с круга второго вы будете не говорить, а мычать, и возраст скотины мычанием выражается совсем по-другому.

– А что, Пастух, происходит после того, как мы переходим на следующий круг? Чувствуем ли мы себя такими, как здесь? – спросила Джума.

– Конечно же чувствуете, но более сложными, чем сейчас, хотя объяснить эту сложность я вам не могу, поскольку у вас в головах совсем мало сведений об окружающем порядке вещей.

– А на десятом и на бесконечном кругу?

– После десятого круга у вас появится ощущение, что вы присутствуете сразу на всех кругах, включая этот первый, телячий.

– Я, Пастух, – сказала светло-рыжая телка, – еще перед зеркалом задумалась о своем возрасте, значит, как я понимаю, возраст мой – один круг.

– Нет, – ответил Пастух, – возраст твой – это шесть столбов первого круга.

– А есть ли соответствие этому – там, в потустороннем, как вы его называете, мире?

– Нет, светло-рыжая, – ответил Пастух, – соответствия этому нет, поскольку в отображаемых тобой проекциях сущность едина и заключает в себя, предположим, тебя, корову, возрастом в шесть столбов первого круга, в, предположим, тридцать столбов какого-нибудь четвертого круга, а также в девяносто девять столбов бесконечно много кругов.

– А можно ли увидеть эти свои круги или много себя с какой-нибудь высоты, например с большого холма, о котором вы говорили? – не унималась светло-рыжая телка.

– Отдельно себя ты не увидишь, но ты увидишь, что все – едино.

– Значит, с холма можно увидеть вообще все? – спросила темно-рыжая телка, которой было грустно без солнца.

7. Из ниоткуда и в никуда

– *Вообще все* – понятие бессмысленное, – принялся объяснять Пастух, – но единство всего – доступно взгляду с большого холма, откуда открывается величественная картина окружающего пространства, которую лучше увидеть, чем услышать описание ее... Главное, что просматривается оттуда как нечто невероятное, – это самый значительный столб – *нулевой столб*, принадлежащий нашей Божественной плоскости, но также являющийся точкой соединения нашей плоскости, неба, земли и еще нескольких плоскостей, о которых речь не пойдет в силу того, что эти несколько плоскостей представляют собой лишь грани каких-то других, величественных объемов, о которых я, обыкновенный Пастух, даже не могу и помыслить. На земле отображаются ваши проекции или тени, на небе, куда попадает после исчезновения проекции некая загадочная для нас здесь субстанция, именуемая душой, привязанная исключительно к небу и не имеющая отношения к Божественной плоскости, – на этом небе существуют свои хозяева, свое пространство и свои законы, и поэтому тема неба не должна вас особенно волновать... Вас должно волновать, что все существующее на плоскости стягивается к нулевому столбу, который виден с холма как нечто неопишное даже самым внятным мычанием... Вся Божественная скотина, миновав этот столб, снова попадает к первым столбам своего нового круга, чтобы продолжить безостановочное движение. Не вся, правда, скотина каждый раз доходит до нулевого столба, поскольку некоторые, не дойдя до него, теряются, исчезают или попадают на исправление. Но, потерявшись и обнаружившись снова, исчезнув и снова возникнув или попав на исправление и исправившись, скотина начинает с того столба, на котором прекратилось ее поступательное движение, и все равно приходит к этому нулевому... Тех особей, которые потерялись в пространстве, отыскиваем мы, Пастухи, – а Пастух здесь я далеко не один, – исчезнувшей сущности помогает восстановиться особый закон, в исправительные же места отправляем опять же мы, Пастухи, иногда с одобрения или по настоянию Хозяина, но о местах этих вам, телкам первого круга, на этом седьмом столбе знать пока еще рано, поскольку, не зная и не понимая почти ничего, вы можете испугаться до такой степени, что от этого страха будете еле двигать копытами, что в свою очередь замедлит наше движение.

– Ой, Пастух, – жалобно чуть ли не промычала светло-рыжая телка, – у меня уже ноги подкашиваются от страха от ваших слов, лучше и не рассказывайте об этих местах.

– А как не попасть в эти самые исправительные места, не делать грехов? – угрюмо спросила бурая телка.

– Любые грехи, будущая корова, понятие *проекционное*, категория не здешняя. Поэтому, кстати, тот самый козел отпущения, единственная на поверхности сущность, имеющая в потустороннем мире неизменное отражение – в виде козла же, пасется здесь под гнетом земных грехов, от непонимания которых у него и дуреют глаза, а взгляд становится мутным. Проекция полагают, что, отправив козла в пустыню, они отправляют с ним и свои так называемые грехи, возложенные на него. Но куда они их отправляют – они не знают, козел-то числится здесь, как бессмертная сущность, а здесь такое понятие, как грех, отсутствует, и *Великий Закон*, не принимая ничего инородного, возвращает это понятие назад. Так что бедный козел переносит проекционные выдумки туда и сюда, своим опечаленным, измученным видом только раздражая скотину. Мало того, мертворожденные тени иногда проделывают подобное с рыжей коровой, не отправляя, правда, ее в пустыню, но сжигая ее. Но они не знают того, что этим самым символически воздействуют на нашу великую плоскость, покушаются на великую коровью сущность через обряды – что, по сути своей, лишь удесятерит страдания тех, кто хочет избавиться от чего-то гнетущего, прибегая к проекционной лжемудрости – здесь одновременно и оскор-

бительной, и смешной. Впрочем, все это и есть *проекционные выдумки нереального мира*, начиная с грехов и кончая рыжей коровой.

– Пастух, но с козлом и рыжей коровой, наверное, так поступали давно – это какая-то дикость, – сказала светло-рыжая телка.

– Мне страшно, – пожаловалась темно-рыжая.

– «Давно» и «недавно» – понятия проекционного мира, в Божественном стаде же круг козла отпущения не изменяется, и, значит, в проекционной иллюзии всегда существуют более глубокие и тайные формы совершения этого мерзкого действия над бедным козлом. Что же касается рыжей *проекционной коровы*, лишь внешне похожей на вас, но на самом-то деле имеющей с вами весьма отдаленную связь, – корова эта, как и все остальные коровы в мертворожденной иллюзии, отдельное существо, живущее по особым законам, о которых я расскажу на дальнейших столбах. Сейчас же замечу только одно возможное для вашего уровня понимания: вам, две рыжие телки, беспокоиться не о чем, рыжих нельзя обижать ни в одной из существующих плоскостей, тем более глумиться над ними, поскольку это приводит к самым плохим последствиям, оборачивается для обидчика рыжих перерождением в нечто несуществующее, но вечно чувствующее себя... Впрочем, последнее – из области тех объемов, которые примыкают своими великими гранями к нашему нулевому столбу и о которых я знаю лишь понаслышке. Понятие же греха как такового есть также в области неба, о которой я краем осведомлен, поскольку некоторые Пастухи нашего великого стада приставлены на работу к нулевому столбу и иногда делятся тем, что происходит в этой великой точке, где замирает на миг безостановочное движение. Здесь же, на плоскости, существует категория только ошибок и преступлений, за которые и назначают в места, о которых вы узнаете позже, когда будете готовы разумно воспринимать окружающую реальность и хоть частично соображать, в чем может проявляться недопустимое поведение скотины, влекущее за собой наказание. Но успокою вас сразу: телки первого круга не попадают в эти места в силу того, что ошибки на первом кругу неизбежны и легко исправляются мной, Пастухом. Правда, есть оговорки, о которых я должен предупредить: сущность первого круга, которая за девяносто девять столбов так и не ощутила своего реального положения, сочла происходящее с ней сном, видением или больным воображением или принимает истинную реальность за басню, иносказание или фантастику, то есть осталась к концу дороги в том примитивном, проекционном мышлении, с которым она попала сюда, подвергается растворению и никогда больше не появится здесь, тем более не будет иметь проекций, отбрасываемых в плоскость земли. Растворение это совершается безболезненно и происходит незаметно для сущности, как неожиданная потеря памяти о себе.

– То есть будущая корова умирает, Пастух? – спросила бурая телка.

– «Смерть» – понятие проекционное, здесь у нас подобных примеров нет, и даже не с чем сравнить. Если бы, предположим, сущность могла умереть, то с ней бы умер и кусок той поверхности, на которой она пасется, и часть свода, который висит над ее головой, и еще много чего, потому что со всем тем, что ее окружает, сущность связана неразрывно, и выдрать ее из всего этого невозможно, не покалечив среды, в которой она существует. Здесь же эта среда неприкасаема и охраняется самым высшим законом, установленным свыше.

– Но, Пастух, разве растворение – это не смерть и разве оно не приводит к покалечиванию среды, которая охраняется высшим законом? – рассудила Елена.

– Нет, Елена, потому что растворяется не сама сущность, но ее ощущение себя, сущность же наделяется просто другим ощущением, более, возможно, приспособленным к пониманию реальности. К тому же на первом кругу вы, можно сказать, находитесь только еще одним копытом на великой поверхности, и даже копытом этим вы лишь слегка соприкасаетесь с настоящей реальностью, так что никакого ущерба окружающему пространству удаление примитивного мышления не наносит. Проекция же – дело другое, тот фантастический мир, где отображаются ваши потусторонние тени, принадлежит круговороту событий, происходя-

щих в их голове, и призраки, заполняющие это несуществующее пространство, могут как появляться, так и исчезать бесследно, не нанося никакого вреда и ущерба окружающей ирреальности и забирая ее с собой, поскольку создана она их же воображением.

– А если бы не было воображения у бесплотных теней, что бы было вокруг этих теней? – спросила Джума.

– На первых порах у призраков воображения и не было и не было вокруг ничего. Был мир теней, но этого мы коснемся, когда наступит надлежащий подобному разговору столб, когда вы будете больше видеть и понимать и у вас возникнут дополнительные вопросы в отношении развития воображения у этих призраков, да и вообще в отношении развития этих бесплотных теней, которым изначально дали плоскость земли, небо и свод, составляющие действительную реальность, которую они умудрились заполнить воображаемым миром, безнадежно погрязнув в конструкциях своего слаборазвитого ума.

– Скажите, Пастух, а существует в области неба что-нибудь сущностное, принадлежащее нашей Божественной плоскости? – спросила темно-рыжая телка. – Небо мне как-то ближе, чем нереальный, как я теперь понимаю, призрачный мир, о котором не хочется и говорить...

– Н-да, – задумчиво ответил Пастух, – кое-что попадает отсюда – туда, а оттуда – сюда, но мне известно лишь о немногом, поскольку на небе, в отличие от земли, я не был и никаким образом попасть туда не могу. Но кое-что об этой фантастичной и странной плоскости мне известно из рассказов других Пастухов... Будет столб, и я поделюсь с вами тем, что мне известно про это. Но вернемся к себе, под свод, к нашим делам, надеюсь, хоть кое-что вам стало понятно. Итак, моя прямая обязанность сопровождать вас на вашем пути из точки А к точке Б, считать поголовье, поддерживать дисциплину, наказывать непослушных и поощрять своенравных, поскольку у каждой из вас, как у сущности, к концу дороги должен проявиться свой нрав. Вы не должны опасаться моего устрашающего кнута, сплетенного из кожи одного *не сущностного* быка, – подарок из потустороннего мира! – с кречером на конце из конского волоса – слава хвосту и гриве свободного, *сущностного* иноходца! – бить я вас этим кнутом не буду, но кое-что напоминать вам о вас же самих с помощью сверхзвукового удара буду... Тут, на плоскости, водится всякая нечисть, невидимая даже для такого, как я, – Пастуха, и нечисть эта, земного происхождения, то есть проекционных корней, может схватить наивную молодую телку и утащить *в никуда*, после чего телка эта не исчезает совсем, нет, но появляется *из ниоткуда* в полном беспамятстве в отношении того, где она до этого находилась и кто она есть. И начинается вновь: я – не корова, все это сон... – то есть пройденные столбы и те сведения о Божественной плоскости, которые она получила, слушая Пастуха, стираются в этом проекционном нигде и все приходится начинать с нуля... Кнут, если вовремя, помогает: нечисть пугается, отступает, слыша удар бича, да и телка, вздрогнув от этого звука, не дает себя утащить.

– Это, Пастух, похоже на какое-то волшебство: как же может мое тело исчезнуть, а потом появиться вновь? Разве это реальность? – удивилась Джума.

– Исчезает не тело, Джума, нечисть утаскивает все, что есть в голове, то есть сущность при этом как бы раздваивается: тело ее как ни в чем не бывало продолжает пастись, поглощает траву и идет по столбам, голова же со всем содержимым находится в этом самом нигде, и по взгляду телячьему – бессмысленно-отупевшему – можно точно сказать, что ее в данный момент на плоскости как бы и нет. Нечисть, правда, не касается взрослых коров, с окрепшими головами и осознанным, правильным пониманием реальности, и поэтому начиная с круга второго сущность по собственному желанию мыслями может уходить в никуда и возвращаться из ниоткуда, не теряя при этом опыта первого круга, на котором и утверждает себя великой скотиной. Но не все, конечно, так просто, дело тут в том, что из ниоткуда на плоскость могут перемещаться небольшие предметы, то есть граница двух плоскостей или сред обладает феноменальными – с точки зрения иллюзии – свойствами, которые мертворожденные тени назвали бы волшебством, но Пастухи и скотина, пользуясь этим, ничего сверхъестественного

здесь не усматривают, как и во многом еще из того, чем реальный Божественный мир отличается от потусторонней иллюзии. Свойство это действует и в обратном порядке и касается нас, Пастухов, и в исключительных случаях скотины, которая, правда, телом попав в никуда, никогда уже не вернется на плоскость из ниоткуда...

– Может быть, нас как раз и похитили *из ниоткуда* и доставили сюда, *в никуда*? – серьезно предположила пегая телка, та самая, что поначалу не верила в то, что она – истинная корова. И прибавила неуверенно: – Через границу двух сред...

– Опять за свое! – грубо одернула ее бурая. – Морду свою ты в зеркале наблюдала? Корова!

– Смешно и заузно, – подытожил Пастух. – Подумай, и пусть подумают остальные: не слишком ли сложно выглядит твой вопрос, в котором и без того проекционное мышление проецирует себя снова куда-то? Лишь некоторые из быков способны озадачиваться подобными неразрешимыми мыслями и не сойти от этих мыслей с ума.

– Быки... – загадочно произнесла палевая телка и тут же пустила слабенькую и тоненькую струю, которая потекла по ее ноге.

Телки не заметили этого, а Пастух лишь внимательно посмотрел, покачал головой, но ничего не сказал.

Между тем подул легкий ветер, принеся серую пыль, свод слегка потемнел.

– Надо идти вперед, а то попадем в непогоду, – предупредил Пастух. – Мало того, ветер здесь иногда предшествует наступлению тьмы; вы же еще не кормлены, надо поторопиться.

Коровы тронулись по дороге, размахивая хвостами, и больше не задавали вопросов. В том месте, где дорога изгибалась направо, полоса ветра и пыли закончилась и свод посветлел. Джума остановилась, посмотрела назад: там все пространство заволкло темно-серым, которое, как огромный занавес, опускалось со свода и до поверхности, и призраки-двойники неумолимо двигались в этой колыхающейся завесе, не приближаясь.

– Будущее идет в непогоде, – задумчиво сказала Джума.

Впереди щелкнул бич Пастуха, и Джума, вспомнив про *ниоткуда* и *в никуда*, испугалась и неуклюже, боком поскакала вперед, догонять остальных.

8. Ида

На поверхности появились хвощи. «Не коровья еда!» – крикнул Пастух и щелкнул бичом, но стадо повеселело, увидев хоть что-то растущее, и прибавило шагу.

Редкий хвощ вскоре пошел вперемешку с травой, и наконец по одну сторону дороги расплодился сплошной зеленый наплыв. Телки свернули с дороги и, склонившись, стали жадно щипать траву, заглывая, отрывая и снова жуя.

Быстро, усердно опустошая наплыв не очень вкусной, пресной, чуть горьковатой травы, телки приблизились к небольшому, но уже настоящему озерку и сразу вылебали его, оставив вместо воды одну черную жижу. Только отчасти сытые и напоенные, они подняли головы, чтобы увидеть, куда двигаться дальше, и тут услышали протяжное: «Му-у-у!» – и увидели в отдалении полноценную большую корову черно-белой раскраски. Корова эта стояла как памятник.

– Му-у! – попыталась ответить Джума и с интересом направилась познакомиться, немного волнуясь, поскольку увидела первое взрослое коровье существо, встретившееся на поверхности.

За Джумой двинулись остальные, попутно склоняясь и выхватывая пучки чахлой травы, растущие за пределом наплыва редко и в беспорядке.

Корова оказалась очень красивой, с огромным выменем, с изящным изгибом черных рогов, с весьма гармоничным распределением черных и белых разводов; на шее у нее висели крупные красные бусы из шариков, похожих на детские погремушки. Корова стояла, кажется, исполненная собственного достоинства, умно и внимательно глядя на приблизившихся одна за другой тощих, не слишком маленьких, но все же тщедушных телок. Корова молчала.

Подошедший Пастух погладил эту корову по шее, почесал ей под бусами, после чего она стала вытягивать шею и протяжно, довольно мычать.

– Первая встреченная вами корова – это показательная для вас корова, – стал объяснять Пастух, продолжая поглаживать коровью шею. – Это существо мягкого, но строгого нрава, обучающая корова, помогающая корова, подгоняющая корова, одна из мудрейших сущностей нашего великого стада, ей бесконечно много кругов, и она будет помогать мне на этой дороге, следуя с нами почти до последних столбов. Зовут ее просто: Ида. Проекция ее в потустороннем, бессмысленном мире имеют разные клички, такие, как Дуся, Ядвига, Евдокия и Дуня, но все они все равно Иды и в большинстве своем знают об этом, ощущают себя коровами, безропотно несут свою потустороннюю, временную ношу бессмысленной жизни в проекционном пространстве и втайне даже не то чтобы верят, но ни на йоту не сомневаются в своем происхождении от Иды, постоянно чувствуя с ней неразрывную связь. Ида – единственная в нашем великом стаде корова, у которой есть верхние зубы, и она способна пережевывать проекционную речь, как сено или траву, и в переводе выдавать правильное мычание, а также пережевывать правильное мычание и выдавать проекционную речь. Другие коровы не обладают способностью перевода и будут общаться с вами на том языке, на котором начался разговор, предпочитая все же, конечно, выражаться реально. Коровы вообще, надо сказать, рождаются бесконечно болтливыми, но, забегая сильно назад, скажу, что много кругов впереди не было у меня такого гурта, чтобы телки не умели сразу болтать на коровьем. Но постепенно стало так, как сейчас. Причины этой метаморфозы – а именно проникновение в великую плоскость потусторонних созвучий – мы разберем несколько позже, когда тому наступит момент, сейчас же замечу пока что одно, возможно, интересное вам: младенцы проекций с рождения одарены Божественным языком, который тут же отнимают у них, навязывая им условно-проекционную речь и отлучая тем самым от чувства существования великой реальности, которое испытывали потусторонние призраки на земле до появления первого слова... Итак, мудрая Ида преподаст

вам коровью азбуку, объяснит многие вещи с точки зрения коровы и разовьет в вас извилины скотского мышления, которые пока что не развиты или спят и которые дадут вам возможность определяться в пространстве не так, как сейчас, а совсем по-другому: по принципу интуитивного компаса в головах, и, таким образом, не оглядываясь на своих двойников, вы всегда будете твердо знать, где вы находитесь и куда вам идти. Ида, – обратился он к черно-белой корове, – научи этих легкомысленных телок первому и самому важному, что должна уметь делать любая скотина и в любых обстоятельствах, всегда и везде, любая!

Телки удвоили внимание свое настороженными ушами, ожидая, что Ида сейчас промычит или скажет какую-то мудрость, которая станет первоосновой на пути к коровьему просвещению, пониманию положения вещей нового мира, но вместо поучительной речи услышали тот самый простой и известный звук, который всегда сопутствует облегчению коровы, и увидели на поверхности выросшую на глазах довольно большую кучу навоза.

– Вот вам первый урок от полноценной коровы! Учитесь!

Все телки, казалось, смутились этим событием, и две из них даже отвели взгляды в сторону, но тут светло-рыжая вдруг тоже издала определенного рода звук и наделала небольшой ляпок.

– Ой! – смущенно сказала она. – Кажется, я обделалась почему-то...

– Не кажется, а точно сделала свое дело! – даже не произнес, но воскликнул Пастух и перешел на торжественный тон: – Ты, светло-рыжая, первая из вновь появившихся здесь унавозила Божественную поверхность – действительно радостное событие, поскольку уновоживание поверхности есть облагораживание ее, то есть первейшее священное коровье дело, и если даже корова способна только на это, то она уже – достойнейшее создание! И поэтому тебе полагается приз – капну тебе на один из твоих великолепных зубов капельку золота! Правда, непонятно, откуда в тебе так быстро взялся навоз? Такое бывает только от страха – слишком уж быстро ты переварила траву, почти не отрывая и не разжевывая!

– Я, Пастух, – объяснила, смущаясь, светло-рыжая телка, – появилась первой на этой дороге на первом столбе – незадолго до вас – и в одиночестве думала, что так и буду находиться одна, как корова и в неизвестном пространстве, и от страха полного одиночества и непонятного состояния я подчистую сжевала маленькую копенку, которая приткнулась к столбу, сжевала, чтобы было не так одиноко...

– Вот и тема Божественного исследования: коровье одиночество и еда! – снова воскликнул Пастух. – Я уже давно замечал, что коровы, гуляющие по одной, слишком много едят, но не полны и не дают лишнего молока, – теперь, как стало понятно, все, оказывается, уходит в бесценный навоз! Кстати, в этих местах потому и мало травы, что коровы здесь не гуляют: слишком пустынно. Вот и расплодился хвощи на бедной поверхности. Надо бы направлять сюда одиноких коров – таких немало, пусть обогащают поверхность. Доложу куда следует, может быть, стоящие выше меня *Гуртоправы* сочтут мою мысль полезной, займутся распределением навоза одиноких коров, и я получу от Хозяина поощрение: более достойное назначение, чем гонять телок и коров по кругам! Могут перевести на степных, норовистых кобылиц и даже на сверхгордых коней – их восьмерки по Божественной плоскости не так унылы, как ваши круги, да и сущности у них будут попроще – меньше возни! Кстати, в том стойле, откуда вышли Джума и Елена, тоже было немного старого сена, а они – ничего!

– Мы, Пастух, – ответила за двоих Елена, – не боялись совсем. Мы пожевали только чуть-чуть, лишь для факта, чтобы убедиться в реальности своего существования как сущностей!

– Ого! – искренне обрадовался Пастух. – Вот наконец правильно сказанное и осмысленное! Елена воспользовалась интуицией своей сущности, подключив дологичное мышление, поскольку логикой ваше нахождение здесь, да и попадание сюда объяснить невозможно. Не зря в сведениях о тебе, Елена, значится, что ты – склонна к учености! Дело, вижу, пойдет, берите пример! Елене, как первой из осознавших себя и сей мир, тоже награда!

Пастух снял с плеча свою холщовую сумку, порылся в ее таинственном содержимом, приговаривая: «Тут у меня всякая всячина из потустороннего мира...» – и вытащил плоскую баночку, в которой и оказались награды: разных цветов овалы и кружки размером не больше чем конфетти. Нижняя губа «первой унавожившей Божественную поверхность» оттопырилась как-то сама, обнажив ряд крупных, неестественно белых зубов, и Пастух прилепил золотой овалчик на передний, самый выдающийся зуб отличившейся сущности. Телка закрутила хвостом и изобразила улыбку, хвастаясь своим украшением перед другими.

– Ну и морда коровья, – угрюмо промычала бурая телка. – Страсть! Хоть и с золотом.

– Да, – согласился Пастух, – улыбка слишком проекционная, чересчур уж кокетливая, не коровья, губы ты поджимаешь не по-коровьи – выпяти их и расслабь, когда улыбаешься, или вытяни в дудочку! Улыбайся-ка ты поскромнее, может, к кругу второму зубы у тебя чуть-чуть пожелтеют, пообтешутся и не будут так откровенно белеть. Теперь награждаю Елену, – и Пастух прилепил красный кружок прямо телке на лоб. – Это, Елена, особая мушка – знак твоего отличия, твоего подающего большие надежды ума!

– Пастух, – сказала Елена, – а Джума тоже жевала по той же причине: чтобы убедиться в реальности. Джума тоже не глупая...

– Сразу двух умных коров в одном стаде не допускается, – важно ответил Пастух, – поскольку возникнут разногласия умов, и поэтому Джуму возвысить до твоего уровня я не могу, но прилеплю ей черную мушку – знак коровьей пытливости.

И Пастух вытянул из коробочки черную мушку и приспособил на лоб Джуме.

– Пастух, – потерлась сопящим носом о рукав пастушеской куртки пегая телка, та самая, которая не так давно поставила под сомнение свою коровью сущность и у которой были разные уши, – помнится, вы обещали мне что-нибудь на ухо. Может быть, там, в вашей сумке, есть что-то и для меня?

Пастух снова принялся рыться в сумке, опять приговаривая: «Тут у меня всякая всячина из потустороннего мира...» – и сначала вытащил ржавую гайку, затем моток изолянта, затем какой-то пучок, похожий на сантехнический лен, и – еще какую-то дребедень, про все это объясняя: «Нет, это все для взрослых коров...» – и наконец извлек деревянную бельевую прищепку и спросил пегую телку:

– Сойдет для начала?

– Сойдет! – ответила пегая, и Пастух прищепнул украшение на ее серое ухо.

И тут вдруг из телок, наблюдавших происходящее, одновременно ударили шипящие струи, орошая поверхность. Из тех же, кто был награжден и украшен, струи не полились.

– Пастух, – произнесла, облегчившись, темно-рыжая телка, – вот, мы тоже совершили действие, полезное для поверхности, наградите нас тоже!

– То, что вы совершили, позавидовав награжденным, называется облегчением от зависти, и к тому же коровья моча, несмотря на свой Божественный запах, никакой пользы поверхности не приносит, – нравоучительно произнес Пастух и обратился к равнодушно наблюдающей все это Иде: – Ида, веди этих недотеп к следующему столбу и расскажи им про коровью зависть, а также объясни разницу между навозом и тем, чем они напитали Божественную поверхность.

Ида громко, призывно замычала и повела за собой маленький гурт, на ходу объясняя коровьим мычанием то, о чем попросил Пастух.

Джума, двигаясь позади остальных, спрашивала Пастуха:

– Разве, Пастух, коровья моча не полезна? Я читала у великого Ибн Сины, что коровья моча – лекарство от многих болезней, другой современный автор пишет, что моча содержит много металла – меди и золота.

– Чтобы тебе ответить, Джума, я должен объяснить разницу между *проекционной коровой* и той, которой являешься ты. Разница велика, особенно учитывая условность происходящего там и безусловность происходящего здесь. Но в безусловность реальности добавляется услов-

ность видения на первом кругу, и поэтому разница между проекционной мочой и здешней станет тебе понятна только после того, как ты окончательно сориентируешься в порядке вещей и научишься правильно выражать мычанием такие вульгарности условного языка, как навоз и моча; последняя, все же скажу, здесь не в цене; навоз же бесценен во всех плоскостях.

9. Мария-Елизавета. Полоумная

К очередному столбу поверхность позеленела и превратилась в прекрасный луг, расстилавшийся по обе стороны дороги. В правой части этого луга паслись два барана, усердно поглощающие траву, несколько коз, привязанных к столбикам и ходящих по кругу, а также стояла невзрачная, бледно-серой расцветки телка, с которой подошедшее стадо не прочь было тут же и познакомиться, несмотря на ее неказистый вид, если бы не острое чувство голода и некоторое замешательство при виде настоящих баранов и коз. Все поэтому дружно свернули на левую, свободную часть лужка и занялись бесхозной травой, оказавшейся намного вкуснее, чем предыдущая.

– Как вкусно, – мычали телки, повторяя это за Идой, и заглатывали траву, – как вкусно...

– Трава тут сочная и питательная, – согласился Пастух, – мало того, здесь нескончаемая трава, то есть, сколько ее ни ешь, она тут же вытягивается по новой. Так что не торопитесь, не жадничайте, но все же набивайте как следует животы. Ида покажет вам огромную лужу, там, за лугом, в ложбине, вода в ней, правда, несколько мутная, скотина отзывается об этой луже презрительно, но это также неиссякаемая вода, которой можно вдоволь напиться, снова напиться и еще раз напиться, но вода как стояла, так и будет стоять. Есть на поверхности подобные вещи: *неиссякаемые источники безконкретного и конкретного*, и вам они еще встретятся... Я же прилягу и отдохну, наблюдая за стадом, – милое дело для Пастуха! Создавайте идиллию, не топчитесь на месте, сбившись в какую-то кучу!

Телки начали разбредаться по лугу, создавая идиллию, Пастух же сбросил сумку и бич и хотел прилечь на траву, но тут внимание его привлекла та самая маленькая коровка, пасшаяся в компании баранов и коз, которая, потыкавшись в придорожный столб, пересекла дорогу и, позвякивая колокольчиком, оказавшись у нее на шее, направилась к стаду. Телки, разошедшиеся было по лугу, тоже заметили это и с интересом потянулись назад; и только Ида продолжала щипать траву, оставшись посередине луга одна.

Приблизившись к Пастуху, коровка сразу сказала:

– Я – Мария-Елизавета, но обращаться ко мне можно короче: Лиза или Мария... Я – сошедшая с первого круга телка, нырнувшая в никуда и появившаяся из ниоткуда для продолжения великого безостановочного движения.

– Я вижу по твоему внешнему облику, – ответил Пастух, – что ты не корова, а телка, я понимаю по колокольчику, что ты – не в первый раз сошедшая с круга, я знаю о тебе, Мария-Елизавета, от Хозяина и других Пастухов, и знаю от них про твои легкомыслие и рассеянность. Ну, поскольку ты попала в мой гурт, ответь на вопрос: на каком же столбе ты исчезла в этот раз с первого круга и какая тому причина?

– На семьдесят первом, Пастух, так и не дойдя до холма... Я увлеклась бежавшим куда-то быком, побежала за ним, но в какой-то момент он так припустил своими копытами, видимо спохватившись о чем-то, что я безнадежно отстала и потеряла его из вида. Как и положено, я установила себя в настоящем, но, когда вернулась к дороге, моего гурта уже не было, даже пыль успела осесть. Пока я раздумывала, ждать ли следующий гурт или нестись за своим, нечисть, известная вам, утащила меня в проекционное *никуда*, и вот только сейчас я вынырнула *из ниоткуда* – почему-то очнулась там, за лужей, в кустах... Пастух проходящего мимо стада взрослых, черно-белых коров услышал мой колокольчик и привел меня к этим баранам и козам, приказал дожидаться молодого гурта на этой дороге.

– Скажи, Мария-Елизавета, а ты что-нибудь помнишь – между семьдесят первым столбом и этим, девятым?

– Я, Пастух, помню, что родилась королевой и жила безопасно, но церемонно, и меня не покидало тоскливое чувство, что существование в виде реальной коровы намного приятнее,

беззаботнее и радостнее, чем временное пребывание в придуманном мире, даже в проекции королевы, потом помню, что работала в ателье, строчила на швейной машинке, и... еще помню проклятый красный трамвай, в котором из-за несчастной проекционной любви моя мертворожденная тень напилась каких-то таблеток и... погибла прямо в этом самом трамвае, Пастух!

– Ну, последнее не беда, проекция у тебя не одна, важно, что ты – помнящая себя сущность... А сомневаешься ли ты в реальности происходящего здесь, то есть в своем участии в Божественном бесконечном движении?

– Нет, Пастух, ни на йоту не сомневаюсь, последнее, что я помню в этом красном трамвае, когда заглывала таблетки, были мои слова к себе же самой: скотина, скотина и еще раз скотина... и чувство возвращения в реальность. Правда, моя проекционная тень прибавляла: полоумная, полоумная, полоумная... и это настолько въелось мне в сущность, что, оказавшись здесь, я захотела сразу спросить у коз: не выгляжу ли я полоумной, – но, глядя на их манеры, мне показалось, что, наверное, не стоит у полоумных спрашивать про полоумие, и я не стала задавать им этот вопрос... Спросила баранов: те тупо смотрят, не отзываются, хрустят травой... Что скажете обо мне, Пастух?

– Если в тебе, Мария-Елизавета, – стал рассуждать Пастух, – и есть какая-то полоумность, на исправление тебя отправить я все равно не могу – поскольку ты телка первого круга. Стереть твою сущность тоже нельзя – ты чувствуешь себя в стаде, отличаешь реальность от мертворожденной иллюзии, следовательно, копытами ты уже прочно соединилась с поверхностью... С другой стороны, ты шлялась по ирреальности, не успев стать коровой, а это недопустимо для телки, ты знаешь... Конечно, утащила тебя эта самая нечисть, с которой даже мы, Пастухи, никак не справляемся и отгоняем ее только ударом бича, но еще, с другой стороны, сход твой с первого круга начался в тот момент, когда ты покинула стадо... Значит, за тобой необходимо следить, и эту обязанность я возложу на Иду – она последит. Вот скажи, за каким чертом из другой, неведомой плоскости ты побежала за этим быком? Тебе не терпелось, телячье нетерпение?

– Что вы, Пастух, не подумайте ничего плохого, меня сбил с толку не сам бык – он, кстати, был не такой уж и симпатичный, какой-то облезлый, с короткими рожками и хромал, действительно похожий на черта, изображение которого я видела на одной проекционной гравюре, – а то меня сбило с толку, что он куда-то бежал... Куда он, хромая, несся? Вот это мне и захотелось узнать, на это я и попалась, и побежала за ним, надеясь, что увижу на поверхности то, чего нельзя увидеть с дороги, перемещаясь с гуртом. Да и вообще одна из моих проекций все же королевских кровей, и я думаю, что мне позволительно то, чего для других невозможно.

– Оставь, Мария-Елизавета, эти проекционные сказки и не вводи в заблуждение себя и этих малоопытных телок, с которыми тебе придется идти по дороге! Кем ты являешься в потустороннем, бессмысленном мире, королевой или швеей, – там, где есть только тень реальности, – роли никакой не играет, поскольку на самом-то деле ты небольшая серенькая коровка, вполне разумная, хотя и несколько не в себе... Не знаю, сколько раз тебе предписано проходить первый круг, об этом ведает только Хозяин, у которого о таких вещах осведомляться не принято, но желаю тебе в этот раз дойти до нулевого столба, осчастливить по дороге быка, родить замечательное потомство и стать полноценной молочной коровой, тем более что сущность твоя конкретна, имеет проекции. Что же, пристраивайся к гурту и иди вместе с нами, надеюсь, что эти наивные, но совсем не глупые телки примут тебя в компанию.

Мария-Елизавета, как бы желая сразу же подружиться и показать свой веселый и непосредственный нрав, отбежала, звеня колокольчиком, от остальных к центру луга, туда, где Ида поглощала траву, и весело позвала:

– Давайте побегаем и поиграем! Гоняйтесь за мной, а я буду убежать и звенеть колокольчиком! Со мной интересно, я многое знаю и могу объяснить, поскольку не раз побывала в этих

местах! Я кое-как все же научилась мычать и кое-что могу рассказать вам на Божественном языке!

– Может быть, ты и симпатичная, а также опытная особа и кое-как умеешь мычать, а также одна из твоих проекций королевских кровей, но у нас нет повода веселиться ни с того ни с сего... – заметила темно-рыжая телка.

– К тому же у нас нет колокольчиков... – добавила бурая.

– А вы попросите у Пастуха!

– Пастух, как насчет колокольчиков? – заголосили сразу все телки. – Мы тоже хотим звенеть!

– Колокольчики выдает нам, Пастухам, лично Хозяин, – строго сказал Пастух, – и предназначены они для тех существей, которые сходят с первого круга и начинают его по новой. В основном существи эти, как Мария-Елизавета, увлекаются чем-то, теряют стадо, блуждают, и только с помощью колокольчиков можно их отыскать.

– А разве нельзя ustanовиться в пространстве и найти дорогу, как это сделала Мария-Елизавета?

– Мария-Елизавета сделала это еще до того, как утащила в проекционное никуда. Вынырнувшие же из ниоткуда не всегда могут найти дорогу, даже если у них развит внутренний компас, как у взрослых коров, тем более – не могут телки первого круга, у которых такого компаса нет. Колокольчики эти также украшение для яловых существей высших кругов, чтобы привлечь внимание быков. В отличие от потустороннего мира, где из яловых – тех самых коров, которые имеют лишь небольшую, весьма отдаленную связь с существями, то есть с вами, и про которых я расскажу несколько позже, – делают сапоги и многие прочие вещи, здесь, в Божественной плоскости, из яловых не делают сапоги, а, напротив, создаются все условия для того, чтобы существь, пусть и проходя раз за разом бесплодные в отношении потомства круги, в конце концов все же дала приплод. Но сейчас еще совсем непонятно, кто из вас даст приплод, а кто задержится в яловом состоянии, кто потеряется, заблудится на пути к столбу девяносто девять, а кто не заблудится, и поэтому играйте с новой подругой так, без колокольчиков, ибо вам они пока не положены.

10. Насупленные телки

Выслушав все эти объяснения, Джума и Елена весело, по-телячьи неуклюже сорвались с места и бросились догонять Марию-Елизавету, звенящую колокольчиком, и скоро вся троица, увлекаясь игрой, перебежала на ту сторону дороги и начала приставать к серым козам на привязи, пытаясь бодаться с ними, чтобы развеселить их. Но хмурые эти создания оказались слишком серьезными и достаточно агрессивными – они сорвались с привязей и, блея, стали бегать за телками, подпрыгивая, наскакивая на них и пытаясь не в шутку поддеть их рогами так, что телки едва уворачивались. Словом, образовалась какая-то карусель, вид которой так подействовал на баранов, что те оставили щипанье травы и, вдруг сцепившись рогами, стали напирать друг на друга с тем бараньим упрямством и силой, которые быстро переходят в баранью тупость, не знающую границ. Ида же, не обращая внимания на эти игрища, побрела к водопою – к неиссякаемой луже – и, нахлебавшись сама, стала призывно и довольно мычать, приглашая стадо к воде. Но только Елена, Джума и Мария-Елизавета откликнулись на призыв и направились к водопою. Остальные же телки почему-то не захотели резвиться и никуда не пошли, а стояли насупленные, невеселые, как будто бы потеряв интерес к происходящему на лужайке, к согуртницам, к Иде, да и к самому Пастуху.

– Что за странный телячий вид? – удивился Пастух. – Можно подумать, что вы чем-то расстроены!

– Да, Пастух, – призналась бурая телка, – но мы скорее обижены: существовать без всякого имени унижительно для коровы... Даже наши проекции, эти бессмысленные создания, и то одарены разными кличками...

– Это как-то несправедливо, – поддержала ее черно-белая и добавила: – К тому же у Марии-Елизаветы даже двойное имя и... есть еще колокольчик...

– А у Иды красные бусы... – вставила пегая.

– Да, но разве я не отметил, – стал оправдываться Пастух, – первую из вас, унавозившую поверхность? А тебя, пегая, разве я не украсил прищепкой? Какие-то украшения с течением столбов получают и остальные, была бы причина. Что же касается ваших имен: может быть, и наступил благоприятный момент, чтобы объявить вам условные имена, которые передал мне Хозяин как приблизительные для вас – для вашего первого круга.

Пастух расстегнул свою сумку и вытянул из нее рулончик желтоватого цвета, напоминающий свиток или папирус, и, развернув его, принялся объяснять:

– Сведения от Хозяина – перед принятием под свое начало нового стада или гурта – мы, Пастухи, всегда получаем в районе нулевого столба, забирая из-под первоосновного камня эти рулончики, сделанные из кожи не сущностных парно- и непарнокопытных. Тут никакого проекционного текста, разумеется, нет, здесь только фигурки коров, правда в цвете, их количество, а также указаны номера тех столбов, на которых к стаду присоединяется та или иная скотина. Вот я вижу здесь вас, разномастных, вот Джума и Елена – со второго столба, помнящие себя, и вижу еще, что на столбе девятнадцать нас ожидают более десяти Божественных телок, о которых сведений нет, изображения их схематичны, черно-белой раскраски – так обычно обозначаются неопределенные сущности, но тем не менее Божественные коровы, принадлежащие нашему великому стаду.

Наступило молчание, телки переваривали услышанное, и, пока они думали, посапывая и подергивая ушами, подошла с водопою Ида, приведя за собой Елену, Джуму и Марию-Елизавету.

Наконец бурая телка спросила:

– А почему же, Пастух, нашим подругам вы оставили подлинные их имена, а нам даете условные? Мы что – не совсем реальные?

– Нет, все вы – абсолютно реальные, – ответил Пастух, – но тут дело в другом. Принцип, по которому великий Хозяин назначает сущностям имена, – этот принцип мне неизвестен. Я лишь по опыту знаю, что в любое стадо первого круга назначаются телки, достаточно понимающие и задающие много вопросов, а также телки, тоже задающие много вопросов, но мало что понимающие, а также телки, совсем не задающие вопросов и ничего не понимающие, но тем не менее чувствующие себя великими сущностями. Назначаются помнящие себя в бессмысленном, проекционном мире, отрывочно помнящие и совсем не помнящие. Таким образом, в стаде уравниваются понимание и непонимание, а также память с беспамятством. Хозяин мудр! Из того, что является очевидным сейчас, это то, что Джума и Елена имели, но потеряли свои единственные проекции в том нереальном мире, который тяготит ваши головы, и я оставил им имена из этого мира, поскольку других указаний в отношении этих двух сущностей от Хозяина нет... Телки, сошедшие с круга, в списках не значатся и появляются неожиданно, уже до того имея собственное свое имя – как, например, Мария-Елизавета. Ида – не телка, идет по другим законам. Вы же, все остальные, получите условные имена, исходя из воли и желания Хозяина, который осведомлен о картине происходящего не только на нашей великой плоскости, но и в других плоскостях и включает в назначение имен те необходимые сведения о вас и ваших мертворожденных тенях, которые недоступны нам, рядовым Пастухам, не обладающим способностью видеть картину происходящего в целом. Но что условные, что подлинные – здесь все имена, имена вас, Божественных и вечных коров, хотя пока что и телок, но в будущем славных молочных рогаток, которые попали под мой присмотр на первый круг бесконечного движения сущностей от столба номер один до столба девяносто девять. Если же к концу первого круга вы проявите себя характерным образом, то имена эти так у вас и останутся, закрепятся за вами, если же не проявите – вам будут присвоены клички, которые, кстати, придется давать неопределенным, бесхарактерным телкам, ожидающим нас впереди. Итак, не откладывая, начнем с *темно-рыжей*: Хозяин указывает, что ты любишь предсказывать и гадать, пастись в одиночестве, смотреть в темноте на свод, а также ты высекаешь копытом о камень судьбу своим мертворожденным теням, которые обращаются к тебе за советом, призывая тебя из потустороннего мира с помощью разбавленного золой настоя горькой травы, горящих свечей и протухших куриных яиц, – вот глупые мертворожденные призраки, чего только не придумают! Ты, корова, мечтаешь о гриве, как у коня... Проекция твои, занимаясь таинственным, полагают, что им покровительствуют какие-то фантомные проблески, небесные силы, нисколько не подозревая, что на самом-то деле руководишь всей этой хиромантией ты – темно-рыжая сущность, которая в полной мере проявится на третьем кругу Божественного движения... Бодливая, если нарушают твоё одиночество.

– Действительно, Пастух, – удивилась темно-рыжая телка, – я помню, что люблю магию и гадания, оккультные книги, а также смотреть на звезды и делать разные выводы, а также я обожаю одиночество и... гладить конскую гриву, но откуда вы это знаете? И откуда это известно мне?

– Знаем это не я или ты, а знает Хозяин. Итак, мечтающая о гриве, магиня, гадалка и оккультистка в проекциях, а здесь пока что обыкновенная темно-рыжая телка, метящая в коровы, зваться ты будешь по высшей воле Хозяина – Антониной, по-стадному – Тонькой, с моим пастушеским прибавлением – гадалка или звездочет.

– Если бы вы не прибавили «звездочет» и «гадалка», Пастух, – сказала темно-рыжая телка, – то мне бы и не очень понравилось, а так вроде бы и красиво, да и соответствует моей сущности. Я довольна. – И она пустила струю.

– Теперь *черно-белая*! Ты любишь обязанности разного рода, точность и порядок вещей, который для тебя превыше всего. В Божественном стаде ты будешь занимать центральное место в том смысле, что будешь являться символом благопристойной, послушной, не создающей никаких ненужных проблем коровы, которая дает много Божественного, качественного

навоза и хорошего молока... Твои многочисленные проекции хоть и не считают сущность свою коровьей, претендуя на что-то особенное, хотя и близко стоящее, но на самом-то деле в проекционном, бессмысленном мире лучше других исполняют именно коровьи обязанности и втайне смиряются с очевидным, и, кстати, очень любят проекционных коров, обожая их как детей. С круга второго ты будешь без всяких серьезных последствий посещать ирреальность, всегда возвращаясь в стадо в трезвом, сущностном понимании, и в этом смысле будешь являться примером для тех коров, которые после таких прогулок частенько нуждаются в исправлении своих коровьих мозгов, теряющих в потустороннем нигде скотское понимание реальности и ощущение своей принадлежности к великому стаду... После десятого круга, в возрасте бесконечно много кругов, Хозяин назначит тебя помогать Пастухам в воспитании телок... Имя тебе дано: Марта.

– Я, Пастух, не помню насчет навоза и молока, но что касается обязанностей и порядка, то для меня эти вещи превыше всего, – согласилась черно-белая телка. – Порядок я настолько люблю, что когда мы движемся по дороге, мне так и хочется боднуть тех подруг, которые останавливаются и замедляют движение, а также тех, кто идет не голова в хвост, и тех, кто то укорачивает, то удлиняет расстояние до впереди идущей... Наверное, я тоже бодливая?

– Нет, тут сказано, что ты – брыкастая.

– Ну, это тоже меня устраивает, я довольна и постараюсь соответствовать своему имени и наклонностям.

– Бурая... – продолжил Пастух, – замкнутая особа... Ты названа Анной... Ты будешь давать еще более качественный навоз и исключительно бесценное молоко, если только не останешься в яловых... Как ни странно, но начиная с круга второго ты будешь существовать припеваючи, поскольку тут про тебя отмечено, что ты являешься избранной... Что же, посмотрим, пока что я не вижу в тебе никакой необычности и наблюдаю только отличающую тебя от других угрюмость и даже скепτικότητα, но не мне рассуждать: Хозяин мудр и велик, просто так сообщений на ветер не посылает! Анна так Анна, но избранная – это серьезно!

– Скажите, Пастух, – вставила Джумагуль, – а что означает: исключительно бесценное молоко?

– Это то молоко, – ответил Пастух, – которым обмывают телят до появления на первом столбе, чтобы пропитать их телесную плоть Божественным смыслом... Но поскольку вы мало что знаете, о молоке рассуждать еще рано... Итак, *палевая* телка, а в будущем и корова, любит только себя... Проекция ее втайне думает о себе как о каком-то чистом и светлом образе, существующем отдельно от своего Я – со всеми его внешними и внутренними дефектами, и наблюдают этот придуманный, вроде бы совершенный образ со стороны, в мыслях своих даже обращаясь к нему: Она... Тут даже я, – отвлекся Пастух от просматривания рулончика, – теряюсь в понимании этого странного раздвоения... Что означает: чистый и светлый образ, отбрасываемый бесплотной тенью, которую в свою очередь отбрасывает Божественная скотина, – мне непонятно, видимо, это относится исключительно к изъянам проекционного мышления, способного выдавать двойственную и даже тройственную иллюзию. Потусторонние отражения этой палевой совершенно не чувствуют своей Божественной сущности, с которой у них нет никаких внутренних связей. Сама же сущность строптива, заносчива, своевольна, любит поваляться после водопоя в грязи, думая, что накладывает себе макияж, чтобы привлечь быков, а также в любой момент может покинуть стадо и быстро удрать... Куда удрать, тут не указано, но мне придется следить – как в случае с Марией-Елизаветой. Назвать: Татьяна, по-стадному будет: Танька, ну а поскольку ты действительно любишь покрасоваться перед собой, как я заметил у зеркала, прибавлю: красавица, и получится складно: Танька-красавица. Прибавления эти есть привилегия Пастухов, Хозяин не возражает, когда для благозвучия и некой оригинальности мы, Пастухи, несколько удлиняем имя коровы, уточняя тем самым еще и характеристику сущности.

– А как, Пастух, у меня насчет рождения телят? – спросила вновь названная Танька-красава.

– Насчет рождения телят тут какая-то непонятная вещь: вроде бы ты корова, а родишь не телку и не теленка... Что бы это значило? Я с таким не встречался... Хотя на плоскости встречается немало невероятного... Словом, надо понаблюдать за тобой. Следующая идет: *светло-рыжая*...

– Я, Пастух, – не выдержала светло-рыжая телка и весело заявила: – больше всего люблю притворяться, я знаю об этом! Я чувствую себя всеми телками сразу и иногда даже коровой или быком... С первых столбов я заметила эту свою особенность и даже думала по дороге: это я иду и стою или вовсе не я? Я – светло-рыжая, но на прошлом столбе, когда щипала траву, думала про себя, что я, возможно, коричневая, как Анна, а может быть, даже и не корова...

– Ну, что касается твоего имени, в списке его нет, поскольку фигура ты – та, что идет впереди тебя, в прошлом, – фигура довольно известная, да и имя твое было заранее определено, но я не хотел его раскрывать, чтобы не обидеть других. Будешь ты по-стадному – Сонька, в проекционном же мире клички твои София и Софья. История твоя сущностная известна всей плоскости, но пока что на этом и остановимся.

– Я и не претендую, Пастух, на раскрытие моей истории, – сказала рыжая Сонька, – я люблю скрытность. А то, что меня зовут Сонька, – я знала, но откуда я это знала, не знаю.

– *Пегая* любит и себя, и других, – продолжил Пастух, – но только тогда, когда на ней всякие украшения, особенно жемчуг... Когда же их нет, она все ненавидит! Определенная сущность, имеющая миллионы проекций! В коровах ты останешься телкой по поведению и будешь пастись весело и беспечно, не озадачиваясь теми вопросами, которые, предположим, задают себе Елена или Джума. Также ты нарожаешь много телят, подобных себе, и все они, став коровами и быками, по сути своей, по поведению останутся телками и телятами, поддерживая в нашем великом стаде тот необходимый уровень легкомыслия, непосредственности и простоты, который необходим для самого существования скотины. Имя оставлено на мой вкус – место пустое... Подобное указание от Хозяина означает, что я могу дать тебе как имя, так и обыкновенную кличку, то есть нечто звучащее и тем и иным образом... Что же, назову тебя Роза! Надеюсь, тебе понравится!

– Только не прибавляйте, Пастух, вертихвостка или прищепка!

– Не прибавлю, – пообещал Пастух и сделал следующее заключение: – Я пока что не вижу ваших конкретных особенностей, если они и есть, то проявились пока что весьма туманно, вы мало отличаетесь друг от друга по поведению, и поэтому предлагаю вам не стесняться и вести себя так, как вам хочется, не нарушая, разумеется, порядка пастьбы и дружного, стадного продвижения по великим столбам.

11. Курение коз

– И все же, Пастух, – задумчиво сказала Елена, внимательно слушавшая и наблюдавшая все предыдущее, – велика связь нашего, реального, мира и потустороннего, о котором вы так презрительно отзываетесь. Вот имена вы дали оттуда, и качества или свойства тоже передаются нам как будто бы от наших проекций, от их разнообразных характеров...

– На самом-то деле – коровий твой, хоть и склонный к учености ум! – ответил Пастух. – Не вводи в заблуждение своих подруг, никакой особенной связи, тем более великой, здесь нет. Звучания имен, которые вы получили, – условны, поскольку произносятся мной на неправильном языке, но Пастухи, не владея коровьим, и будут всегда обращаться к вам на этом проекционно-условном, коровы же друг друга зовут просто: корова, лишь изменяя оттенок мычания и обозначая тем самым сущность по имени. Оттенков этих сейчас вы, полуглухие, не распознаете, но слово «корова» Ида вам промычит.

Ида перевела на коровий слово «корова», и несколько телок старательно повторили за ней это озвученное важное слово.

– Что же касается ваших качеств и свойств, – продолжил Пастух, – они передаются проекциям в виде характеров, а не наоборот, хотя бы в силу того, что сущность – первична, а проекция является лишь отображением ее. Характер может меняться, сущность же неизменна. Хотя, как вы узнаете дальше, есть множество исключений, говорить о которых пока еще рано, поскольку к подобному разговору вы не готовы, не понимая сути многих элементарных вещей, которые составляют реальный, истинный мир. И поэтому не озадачивайтесь вопросами, опережающими ваше движение, сосредоточьтесь на насущном моменте.

Телки, не найдя ничего более насущного, чем выдать по маленькому шлепку, потянулись за Идой к нескончаемой луже, Мария-Елизавета задиристо побежала на другую сторону дороги снова дразнить коз и баранов, а Пастух наконец присел на траву и удовлетворенно сказал:

– Ну вот, все довольны, и я сейчас в наступившем полном спокойствии займусь своими пастушескими делами, – и принялся рыться в туго набитой сумке.

Джума и Елена сначала выбрали оставаться на месте и насыщаться травой, но вскоре разлеглись на поверхности, вытянув ноги как палки, отрывая и пережевывая поглощенное и наблюдая за действиями Пастуха, который, найдя в сумке то, что искал, загадочно произнес:

– Ну а сейчас я буду курить большую козу.

– А что такое: курить козу? – удивилась Елена и даже приподняла от поверхности свою голову.

– В сумке моей, – стал объяснять Пастух, – не одно только барахло, предназначенное для поощрения и украшения коров и таких симпатичных, сопливых телок, как вы, – как, например, прищепки, мушки или технический лен для плетения косичек, которыми мы, Пастухи, украшаем особенно любившуюся скотину, – но в числе содержимого есть и личные пастуховские вещи, приносящие радость и отвлекающие меня от однообразия пастбы. Вещи эти я, иногда, перемещаю сюда из проекционной иллюзии, когда натыкаюсь на не очень нужное там, но весьма полезное здесь, а также когда проекционная тень, наделенная той достаточной степенью интуиции, которая дает ей возможность общаться со мной, дарит мне при этом личном общении что-нибудь уникальное. Перемещением предметов из плоскости в плоскость заведует, как я говорил, *из ниоткуда и в никуда*, и я, как Пастух, использую это свойство границы двух сред даже более эффектно, чем любая корова, которая только и делает, что ворует у своих же проекций разные украшения... Вот, к примеру, подаренный мне кисет с табаком и курительная бумага. – и Пастух извлек из содержимого сумки черный кисет с вышитой буквой Н и перетянутый обыкновенной бечевкой и пачку газетной нарезки. – Здесь, в мешочке, у меня местный табак, но сам кисет и бумага – из потустороннего, мертворожденного мира.

Мой друг из этого мира, проекционный пастух по имени Николай, с которым я иногда встречаюсь и обсуждаю нос к носу наши пастушеские дела, которые в большинстве случаев требуют одинакового подхода, подарил мне однажды от широты своей пастушеской личности эти замечательные предметы и научил скручивать и курить восхитительные табачные козы, которые я в свою очередь научил крутить и курить многих Божественных Пастухов. Тут, правда, не обойтись без коровьих слюней... – и, соорудив самокрутку-козу в форме рожка, Пастух попросил Джуму, которая разлеглась совсем рядом, лизнуть край газетной бумаги, чтобы последняя склеилась.

Джума тут же лизнула, вымочив, правда, всю самокрутку, после чего Пастух подул на нее, чтобы высушить, и продолжил рассказывать:

– До этого все Пастухи, не исключая меня, курили табак лишь с помощью трубок, сделанных из полых стволов тонких деревьев, растущих на склонах далеких гор, но, научившись скручивать эти козы, многие Пастухи стали употреблять только их, разживаясь бумагой в потусторонней иллюзии; другие же оставили предпочтение трубкам; табак же хранят в железных коробочках из-под проекционных конфет; кисеты – редки. Огня как такового в Божественной плоскости нет, и его приходится добывать из эфира. – и он выхватил из окружающего пространства сгусток голубого свечения, мало похожего на огонь, и, прикурив от него козу, выпустил этот сгусток снова в пространство. Последний поплыл и тут же рассеялся.

– А вы говорили, Пастух, что на плоскости нет волшебства... – сказала наблюдавшая это Джума.

– Конечно же нет, телка, мыслящая проекционно и книжно... Разве возникновение огня из искры в потусторонней иллюзии является волшебством? – Пастух затянулся козой и выпустил облако дыма, в полном безветрии окружившее его самого и потянувшееся к лежащим коровам. – Вот так же и здесь: это просто способ добывания огня.

– Несмотря на газету, Пастух, чувствуется душистый табак, – сказала Джума и чихнула.

– Да, душистый, – подтвердила Елена, – как будто, Пастух, вы курите трубку.

– Да, табак здесь отменный, – согласился Пастух и откинулся спиной на траву, продолжая окуривать себя и коров. – Есть плантации табака, за которыми ухаживают свободные от пастбы Пастухи, есть также табак из высушенного навоза – еще отменнее, особенно если коровы, подарившие нам этот навоз, выгуливались на хорошем, пахучем лугу, таком, как вот этот. Впрочем, пастух Николай давал мне курить проекционного табаку под названием *махорка*, – тоже хорош, но крепок. Я все же предпочитаю местный табак, а лучше – смесь табака и навоза.

– Пастух, опять же мое коровье тугодумие, – сказала Елена, перевалившись с одного бока на другой и удобно вытянув ноги, – из-за которого вопросы во мне развиваются медленно, но я хочу понять кое-что. Мне понятно, что наши проекции – просто примитивные, вымышленные фантомы по сравнению с нами – конкретными сущностями истинного, реального мира, но хочется знать, какое местоположение в общем пространстве всего мы, настоящие, занимаем относительно этих бессмысленных символов? Мы находимся выше их, ниже их или на одном уровне с ними? Я имею в виду, что, например, если взять за точку отсчета ту плоскость, в которой бездарно и краткосрочно пребывают наши потусторонние призраки, то по отношению к ним мы находимся на уровне неба, земли или чего-то другого?

– Скажу тебе так... – и Пастух выпустил облако дыма, от которого Джума и Елена разом чихнули, а худенькие их тела дернулись, как во сне. – если взять ту точку отсчета, которую ты предлагаешь, то вы находитесь конечно же выше: где-то между землей и небом, на уровне облаков, – но это условно, и скажу в дополнение, что древние ваши проекции могли наблюдать ваши *отображения* действительно на уровне облаков, пока видение это не закрылось в силу определенных причин, которых мы коснемся в будущих разговорах, ведущихся для лучшего понимания вами всего сущного, вечного и действительного. Да, но почему ты спросила про

это? Не из чувства ли превосходства над несчастными призраками? Выше и ниже – не здешние категории, ты – Божественная корова, и тебе не следует опускаться до подобных сравнений и величин. Я, конечно, сказал, что на уровне облаков, но на самом-то деле в общей картине мира нет выше или ниже лежащего, но есть рядом стоящее, существующее реально или предполагаемое условно.

– Что вы, Пастух, совсем не то, – сказала Елена, – я и не собиралась бессмысленно возвыситься над нереальностью или получить доказательства своего превосходства над мертворожденной иллюзией, я, Пастух, подумала совсем про другое, я подумала про того, кто научил вас крутить и курить эти козы, про вашего друга по имени Николай... Вы ли спускаетесь к нему, или же он поднимается к вам для встреч и обсуждения пастушеских дел? И каким образом все это происходит, на какой... почве или поверхности? Кто из вас переходит из плоскости в плоскость?

– Вопрос интересный, Елена, требующий обстоятельного ответа. Мы, Пастухи Божественной плоскости, имеем возможность по собственному желанию, если таковое возникнет, уйти в проекционную нереальность, побыть там в своем истинном виде и возвратиться под свод. Так что прихожу к Николаю конечно же я. Но вместе с тем пастухи потустороннего мира, наделенные Божественной привилегией, которая больше не отпущена никому из миллионов проекций, в редких случаях и сами появляются здесь – в виде полупрозрачных, слабоокрашенных тел, по-проекционному: духов... Правда, бывая здесь, они лишены возможности какого бы то ни было действия и способны лишь наблюдать картины великого, безостановочного движения скотины, лишней раз утверждая в себе правильность своего пастушьяго взгляда на жалкий, ничтожный, потусторонний, воображаемый мир, где только пастьба коров и других домашних животных напоминает о том, что существует где-то реальность, наполненная Божественным смыслом. Так, пастух Николай, иногда, вознесенный напитками опилочного происхождения до Божественного прозрения, возникает передо мной в образе свободной проекции, которую сущности, если такие случаются рядом, воспринимают как невиданное явление, посланное им сводом, не верят глазам своим и падают на колени как перед чем-то святым, а с некоторыми бывает и обморок, после которого они ищут к тому моменту уже исчезнувшего в никуда Николая, говоря, что хотят идти дальше с ним и за ним, поскольку я, в отличие от него, слишком прост и реален.

– А я, Пастух, думала по-другому, – призналась Джума, – я думала, что у земных пастухов – ваша, пастуховская сущность...

– Было бы просто, Елена, если бы свыше было установлено так... Но дело все в том, что мы, Пастухи великого стада, не являемся сущностями и не можем иметь проекций в силу того, что та субстанция, из которой мы состоим, не является истинной плотью и не способна давать теней... Мы часто и довольно подробно обсуждаем пастухов потусторонней иллюзии, к которым очень благоволим, считая их нашими сводными братьями, и в обсуждениях этих склоняемся к той мысли, что где-то все же на плоскости и под сводом скрывается пастушья сущность, которая нам неизвестна, но раз от разу порождает в потустороннем нигде несуществующих пастухов, которые как появились впервые, так и не исчезают навечно, обладая кое-какими способностями, недоступными для всех остальных проекций нереального мира. Но где скрывается эта возможная сущность и каково обличье ее – мы не знаем. Бык, корова или баран и прочие не будут пасти друг друга, а другого здесь нет... Словом, Елена, дымя этими прекрасными козами, я всегда вспоминаю своего друга по имени Николай и чувствую, что когда я вспоминаю его, он вспоминает меня, и мы разговариваем, дымя вместе, даже и не встречаясь. Заметь, разве возможно, чтобы Пастух общался с проекцией, лишенной какой бы то ни было сущности? Нет, невозможно. Так что есть в земных пастухах загадка высшего смысла.

Пастух снова достал из сумки табак и газету и принялся сворачивать очередную козу. Задымив ею, он важно сообщил:

– Так положил Создатель, помыслы которого нам, Божественным, но рядовым Пастухам, абсолютно неведомы.

12. Создатель и Намерение

– А что означает: Создатель? – спросила Елена. – Смысл этого сильно звучащего слова я понимаю, но ведь в самом начале дороги, Пастух, вы объяснили, что всем, что здесь есть, владеет Хозяин *всего*, определяющий наше движение, которое, как я понимаю, есть самое важное из того, что здесь существует, и что движение это вмещает в себя потустороннее время – понятие, отсутствующее на плоскости, но существующее пока что в нашем остаточном проекционном сознании, – а также пространство, сжатое до условных столбов, но, с другой стороны, бесконечно неизмеримое, как и множество наших же двойников, растянутых по нему.

– Ты, Елена, – ответил Пастух, – понимаешь все правильно, но, как и всегда, несколько забегаешь вперед и задаешь сложный вопрос, для которого еще не готова твоя голова и для которого головы твоих подруг по гурту, не обладающих склонностью к подобного рода мыслям, никогда не будут готовы, за исключением, возможно, Джумы, подающей надежды на кое-какое понимание вещей. Но, поскольку ты не желаешь блеснуть никчемной коровьей начитанностью и не вспоминаешь Ибн Сину, а также другие проекционные книги, как это делает иногда твоя подруга Джума, а извлекаешь выводы лишь из того, что познаешь на поверхности, минуя столб за столбом, поскольку известно, что сущность твоя отчасти научна и, следовательно, интерес твой не праздный, я с удовольствием отвечу тебе про Создателя, хотя ответ мой будет условным: твое проекционное мышление будет развивать всякие ассоциации, здесь абсолютно ненужные, а тот несовершенный язык, на котором мы говорим, будет обозначать понятия, о которых ты спрашиваешь, не реальным мычанием, а слишком простыми звуками и созвучиями, которые в серьезном вопросе ведут любой разум к обыкновенному словоблудию. Тем не менее отвечу: принадлежит окружающее вас существенное, конечно, Хозяину, но создано все – Создателем. Для вас, Божественных сущностей, самое наивысшее для конкретного, не отвлеченного абстрактного понимания – это я, Пастух, для меня же – Хозяин, но есть еще и Создатель, высшее для Хозяина и наивысшее для меня, и даже не то чтобы высшее или наивысшее, но наиболее *удаленное* от возможного понимания. Никогда не путай Хозяина и Создателя. говоря о последнем, я произношу это с трепетом, поскольку от Создателя зависит все, что было, существует и будет. Кто есть Создатель – не знает никто, для нас здесь это высшего понимания условность, удаленная бесконечно от нашего понимания. Наверняка даже Хозяин не ведает, кто есть Создатель, да и ставить вопрос так нельзя. Хозяин – хозяйствует, мы, Пастухи, подчиняемся и помогаем ему, но кардинальные перемены, то есть изменение раз и навсегда утвержденного, равно как и появление нового, а также исчезновение старого зависит исключительно от Создателя, логику действия которого никто не в силах понять. Так бывает, к примеру, что здесь исчезает вполне удовлетворительное существенное и появляется совершенно никчемное, но в такой же степени существенное. Есть много чего, но я всего лишь Пастух и мне дано видеть только последствия, не зная причин. Последствия эти, сознаюсь, часто удивляют меня своей бестолковостью и даже бессмысленностью, но я даже не вправе так думать, поскольку что я могу знать о великом смысле *всего*?

– Может быть, – предположила Елена, – есть кто-то и над Создателем и высший смысл находится еще выше... вернее, еще удаленнее от понимания?

– Ну, тайны тут нет, – ответил Пастух, – здесь существует равное Создателю по удаленности от нашего понимания и силе воздействия на окружающий мир – это Намерение. Но этот вопрос будет еще сложнее. Я понимаю, что ты имеешь в виду, предполагая, что высший смысл есть и над самим великим Создателем. На плоскости есть, конечно, то самое высшее, о котором спросило тебя твое проекционное мышление, но здесь это высшее состоит из двух равновеликих основ: Создателя и Намерения. Только они, действуя вместе, и являются высшим и непостижимым разумом, недоступным для понимания. Но они делимы, а также неразде-

лимы, поскольку находятся в разных не плоскостях уже, а в объемах и *более того*, и объединяются не сами они, но их желание и воля, желание Намерения и воля Создателя, или наоборот. Но цели их далеко не всегда совпадают, и тогда они действуют совершенно раздельно.

– Но почему же, Пастух, вы тогда употребляете слово *Божественное*, обозначающее понятие, которое, как мне кажется, неделимо?

– В отношении слова *Божественное* – разумный вопрос. Во-первых, созвучие это я употребляю в значении «первоначальное» и «великое», а во-вторых, понятие это правильно выразить можно только коровьим мычанием, причем промычать его способна только многоопытная, всезнающая корова, которой бесконечно много кругов. Поэтому, по неумению вас, телок, изъясняться Божественным языком и понимать его, а также по моей неспособности говорить на настоящем коровьем я заменяю этим проекционным созвучием обозначение того высшего смысла, о котором ты спрашиваешь и который я часто упоминаю в своих разговорах.

– Хотелось бы услышать, Пастух, звучание этого высшего на истинном языке, на том языке, который нам придется освоить.

– Что же,ждемся Иды и попросим ее об этом, – сказал Пастух и глубоко затыкнулся козой.

– Слушая вас, – неожиданно вставила Джумагуль и чихнула от дыма козы, – я перестаю что-либо понимать, но отношу это не к коровьему тугодумию, как моя подруга Елена, а к тьме собственного незнания... В потустороннем мире я прочитала столько замечательных, умных книг, что, кажется, заполнила всю свою голову великим множеством смыслов, но вижу теперь, что, впитывая все это, я и не думала о проекционных созвучиях, лишь приблизительно намекающих на эти самые смыслы, и доверяла им полностью... Теперь же, из-за этого слепого доверия, в голове моей, наверное, собрались одни лишь мало что значащие звучания...

– Ты правильно рассуждаешь, Джума, – ответил Пастух, – и это похвально! Проекционный язык может лишь обозначить границы или пределы, в которых заключается реально существующее, невидимо проскальзывающее между словами, не выражающими ничего из этого существующего существующего. Язык в потустороннем мире идет впереди и, благодаря несовершенству его, приводит любую желающую мыслить проекцию к обыкновенному словоблудию. Последнее создает возможность бесконечной относительности понятий, бесконечность вариантов понимания любого предмета, и это окончательно запутывает мертворожденное мышление в понимании порядка вещей. Не зря же проекции в своих тщетных попытках этого понимания и выражения его прибегли к письменности, к знакам и формулам и даже изображениям, пытаясь заменить всем этим правильное мычание, которое единственно способно отобразить реальные смыслы *неразделенного нечего*. Но я замечаю, Джума, что проекционное зрение, которое в вас пока еще велико, начинает уже отступать, и чувствую ваше желание быстрее постигнуть законы Божественной плоскости и обрести полноценное коровье видение. Ну а книжная образованность – для коровы бессмысленная, знание выдуманных, иллюзорных миров, не имеющих отношения к реальности, постепенно уйдет. Так что к кругу второму, с прохождением столбов, нормальное восприятие уложится стройными кирпичами в твоей голове, образовав свод абсолютного понимания, которое ты научишься ко всему правильно выражать мычанием, и на круге втором даже сможешь давать советы неопытным телкам – думаю, что ты склонна к поучительству.

– Я, Пастух, доверяя созвучиям, не оставила пустого места в своей голове и чувствую, что одно с трудом вытесняет другое, но я постараюсь вырваться из этой запутанности, хотя все же жаль, что нас ожидает только кирпичный, ограниченный свод реального понимания, похожий на тот тандыр, в котором мы с проекционными сестрами обычно пекли лепешки, и что свод этот будет постоянно тяготеть над моей головой, как если бы я сама была бы лепешкой и забралась в этот тандыр... Книги хоть и давали нереальные, иллюзорные ощущения знания существующего, но все же сподвигали мечтать о сияющих звездах каких-нибудь новых, беско-

нечных познаний в том выдуманном, бессмысленном мире, где мы с Еленой находились в виде проекций или теней.

– Давай-ка, Джума, – ответил Пастух, – ты сначала пройдешь первый круг понимания и станешь полноценной, молочной коровой, а потом уже, на высших кругах, используя компас в своей голове и правильное ощущение себя, решишь, стоит ли тебе оставаться лепешкой внутри этого свода реального восприятия или имеет смысл устремиться к каким-нибудь новым познаниям. Но должен сказать, насущное в Божественной плоскости неисчерпаемо, и даже коровы, которым бесконечно много кругов, иной раз теряются, сталкиваясь с неизвестным движением.

– Как это понимать, Пастух? – спросила уже Елена.

Но Пастух не ответил, поскольку тут подошла с водопоя степенная Ида, вернувшаяся одна – все телки решили присоединиться к Марии-Елизавете и подразнить коз и баранов, – и вопросительно уставилась на лежащего и курящего Пастуха, который, выпустив очередную порцию дыма, сказал:

– Ида, промычи для наглядности для Джумы и Елены понятие *Божественное*...

Ида подвигала челюстями, как будто пережевывая пучок оторгнутой травы, покачала рогами, подняла голову к своду и издала неожиданно трубный, громкий, длинный, мычащий звук, который гулом разнесся по окружающему пространству и многократно вернулся далеким и близким эхом.

13. Эфир и плоть

Звук этот был такой неожиданной величественности и силы, что Джума и Елена в испуге вскочили на ноги и, пошатываясь, потрясли головами так, как будто оглохли. Те же телки, которые в отдалении дразнили коз и баранов, замерли и прижали уши. Козы же и бараны рванули в разные стороны, как будто хотели скрыться от чего-то опасного, погнавшего за ними. Сама же Ида невозмутимо сделала пару больших шлепков, пустила струю и после этого действия прилегла на траву, довольно сопя.

– А откуда, Пастух, – удивленно спросила Джума, – в этой пустынной местности взялось такое раскатное эхо, которое должно возникать только тогда, когда звук от чего-то отталкивается, например от леса или от гор?

– Звук здесь, – ответил Пастух, – именно и отталкивается от прилегающих своими плоскостями объемов, которые вы не видите и никогда не увидите, и также отталкивается от *более того*.

– А что, Пастух, представляет собой *более того*? Вы упомянули это понятие уже дважды. Что есть более объема?

– Эфир, заполняющий все, и есть *более того*... Из эфира состоим, в частности, мы, Пастухи. Точно так же как вас выдрать из среды, окружающей вас, не покалечив ее, невозможно, точно так же и нас невозможно вытащить из эфира, частью которого мы и являемся.

– А я, – призналась Елена, – это заметила, потому что в том самом зеркале, в которое мы смотрелись, не было отражения ваших рук и части лица – одежда ваша была как будто пустой.

– Вы, коровы, видите часть моего лица и руки, и это эфир, подкрашенный моим настроением или усталостью, но зеркало эфира не видит, и состояния не отражаются в нем. Впрочем, мы, Пастухи, не нуждаемся в зеркалах, поскольку обладаем способностью видеть себя с любой стороны и даже отдаляться и приближаться к себе, если это необходимо. Но, к сожалению, ты никогда не увидишь, как мы: коровы не Пастухи.

– Я помню, Пастух, как вы вытирали о куртку мокрые, красные от работы руки – разве может быть мокрым эфир? Вы прикасались к нашим бокам и спинам, гладили их и похлопывали, – разве эфир может быть твердым?.. – спросила Джума.

– Ну, выражаясь тем языком, на котором мы сейчас говорим, вы чувствовали меня и будете чувствовать как *эфир во плоти*, с которым можно соприкоснуться как с некой твердой реальностью, способной, впрочем, к моментальному распылению или рассеиванию, а также – соединению, предположим, в мое пастуховское тело. Ида, промычи телкам понятие *эфир во плоти*!

Ида, не поднимаясь с травы, коротко промычала вверх и опустила голову на поверхность, закрыла глаза.

– Кажется, я уловила, – сказала Елена и попробовала изобразить то мычание, которое исполнила Ида, но звук получился совсем не тот, совершенно другого тона, продолжительности и силы.

То же самое проделала и Джума, и у нее тоже не получилось.

– Здесь, телки, – заметил Пастух, – для обозначения столь важного элемента нашей великой среды используется далеко не простая тональность, доступная только взрослым коровам более высших кругов, обладающих достаточным опытом и глубоким знанием поверхности. Вы, возможно, благодаря тяге к познаниям и научитесь извлекать этот звук на пятом, а то и на четвертом кругу.

– Скажите, Пастух, – спросила Джума, – а чем отличается *эфир во плоти* от нашей, коровой плоти? Не просто же видом, прозрачностью или окрашенностью...

– *Истинной плотью*, телка, стремящаяся в коровы, – ответил Пастух, – обладает только Божественная скотина, к которой и относитесь вы. Ваша плоть неизменна, неразрывно связана с плоскостью, на которой вы существуете, создана одновременно со всем, что вас окружает, и не поддается проекционному пониманию, которое в данный момент в вас сильнее, чем сущностное... Если же вы решитесь задать вопрос: из чего состоит наша плоть? – то ответ получите только далеко впереди: лишь Великий Хозяин может ответить на этот вопрос на девяносто девятом столбе первого круга, ответить не звуком, не чувством, но потрясением мозгов, кардинально переворачивая в скотине понимание сущностного... Наша же пастуховская плоть – чистый эфир, и плоть эта несколько совершеннее, чем ваша, поскольку способна перемещаться в нескольких плоскостях, а также в области безграничного, открытого выхода к граням других объемов. Мы, например, появляемся в потусторонней бессмысленности в виде эфирных тел и, разумеется, без одежды. Проекционные тени, чувствуя нас сущностным восприятием, но не видя наших прозрачных тел, воображением своим дорисовывают нас обычно одетыми, вкушающими воду и хлеб, ходящими босиком и произносящими длинные, складные, проповедальные речи, на самом-то деле смешивая или путая нас, возможно, с Пастухами небесными, о которых я мало что знаю и с которыми мы, Пастухи великого стада, не воспринимаем друг друга и не можем общаться, – путая с пастырями и пророками потустороннего мира, за речами которых устремляется часть проекций, лишенных здравого смысла, в поисках этого смысла. Проекционные рисовальщики, чувствуя нас особенно явно, но не в силах изобразить великий эфир, приписывают нам пол, возраст и выражения лиц... Но на самом-то деле мы, Пастухи, не имеем ни пола, ни возраста, ни выражения лиц, мы не едим и не пьем, не передвигаемся босиком, в проекционном мире молчим, любим вычурную одежду, достающуюся нам из этого мира, но носим ее только на Божественной плоскости, стараясь выделиться один от другого... Мы не ведем за собой проекции к смыслу с помощью высокопарных созвучий, но призраки эти сами идут за нашим молчанием, не видя нас, но чувствуя сущностным восприятием – этим единственным Божественным ощущением, содержащимся в бесплотных, мертворожденных тенях.

– А из чего же, Пастух, – спросила Джума, – состоят тогда небесные Пастухи? Может быть, Ида промычит нам это понятие...

– Тут, – ответил Пастух, – Ида нам не поможет, поскольку мычание Иды не способно выразить категории других плоскостей. Отвечу вам так: небесные пастухи, в отличие от бесплотных теней, обладают странной *бесплотной плотью*, способной к круговороту, к смерти и возрождению.

– Я, Пастух, – сказала Джума, – кажется, понимаю, о чем идет речь, я много читала и знаю, что были такие проекции... а вернее, небесные пастухи, которые...

Но в этот момент сложного разговора одна за другой подбежали другие телки, вернувшиеся со своих игрищ, и веселая Роза сразу весело объявила:

– Пастух, я потеряла прищепку! Мне показалось, что кто-то невидимый сорвал ее с моего уха... Я даже почувствовала дыхание кого-то... или, вернее, какой-то шепот с дыханием... Пока я стояла и соображала, кто бы это мог быть и куда девалась прищепка, подскочила коза и из-под ног утащила эту прищепку, упавшую, оказывается, на поверхность.

– А другая коза, Пастух, – пожаловалась угрюмая Анна, – подпрыгнула и хотела сорвать с Марии-Елизаветы колокольчик, но Мария так поддала ей лбом, что...

– Я же говорила! – перебила Мария-Елизавета. – Козы – дуры! Хоть и с рогами...

– Козы вечно покушаются на украшения коров! – оживилась и промычала мудрая Ида, поднимая свое большое коровье тело с поверхности. – И делают это вечно исподтишка! Им нельзя доверять. однажды одна коза сделала вид, что хочет подружиться со мной, и неожиданно стала сдергивать с меня ожерелье... И так вцепилась в мои красные бусы, что Пастух, пасший эту козу, еле разжал ей зубы...

– Да, – согласился Пастух, – козы непредсказуемы и глупы, за большие провинности и нас, Пастухов, Хозяин, бывает, отправляет на коз, и нет на плоскости тупее занятия, чем следить за этими маленькими созданиями, ходящими по малым кругам на веревках. Вроде бы можно и отдохнуть, спокойно покуривать козы, наслаждаясь Божественным табаком или душистым высушенным навозом, размышляя о чем-нибудь постороннем, но чуть ослабишь внимание – и козы срываются со своих кольев и разбегаются в стороны, тревожат мирно пасущуюся скотину... На коз – одни жалобы. – И после паузы объяснил: – Прищепку же с Розы сорвал вездесущий *Подслушиватель* — он любит подразнить молодых коров, которые готовы нацепить на себя любой предмет, находящийся в пастуховской сумке. Объясню вам, малосведущим, что это означает. Все сведения обо всем, что происходит там или здесь, собирает Подслушиватель, который слышит и видит все, что говорится и происходит на плоскости и под сводом, а затем сообщает или докладывает об этом Хозяину... Подслушиватель тоже состоит из великого, всеобъемлющего эфира, но, в отличие от нас, Пастухов, всегда находящихся в каком-то конкретном месте, он находится одновременно везде, присутствуя всюду, подобно эфиру, рассеянному в эфире, и не обладает возможностью обозначить себя одеждой... Мы, Пастухи, отсылаем Хозяину сведения о происходящем на плоскости с быстрыми иноходцами, в крайнем случае со скоростными гуртами, или же предстаем, если потребуется, перед Хозяином лично. Подслушиватель же передает эти сведения моментально, слово в слово, мычание в мычание, движение в движение... Есть признак того, что он слушает: легкий шорох – как будто шелестит нежное сено. Он и срывает иногда украшения из баловства...

– Наверное, Пастух, этот Подслушиватель – безобидное существо, хоть он и подслушивает, – сделала неожиданный вывод Роза. – Пусть он и подслушивает всех нас и передает разговоры Хозяину, но, наверное, он вынужден это делать из высшего принципа, наверное, таков высший порядок. Но шепот его и дыхание были действительно ласковыми, как будто бы кто-то погладил меня – действительно, как эфир. Вот только прищепка как будто сама сорвалась с моего уха и исчезла.

– Похвально, Роза, что ты начинаешь воспринимать окружающую реальность доброжелательно, с рассудительностью, но только одна ошибка: Подслушиватель, как и я, не являемся существами, поскольку не обладаем *истинной плотью*...

– Скажите, Пастух, – вмешалась Елена, – я понимаю так, что вы, как и Подслушиватель, бесплотны и состоите из так называемого эфира, с которым все же можно соприкоснуться, Создатель, как и Намерение, тоже бесплотны, поскольку, как вы сообщили, это *высшего понимания условности, удаленные бесконечно от нашего понимания*, и поэтому, как я понимаю, к ним прикоснуться невозможно даже в мыслях своих и, наверное, даже в чувствах, поскольку они совершенно непостижимы, но вот Хозяин – является ли он такой же плотью, как мы, сущности, можно ли прикоснуться к нему?

– Спрашивать что-либо о Хозяине телке первого круга бессмысленно, – ответил Пастух, – осведомляться о нем есть смысл только коровам, прошедшим свой первый круг, то есть все девяносто девять столбов, потому что понять что-либо о Хозяине способна лишь сущность, на миг побывавшая между девяносто девятым и первым столбом нового круга, то есть промелькнувшая на столбе нулевом, где соединяются несколько плоскостей, где происходит нечто не описуемое тем языком, на котором вы сейчас говорите, и где после первого круга телка, преобразившаяся в корову, может лишь частично понять, что следует спрашивать о Хозяине, чтобы начать понимать это высшее из доступных для коровы понятий, а чего не следует спрашивать.

– Получается, – уточнила Елена, – что сам Хозяин тоже недосыгаем, тем более для нас, соприкоснувшихся, как вы говорили, только еще копытами с настоящей реальностью и не погруженных в нее. Но достигаемо лишь понятие о нем, да и то только после понимания

того, что можно спрашивать, а чего нельзя, чтобы начать понимать это высшее для коровы из доступных понятий...

– Ты, Елена, – ответил Пастух, – рассуждаешь как опытная корова, понимание твое не соответствует пройденным тобою столбам... Я, конечно, мог бы продолжить этот поучительный разговор, но подругам твоим, думаю, он будет непонятен настолько, что они могут потерять интерес к постижению реальности – что приведет в свою очередь к замедлению их умственного развития и даже остановке движения.

– Да, Пастух, – согласилась черно-белая Марта, – слишком у вас с Еленой заумные разговоры, уходящие в малопонятные области, а нам, телкам, хотелось бы знать про окружающий мир более насущные и практичные вещи, которые составляют... обыденность.

– В конце концов, Ида могла бы посвятить нас во многое, но она все больше молчит, мычанием своим объясняя только те сложные вещи, о которых вы просите, и не вдается в подробности обычного коровьего быта, – высказалась светло-рыжая Сонька.

– К тому же, – пожаловалась Танька-красава, – у меня постоянное ощущение, что мы движемся в какой-то замкнутой капсуле, отгороженные от внешнего мира...

– Да, Пастух, – добавила Антонина-гадалка, – хотелось бы получить какие-то сведения о движении вокруг, которое мы пока что не видим и только знаем о нем, узнать о происходящем на соседних дорогах и на высших кругах, – тогда бы мы составили более ясное представление о той насущности и обыденности, о которых сказала Марта.

– А почему бы, к примеру, – предложила угрюмая Анна, – не попросить об этом Подслушивателя? Пусть расскажет: что где происходит, кто о чем говорит, чем живет великое стадо... Ну просто чтобы мы были в курсе событий и скорее подстроились под существенное.

14. Информация и сплетни

– Знания о плоскости постигаются в очередности, строго столб за столбом, – ответил Пастух. – И, уверяю вас, в конце первого круга вы будете знать все, что требуется корове для полноценного пребывания в стаде; те же из вас, кто проявит пытливость, будут знать даже больше необходимого. Информация же о происходящем вокруг, в том виде, в котором она распространяется в проекционной иллюзии, здесь начисто перекрыта. Подслушиватель в прямой контакт со скотиной вступать не может, это запрещено. Вам, конечно, любая встретившаяся корова расскажет, что она видела на предыдущих столбах той дороги, по которой она идет, но никаким образом корова эта не сообщит о событиях на параллельных дорогах и тем более кругах, потому что сама не знает об этом и знать не должна. Собственно, для скотины перекрыта возможность распространения подобных сведений через какой-то источник. Надо сказать, однажды образовался подобный источник в виде Божественной сущности, которая обманным путем получала разные сведения о происходящем на плоскости, – Подслушиватель, замечу, наивнейшее создание, – и передавала парно- и непарнокопытным о том, где что происходит и кто о чем говорит. Божественная умиротворенность почти безмолвно пасущихся стад сразу же пришла в беспорядок... Но подробнее об этом вредном источнике и инциденте, связанном с ним, – на тридцать девятом столбе, где вы наяву увидите сущность, нарушившую своим поведением спокойствие Божественного движения и умиротворенность пастьбы. Так что только лишь мы, Пастухи, да и то после личного обращения к Хозяину, получаем от Подслушивателя сведения, предположим, о том, что происходит там, где нас нет в данный момент. И только Хозяину доступна вся информация о происходящем на плоскости. Вам же, телкам, а в будущем и коровам, предписано довольствоваться окружающими событиями по ходу движения, легкими, приятными сплетнями, а также тем источником собственной информации, который в вас, как в сущностях, высокоразвит и неиссякаем, хотя для этого необходимо его почувствовать – что и происходит обычно в конце первого круга, когда такие телки, как вы, став почти что коровами, начинают беспрерывно мычать, выражая свою коровью радость по поводу вдруг открывшегося им безотносительного понимания великого положения вещей. – И Пастух попросил: – Ида, расскажи телкам какую-нибудь доступную сплетню, которая не помрачила бы слабый телячий ум, и приведи пример великого понимания вещей из своего личного, неиссякаемого источника понимания.

– Му-у-у... – начала рассказывать Ида, но, видимо, тут же сообразив, что телки пока что не поймут целой коровьей сплетни, выраженной мычанием, перешла на проекционный язык: – На позапрошлом моем кругу, на двадцать восьмом столбе, я познакомилась с одной симпатичной пятнистой коровой, которая определяла свой возраст всего лишь как пять кругов, причем первой заговорила о возрасте. Ну, помычали вместе о том да о сем и разошлись – дороги наши не совпадали, – но корова эта показалась мне странной... Мне бесконечно много кругов, я опытная корова и поэтому сразу же заподозрила, что этой пятнистой корове более чем пять кругов, поскольку лишь после пятого круга корова заговаривает о возрасте... Впрочем, дело в другом. Вот что мне рассказала другая корова про эту корову, которая зачем-то скрывает свои круги. Корова эта – другая – слышала от той коровы, которая паслась на одном лугу с этой коровой – что скрывает круги, – что эта последняя встретилась на дальнем от дороги лугу со своим быком, от которого рожала телят несколько раз и считала его своим вечным быком, то есть, по проекционному, мужем. Встретилась, но сразу заметила, что бык как-то не так настроен, и пахнет как-то не так, и прячет свой взгляд, как будто бы провинился. И правда, бык, недовольно сопя, вскоре признался ей в том, что встретил другую корову – в самом начале круга, возле какой-то лужи, и намерен теперь пастись и иметь общие интересы только лишь с ней, с вновь повстречавшейся... Мало того, признался, что эта последняя примитивнее, может быть, и глу-

пее, чем прежняя, и раскраска у нее неказистая – серенькая, как у Марии-Елизаветы, которая, впрочем, от себя замечу, довольно умна, – но ему нравится больше и он будет спариваться исключительно только с ней... Сначала корова, скрывающая круги, не поверила, потом стала плакать, впала в истерику, но все же смирилась и предложила быку побыть с этой новой коровой сколько ему пожелается, но потом все же чтобы вернулся к ней. И решила отдать той корове жемчужную нитку со своей шеи и кисточки для ушей – из хвоста чего-то несущественного... Бык этот, по-проекционному редкая дрянь, но здесь, на плоскости, где нет хорошего и плохого, обыкновенная бычья сущность, согласился на это, и Пастух, выпасавший неподалеку стадо глупых баранов, снял украшения и по просьбе быка повесил на другую корову... Корова, видевшая все это и рассказавшая той корове, которая рассказала все это мне, пристыдила корову, принявшую украшения, но та, ничуть не смутившись, отправилась погулять с быком, а обиженная и брошенная корова сущностью ушла в *никуда*, переживать свое горе в проекционной иллюзии, коровья же ее плоть с жадностью начала поедать траву, не останавливаясь даже с наступлением тьмы... Другие уже коровы видели ее, поедающую траву в темноте, и описали мне это странное зрелище... Говорят еще... хотя, это уже неважно. Что же касается великого понимания вещей, исходящего изнутри каждой сущности, то после своего первого круга я, к примеру, помнится, поняла, что корова и бык подобны свету и тьме и составляют *неразделенное нечто*, рассеянное по плоскости... Но Пастухи, не обладая интуитивной чувствительностью скотины, объясняют это понятие по-своему – слишком разумно, не понимая этой условной рассеянности, одновременно собранной воедино великими ощущениями даже самого захудалого бычишки и такой же невзрачной коровки. – И она прибавила: – Му.

– Ида, а где вообще-то быки? – спросила Танька-красава. – Мы просто не видим их, или они пасутся в каких-то других местах?

– Быков вообще мало, – ответила Ида, – и они не пасутся, как мы, коровы, быки вечно заняты своими делами, куда-то спешат, и вам еще рано о них размышлять. О-о-о!.. Я помню последний набег быков на молодую скотину, которую я сопровождала два круга назад. Это были воинственные быки, герои скотобоен! Последний раз я родила теленка именно от такого быка... – и Ида как-то задумчиво опустила голову, покачала рогами.

– Итак, – подытожил Пастух, поднявшись с поверхности и повесив себе на плечи сумку и кнут, – сейчас оставим эти коровьи чувства, мало располагающие к движению, и отправимся дальше. Впереди у нас большой перегон прямо по облакам и в тумане, которые будут стлаться внизу и понимаются в Божественном стаде как *область туманных грез*, где может долго блуждать скотина, испытывая полусонное состояние и наблюдая несбыточное в реальности, но более подробно я расскажу вам об этой области грез на дальнейших столбах... Сейчас же не смотрите бесполезно под ноги и в стороны, следите за моей головой и придерживайтесь друг друга, а я пойду впереди, указывая вам путь. В тумане вы не увидите позади и впереди идущих себя и в случае чего, заплутав, слушайте звук бича, который укажет вам верное направление.

Коровы лениво стали переходить на дорогу и в беспорядке потянулись за Пастухом, пуская длинные струи и оставляя после себя шлепки. Пастух, пыля сапогами и не оглядываясь, на быстром ходу распустил свой бич и, крутанув им, щелкнул так, что телки вздрогнули и от испуга прибавили шагу, сосредоточившись на движении и выстраиваясь в какое-то подобие колонны.

Над безликой поверхностью вскоре появились перья тумана, затем клочья тумана и целые озера тумана – и вот уже образовалось сплошное белое молоко, которое залило всю округу и достигало коровам до холков, так что они стали видеть только головы впереди идущих и фуражку своего Пастуха на так называемой голове Пастуха, которая плыла над туманом, указывая направление пути. Фуражка поворачивала то влево, то вправо, следуя изгибам дороги, и телки, стараясь не упустить ее из виду и чувствовать друг друга боками, какой-то несклад-

ной толпой, толкаясь, продвигались вперед и вперед. Пару раз вдалеке проплыли едва различимые, одинокие, мычащие коровьи или бычьи головы и послышалось бляение плутающего, наверное, барана или заблудшей овцы, и больше ничего приметного на этом отрезке дороги телкам не встретилось.

Наконец туман разределся, снова превратившись в клочья и перья, и стадо с облегчением вышло из облака в ту привычную уже область, где все вокруг было видно и казалось знакомо. На подходе к очередному столбу открылся прекрасный зеленый луг, который не имел границ, простираясь во все стороны за предел коровьего видения, и мог, очевидно, удовлетворить аппетит многих существ, сколь долго им бы не хотелось жевать. Также в пределе этого видения появились кусты, похожие на зеленые пятна, и Ида повела телок сразу же к ним, обещая нескончаемый водопой. За кустами действительно лежало огромное голубоватой воды, и телки, припав к этой воде, нескоро от нее оторвались, поскольку после трудного и опасного перехода никак не могли напиться.

Утолив наконец первую жажду, стадо дружно принялось поглощать траву, иногда отрываясь и исподлобья наблюдая за Пастухом, который устроился под кустами, развалившись, закинув сапог на сапог и дымя своей бесконечной, казалось, козой. Телки то жевали, то снова пили и постепенно, сытые и довольные, сосредоточились вокруг Пастуха: некоторые просто тупо стояли, отрывивая траву и снова глотая, другие же прилегли, предпочитая отрывивать и переваривать лежа и даже закрыв глаза, третьи же все нагибались к траве, скорее уже от нечего делать, поскольку все были достаточно сыты.

– Я, Пастух, обратила внимание на столб, – прервала жевание черно-белая Марта, – на котором указан номер: пятнадцать. Предыдущий был с номером девять, а миновали мы вроде только один промежуток... Как же так получается?

– Здесь, Марта, – и Пастух выпустил облако дыма, – порядок и точность, которые для тебя превыше всего, соблюдаются в сущностном понимании движения, зависящем от той степени осознания происходящего, которая в тебе, как в телке первого круга, еще довольно низка... Уверяю тебя, что если ты вернешься назад, то увидишь столб с отметкой четырнадцать, возле которого Ида рассказывала нам сплетню о пятнистой корове, поедающей траву в темноте, дальше последует тринадцатый столб, где Елена и я вели малопонятные для вас разговоры, а вы развлекались с глупыми козами... Но возвращаться и проверять – опасное дело: столкновение с будущим может помрачить голову даже полноценной корове, не говоря уж о телке. Так что столбы с номерами, недостающими в твоём понимании, вы миновали, можно считать, в воображении своем. С другой стороны, чтобы тебе было проще поверить, можешь считать, что столбы эти вы пропустили в тумане и не видели их.

– Понятно, Пастух, – ответила Марта, – но мне хотелось бы уточнить и предназначение тумана, который мы как-то туманно прошли, не получив никаких новых сведений о поверхности и лишь увидев чьи-то одинокие головы, а также услышав бляение невидимого барана или овцы...

– Для первого раза, – ответил Пастух, – достаточно и такого знакомства с *областью грез*, поскольку все в ней на самом-то деле намного сложнее и понимание ее требует определенной степени погружения в скотское мышление, которое в вас развито еще недостаточно.

15. Звездная корова

Между тем Танька-красава и Роза, не думая об исчислении столбов и предназначении тумана, уютно расположились неподалеку от Пастуха на траве и, то проваливаясь в короткий, коровий сон, то выныривая из него, вяло вели беседу.

– Сколько уже прошли, – говорила Танька-красава, – и хоть бы один бычок появился на горизонте...

– Ну, горизонта здесь нет – ты забыла? – ответила Роза. – Есть предел коровьего видения, и я думаю, что бычки когда-нибудь обязательно возникнут в этом пределе.

– Быстрее бы возникли – скучно! Меня так и тянет поискать молодого бычка и позабавиться с ним.

– Что значит *позабавиться* с ним... Ты где взяла это слово? Ты разве помнишь, что забавлялась с бычками? Вроде бы ты, как и я, не помнящая конкретных событий из проекционной иллюзии.

– Да, я не помнящая конкретного, но телячье мое существо иногда горит и кипит отчего-то, и я думаю: отчего же во мне что-то может кипеть? Жажды познания, как у Елены или Джумы, которые задают бесконечно много вопросов, у меня нет, в этом смысле я совершенно спокойна и не горю желанием узнать что-нибудь сверх того, что вижу вокруг, аппетит у меня умеренный, я могу довольствоваться даже и сеном, а что еще здесь существует, кроме воды, еды и обсуждения высоких сфер? Я извлекла из этого обсуждения только одно, озвученное действительно мудрой Идой: «...условная рассеянность, одновременно собранная воедино великими ощущениями коров и быков...»

– Я думаю, – ответила Роза, – что это пока еще недоступно для нашего понимания, поскольку источник безотносительно понимания великого понимания вещей в нас еще не открылся...

– А я считаю, что Ида начала открывать этот источник. во всяком случае, мне лично хочется повстречать быков, с которыми я собрана воедино великими ощущениями... – сказала Танька-красава.

Все телки тут услышали Пастуха, который громко сообщил:

– Эфир начинает густеть, я чувствую это всем своим телом, которое тоже сгущается, и делаю вывод, что скоро наступит для вас первая тьма и вы увидите реальные звезды на своде – картину, не искаженную проекционной иллюзией, а также небесной загадочностью. Пока что можете отдыхать. и не задавайте лишних вопросов, старайтесь настроиться на созерцание свода во тьме – безмолвном источнике понимания пространства, в котором вы существуете.

Коровы – те, что еще стояли – одна за другой разлеглись на поверхности, неподалеку от Пастуха, и в ожидании обещанного притихли, даже перестали отрыгивать и пережевывать свою жвачку. Все приобрело умиротворенный, Божественный вид отдыхающего на лугу сытого стада.

Свет вскоре уступил место мрачному сумраку, затем довольно быстро стемнело, и вот уже телки видели только взгорбленные, мистические в темноте очертания друг друга. Теперь они не видели Пастуха, но слышали, как он произнес:

– Неразделенное нечто, включающее в себя как свет, так и тьму, сильнее проекционного солнца, но это необъяснимо.

Тут все коровы обратили внимание свое на свод и все, как одна, зашевелились и повставали от удивления и беспокойства, вдруг охватившего их. Свод этот был теперь совершенно черным и плоским, как черное полотно, развешанное наверху, глубина никак не угадывалась и не выражалась ничем, а необычно крупные звезды, вдруг разом возникшие над головами коров, не распространяли свечения и были похожи на большие и малые яркие лампочки, горев-

шие, но не светившие вокруг себя, не создававшие обычного ореола света. Размеры и близость звезд поражали; казалось, до них можно чем-нибудь дотянуться... Мало того, казалось, что то пространство поверхности, где находились коровы, быстро и неминуемо приближается к этим звездам или, наоборот – звезды летят на коров, и поэтому беспокойство, охватившее телок, утихло только тогда, когда они убедились, что звезды не увеличиваются в размерах и картина великого свода абсолютно статична.

– Странно, – не выдержала созерцательного молчания Тонька-гадалка, – я хоть и не помнящая себя в проекционной иллюзии, но помню и знаю ночное проекционное небо... Я знаю звезды и вижу сейчас, что что-то не так... Здесь есть основные созвездия, планеты и одинокие звезды, но где же то бесчисленное количество звезд, если мы буквально приблизились к космосу?

– Может быть, коровы и здесь что-то не видят, видение их ограничено пределом коровьего видения? – предположила Джума. – Я – помнящая себя, поэтому помню, как наблюдала однажды все это в телескоп с высокой горы... Действительно, при приближении – звезд видно столько, что они как туман.

– Вы, телки, путаете, – вмешался Пастух, – проекционное восприятие с сущностным. Воображение мертворожденных теней окружает себя огромным количеством лишнего, которое перерастает в бессмысленность, в данном случае увеличивает до бесконечности количество звезд и расстояние до них, и это порождает фантастику, не имеющую отношения к реальности. Звезд на самом-то деле не больше, чем нужно – чем требуется скотине, и расстояние до них не дальше, чем это необходимо для ощущения близости к ним. Проекционные звездочеты – из самых древних, первых проекций, появившихся на земле, – имея сущностный взгляд на мир, высчитывали влияние этих светил не на мертворожденные призраки, но на сущности нашего великого стада, где каждой звезде соответствует конкретная сущность или наоборот, поскольку вы, Божественные создания, также имеете влияние на звезды, как и они на вас, образуя с ними гармонию всех сфер, созданных непостижимым Создателем и великим Намерением. Телескопы и прочие ухищрения проекционной иллюзии не имеют к этому отношения и лишь отдалают от реального понимания положения вещей, ставя это понимание в зависимость от расстояний и величин, созданных воображением самих же мертворожденных теней...

Две коровы между тем, рассеянно слушая пастуховские объяснения, мало что говорящие им, закинули как могли головы и попытались лизнуть парочку звезд – настолько они казались им близкими. Вскоре и остальные последовали их примеру, и вот уже все стадо, совершенно безмолвно пыталось дотянуться до звезд своими длинными языками, как будто желая попробовать их на вкус... Не делала этого только Тонька-гадалка, которая занялась считыванием созвездий и подсчетом количества звезд.

Убедившись в бесполезности лизания звезд, коровы перестали проделывать это и теперь внимательно, не отрываясь, смотрели на свод, картина которого постепенно менялась. По четырем сторонам черного полотна, друг против друга, появились бледно-зеленые сполохи, похожие на четыре конских хвоста, которые начинались в зените и сползали, переливаясь и трепеща, к краям полотна. В самом же зените образовалась большая светящаяся фигура коровы, обозначенная не звездами, но чем-то другим, иным светом, сплошным и имевшим красноватый оттенок. Наблюдая завораживающую, впечатляющую картину дрожащей красноватой коровы на своде, телки слушали Пастуха, который рассказывал следующее:

– Корова эта – ваша звездная *Мать*, а также *Мать* всех быков, вы все исходите из нее, являясь ее порождениями на поверхности и под сводом, подобно тому как потусторонние тени есть ваши проекции во вторичном, призрачном мире. Но лишь подобно, поскольку вы не мертворожденные тени и мир, в котором вы существуете, абсолютно реален. Ваша великая звездная Мать располагается там, за сводом, в иной, непостижимой для нас, Пастухов, и даже для Хозяина области, которую мы называем здесь сферой Создателя и Намерения, и лишь дает

свое отображение на свод, в каждую тьму напоминая скотине о ее великом происхождении, которое корнями своими уходит в пространства далеких и близких сфер.

– А есть ли на своде Мать кобылиц и коней, а также козлов, коз и баранов? – спросила Антонина-гадалка. – Мне, Пастух, это было бы интересно знать, поскольку я впервые столкнулась с реальностью свода и намереваюсь в дальнейшем постигать его глубину.

– Парно- и непарнокопытные нашего великого стада, – ответил Пастух, – воспринимают картину свода по-разному. кони и кобылицы, к примеру, обращают внимание только на эти зеленые сполохи, усматривая в них отображение своей четырехгривой Матери-лошади, несущейся одновременно в разные стороны, в глазах у баранов только одна звезда, непомерно большая, и они почитают ее за светящийся лоб недосягаемого барана-Отца, козы видят на своде небольшую козу, составленную двенадцатью звездами, и думают почему-то, что это... – и тут Пастух неожиданно замолчал.

– Но если наша звездная Мать – точно эта корова на своде, – сказала Елена, – то мы уж точно коровы; хотя мы с Джумой еще в стойле подозревали, что мы – *коровы, но не совсем...*

– А я, – продолжила эту тему Марта, – тоже думаю, что я корова, но не совсем, поскольку испытываю некоторые ощущения, не свойственные скотине...

– Что же ты испытываешь, детка, такое, не свойственное скотине? – отозвался взгорбленный силуэт Иды.

– Ну, например, смущение из-за того, что я совершенно голая... – призналась Марта.

– А я, – возразила Джума, – наоборот, чувствую на себе какую-то шерсть, которую мне хочется сдернуть...

– А мне мешают копыта, которые хочется скинуть, как неудобную обувь...

– А я почему-то чувствую, что хожу босиком, и даже завидую Пастуху – его сапогам...

– Я тоже завидую Пастуху, – сказала Мария-Елизавета, – он курит козы, и мне иногда тоже хочется покурить – как я это делала в проекционном нигде.

– Нет, – отозвалась мудрая Ида, – вам до коров – далеко!

– Скажите, Пастух, – спросила Джума, – вот это вот ощущение, которое мы, телки, выражаясь пока что неправильным языком, обозначаем как *не совсем*, – как его понимать?

Но Пастух почему-то не отозвался, а вместо него снова ответила Ида.

– Пастух глубоко уснул, – сообщила она. – Пастуховский эфир, сгущаясь при наступлении тьмы, переходит в снотворное состояние, подобное сну. К тому же отображение красной звездной коровы царит над поверхностью, исключая все нехорошее, что может случиться во тьме, и заменяет тем самым пастуховскую бдительность, поскольку нет на поверхности сил, способных нарушить покой, который охраняет всем своим видом ваша звездная Мать. Так что я, дети, отвечу за Пастуха: скажу вам с высоты моих бесконечно многих кругов: все мы, конечно, коровы, но не совсем, хотя боюсь запутать этим ваши неразвитые мозги... Вы, для ясности первого восприятия, видите примитивно – только скотину, но с определенного круга у сущностей проявляются, говоря проекционной, словоблудной условностью, могучая интуиция и такая же пронизательность, скрытые в глубине сущностного сознания, и вся скотина видит уже не только скотину, но и нечто другое, то, что вы называете *не совсем...*

– Так, Ида, – сказала Елена, – было со мной и Джумой в первый момент, как мы только вышли из стойла: мы видели вроде бы девушек или женщин и одновременно коров...

– Да, этот эффект свойственен только младенцам, дальше же он исчезает и проявляется снова только у взрослых коров, шестого или пятого круга, которые и наблюдают это самое *не совсем...* Правильнее будет объяснить вам по-нашему, по-коровьи. – и Ида, перейдя на коровий язык, промывчала целую фразу про восприятие мира коровами высших кругов. И для наглядности повторила мычание.

– А ты, Ида, видишь нас по-коровьи, из глубины сущностного сознания? – спросила Елена.

– Мне бесконечно много кругов, и я вообще не вижу коров – начиная с десятого круга... Но то, что я вижу, не объясняется даже мычанием... Но до этих понятий вам еще далеко, так что думайте о насущном: привыкайте к копытам, к шкуре и оставьте мысли о том, чтобы дымить козой из собственного навоза! Поддала бы я вам рогами, но наказывать таким образом телок первого круга строго запрещено!

После этого объяснения телки притихли и, успокоившись и не задавая больше вопросов, разлеглись на поверхности отдыхать. Провалившись в короткий коровий сон, а потом вынырнув из него, каждая телка поднимала голову к звездам и, удостоверившись, что красная звездная Мать всех коров и быков мерцает на своде, спокойно закрывала глаза. Так длилось до наступления нового света, пока тьма окончательно не ушла и звезды, а с ними и отображение коровы, не растворились на голубеющем покрывале.

16. Родовитость быков и смыслы коров

– Бык появился! – воскликнула Марта, и телки не то чтобы быстро, но моментально вскочили и уставились на быка, который жевал в отдалении траву, не обращая, казалось, внимания на стадо коров.

Это был черный огромный бык с изумительными рогами и длинным хвостом, которым он вяло бил себя по бокам.

– Утренний сын великой звездной коровы! – сказала Джума.

– Не приближайтесь к этому сыну! – сразу предупредил Пастух, который уже расправлял после сна свое пастуховское эфирное тело. – Бык может рассвирепеть, поскольку именно этот бык не терпит, когда поблизости кто-то еще начинает жевать траву. Бык этот, по имени Искандер, всегда пасется один. Ему конечно же нет дела до малахольных, невзрачных телок, но мало ли что, бывает, ударяет в голову этим быкам... Сейчас он насытится и уйдет, тогда и вы пожуете траву, после чего мы отправимся к месту, откуда виден Великий Всеобщий Тракт, где бесконечно движутся стада и гурты, в движении которых и вам предстоит участвовать с круга второго, если только Хозяин не назначит кому-то из вас особые, собственные круги или же не отведет для пастьбы части поверхности, где можно пасться, мысленно проходя столб за столбом. В какой-то мере вид этих гуртов и стад будет для вас показательным, и понаблюдать Божественную скотину во всей ее сущности будет очень полезным.

Телки, рассеянно слушая Пастуха, любовались быком, и Танька-красава, не сдержав своего восхищения, сказала:

– Какая красивая скотская сущность!.. Наверняка этот породистый бык – не сущность тех миллионов несчастных проекций бычьего рода, которые в мертворожденной иллюзии похожи одна на другую... У этих проекций и сущности наверняка беспородные, какие-нибудь квелые и невзрачные, мало похожие на быков, или, хуже того, какие-нибудь общипанные козлы...

– Ты еще не корова, а только лишь телка, – заметил Пастух, – а уже пытаешься констатировать свойства быка, не подозревая о том, что породистость здесь как понятие отсутствует, поскольку не существует пород, но есть – род и, соответственно, родовитость того или иного порядка. Но чтобы оценивать это, необходимо разбираться в родах бычьей сущности, которых не так уж и много. И уже зная принадлежность быка к какому-то роду, можно определять порядок высокородности в сущностях этого направления. Качество это бычье имеет различные, иногда несопоставимые свойства. Бычьи сущности имеют несопоставимые смыслы, и глубиной этих смыслов, заложенных в каждую сущность, и определяется высокородность или просто родовитость быка. Искандер, например, относится к роду воинствующих быков и постоянно, беспочвенно ищет стычки с другими, но в то же время он способен подолгу печально думать, пасясь в одиночестве и не подпуская к себе никого. Вот и все, что можно сказать о сущности Искандера. Он красив, но смысла в нем мало, учитывая еще то, что думает он печально, сам не зная о чем! Так что сущность его ничем больше не выражается и родовитость весьма умеренна. Но все эти вещи по-настоящему вам откроются после первого круга, когда Божественное, безостановочное движение сущностей по поверхности захватит вас целиком и вы почувствуете себя единым целым со стадом.

– А у нас, у коров, Пастух, есть сущностные направления и родовитость? – спросила Елена.

– У коров подобного очень много, – ответил Пастух, – настолько много, что не поддается подсчету, как у быков. Но у коров нет сущностных направлений, вернее, их – множество, каждая из коровых сущностей неповторима, и поэтому составить род даже из двух коров невозможно. Единственное предание, существующее на плоскости, то есть то, чего не застала основная масса скотины и о чем лишь относительно знаем мы, Пастухи, вероятно, точно Хозяин,

а также ваша звездная Мать, рассказывает о начале начал, когда изначально на плоскости было двенадцать быков и только одна корова. Быки поддерживали, образно говоря, менталитетный порядок плоскости, корова же гуляла под сводом, облагораживая поверхность. И было множество Пастухов, которые по очереди выгуливали эту единственную корову, обогащая ее разными смыслами – что и породило в дальнейшем разнообразие коровьих сущностей, составляющих тысячи направлений. Высокородность коровья, с точки зрения Хозяина, определяется очень просто: удоями молока, а также количеством и качеством Божественного навоза, выработанного коровой за один полный круг великого, безостановочного движения по плоскости. Мы, Пастухи, придерживаемся подобного взгляда, но, с другой стороны, воля Создателя и желание Намерения, бесконечно удаленных от нашего понимания, определили для некоторых особей лучшие условия существования, чем всей остальной скотине. Коровы эти попадают в ранг избранных, число их невелико, пасутся они отдельно от стада, и волей-неволей мы, Пастухи, тоже относим их к родовитым или высокородным особам, хотя они и не особо молочные, да и навоз их не подходит для коз. Впрочем, чтобы говорить об этих коровах – нужно увидеть их, и это произойдет на дальнейших столбах. Анна в прошлом своем, к которому она движется, в сведениях, полученных от Хозяина, числится избранной, и поэтому я просто обязан уделять ей особенное внимание: первое, что придется мне сделать, – это украсить ее венком из цветов, как только они появятся на поверхности. Вы же не завидуйте Анне: избранные лишены многих удовольствий и радостей, которые приносит обыкновенное существование в стаде...

Между тем бык Искандер, насытившись, оторвался от щипания травы, перестал отрывать и жевать свою жвачку и одним глазом косился на телок так подозрительно, как будто только и ждал малейшего повода, чтобы сорваться с места и атаковать их. Мало того, к битью себя по бокам хвостом прибавилось еще свистенье ноздрями, явно имеющее один только смысл – готовность к агрессии. Телки стояли не шевелясь, и только Ида вышла немного вперед и промывчала длинную фразу. Бык ответил коротким, глухим ревом, воинственно раздул ноздри, длинно и пенно помочился, повел туда-сюда головой с ужасающе черными и кривыми рогами, повернулся к телкам хвостом и, продолжая размахивать им и ударять себя по бокам, как плетью, побрел по поверхности куда-то туда, где его что-то ждало. Вскоре силуэт его скрылся за пределом коровьего видения, и телки потянулись к траве.

Танька-красава обнюхала то самое место, где бык напустил струю, и грустно произнесла: – Как нежно пахнет Искандером, какой Божественный запах...

Утолив первый световой голод, телки одна за другой вышли к дороге и двинулись по ней ровным порядком, оставляя после себя шлепки и совершенно теперь этого не стесняясь.

К семнадцатому столбу, миновав два изгиба и длинный, скучный отрезок пути, на котором, правда, стаду впервые встретились два невыразительных деревца, росшие на обочине, – просто с круглыми кронами, более всего похожими на пятна зеленой краски, – телки снова проголодались и сумели выразить это чувство правильным, хотя и плаксивым мычанием, так обрадовав Иду настоящим коровьим произношением, что она тут же, как лошадь, побежала отыскивать на безликой поверхности желаемую траву. Вскоре, обнаружив лужайку возле небольшого симпатичного озера, она позвала телок поесть и попить, и они жадно и весело быстро уничтожили весь наплыв зеленой травы и вылебали до черного дна голубоватого цвета воду. Тут же все пустили длинные струи, отрыгнули траву и стали ее жевать. Ида двинулась к Пастуху, ожидавшему на дороге, и телки потянулись за ней.

– Ида, – спросила Марта, – откуда в этой пустынной местности, при отсутствии дождей, берутся лужи воды?

– Откуда что-то берется на плоскости – вопрос крайне опасный, поскольку за такие вопросы корову могут отправить на исправление, – ответила Ида. – Тебя, как телку, конечно же не отправят, но подумай сама: необходимо ли корове знать о происхождении подобных луж и чего-то другого, конкретного, существующего всегда и – без коровьего разума? Плоскость

и все, что на ней существует, созданы Великим Создателем и по воле Намерения, и, задавая подобный вопрос, ты тем самым обращаешься к условности высшего понимания, бесконечно удаленной от понимания скотины, Божественных Пастухов и даже Хозяина, – а это приводит к закруту коровьих мозгов. Есть на плоскости один бородатый козел, который не унимался и задавал всем подряд вопросы подобного рода, тревожа ими скотину и Пастухов, и по приказу Хозяина он угодил в итоге в вечную изоляцию, общение с ним ограничено. Ты увидишь его на тридцать восьмом столбе и узнаешь о том, куда завело козла подобное любопытство. Откуда лужи, ты спрашиваешь, – мне ли, корове, об этом знать? Я знаю только – откуда навоз, но об этом знаешь и ты.

17. Великий Тракт. Карнавальное стадо

– Впереди, – объяснял Пастух собравшимся на дороге телкам, – вас ожидает вид Великого Всеобщего Тракта, который пролегает по плоскости, захватывая многие ее уголки, также обозначен столбами и по которому молодым телкам ходить строго запрещено, поскольку по тракту этому, как я уже говорил, в перерывах между пастьбой, валом валят большие стада полноценной, взрослой скотины разных кругов, а также быстро идут или пробегают скоростные гурты, следуя без остановки до тех точек, куда им предписано направляться, и вас, еще не готовых двинуться внутри стада, могут затолкать по случайности, сбить с толку и увлечь за собой. Так что вы остановитесь неподалеку от тракта, возле большого камня, на возвышенности, откуда можно увидеть происходящее целиком.

Ида пошла вперед, телки за ней, и, поднявшись немного вверх и обойдя огромный серый валун, все увидели сразу перед собой широкую полосу тракта и длинное стадо коров на ней, растянувшееся в обе стороны до предела коровьего видения. Скотина двигалась нелегко, тяжело и медленно, представляя собой нечто пылящее, топотное, мычащее, пыхтящее, хрипящее, но иногда, после удара бича или окрика, переходила на рысь и даже скакала. Самих Пастухов видно не было, и лишь эти окрики, разные по тональности, и удары бичей говорили о присутствии погонщиков. Коровы на тракте были разной окраски, крупные и не очень, массивные и худые, некоторые с бубенчиками, другие с гирляндами разноцветных цветков на шеях, третьи без знаков отличия, с прямыми рогами и закрученными, с подпиленными и не подпиленными, у большинства болталось огромное вымя, у других оно было довольно невыразительным. Стада коров следовали одно за другим, и лишь по редким, свирепым на вид одиночим быкам можно было догадываться о начале или конце стада; да еще немногочисленные бараны и овцы плелись в хвосте. Вся скотина, казалось, появляется из одной части свода и скрывается в другой, противоположной.

Телки уставились на это зрелище и долго не отрывались. Пастух между тем непонятным образом оказался сидящим на валуне. Он открыл свою сумку, извлек из нее кисет и бумагу и занялся скручиванием козы.

– А почему, Пастух, – спросила Тонька-гадалка, послунявив протянутую ей сверху козу, – стадо кажется нескончаемым? Ведь число звезд на своде ограничено: я насчитала три тысячи тридцать три звезды...

– Так кажется потому, – ответил Пастух, выпуская облако дыма, – что именно с этой точки, от этого камня вы видите бесконечное и безостановочное движение бесчисленных двойников, к тому же на всех кругах... Таких наблюдательных мест на плоскости не так уж и много, и с каждого можно увидеть подобное.

Постепенно телки отметили, что картина мало меняется, все, что наблюдали они, вроде бы двигалось, но одновременно было застывшим: все те же коровы то медленно шли, то, после окрика, переходили на рысь или даже скакали, пара гуртов по десять или пятнадцать голов обогнали по обочине стадо, потом обогнали снова... – и поэтому телки не совсем понимали, что, собственно, они видят: стадо в движении, или застывшее изображение этого стада, или еще что-то неведомое.

– Почему же, Пастух, – спросила Елена, – мы видим одних и тех же коров, хотя они не стоят на месте и должны удаляться?

– Из своего момента движения, – ответил Пастух, – вы видите именно так, подобно тому как вы видите не отдаляющихся и не приближающихся двойников своего будущего и прошлого, которые на самом деле совсем не стоят... Перед глазами у вас задерживается та часть стада, которую вы наблюдаете.

– А почему, Пастух, – спросила Елена, – мы не видим самих Пастухов, хотя слышим бичи и строгие окрики?

– Каждое стадо, Елена, видит только своего Пастуха, и лишь там, далеко, у подножия большого холма, где скапливается очень много голов в очереди на поклонение бесценной святыне, можно увидеть всех Пастухов, когда они обнажают все свои чувства перед этой святыней и теряют невидимость.

– А что это за святыня, Пастух? – спросила Джума.

Но вопрос ее так и повис в пространстве, поскольку Пастух обратил внимание телок на тракт, воскликнув:

– Вот редкое зрелище даже для Пастухов! Смотрите на этих коров! Они движутся к карнавалу, хотя проекционное это созвучие не выражает сути события... Ида, промычи телкам понятие того движения, которое происходит сейчас на тракте!

Ида промычала понятие, показавшееся телкам веселым и грустным одновременно, и они сосредоточили внимание свое на той части стада, на которую указал Пастух и которая разительно отличалась от того, что они видели до сих пор.

Впереди тут шли все огромные, как на подбор, тучные, разной окраски коровы, видимо, мало дающие молока, поскольку вымя у них не болталось как пузырь между ногами, но выглядело весьма скромным и было хоть и большим, но не раздутым, как у обычных молочных коров. Разъевшиеся эти коровы составляли как бы авангард стада, и взгляды у них, которыми они смотрели перед собой и по сторонам, были какие-то ошалелые, как будто они находились в дурмане. Все они были украшены блестящими золотыми, свисающими цепями на толстых шеях, ожерельями из прозрачных камней или крупного жемчуга, кончики рогов у них были закрыты колпачками из меха, а на ушах болтались висюльки из сверкавших крупных красных, зеленых и синих камней, оправленных сияющим золотом. В хвосты этих коров были вплетены блестящие нити, а у некоторых эти нити были даже раскиданы по тучным телам. Все эти разукрашенные коровы двигались по дороге неторопливо, уверенно, не обращая внимания на окрики и хлопки бичей невидимых Пастухов, и общая скорость стада задавалась именно их независимой от внешних причин поступью, в которой усматривалась даже некая величавость. Нельзя было не заметить, что авангард этот чуть ли не после каждого шага оставляет после себя на тракте огромного размера шлепки, величина которых несказанно удивила телок. Затем телки перенесли внимание свое на многоголовую, среднюю часть этой процессии, составленную коровами с нормальным, раздутым выменем. Это была средней упитанности скотина, в основном черно-белой раскраски, украшенная намного скромнее, чем авангард. На шеях висели уже серебряные тоненькие цепочки или кожаные шнурки с брелками, колпачки на рогах были матерчатые, правда, разных цветов и у некоторых с кисточками-косичками, сплетенными из толстых, видимо шерстяных, ниток, а в ушах болтались неяркие камни блеклых оттенков, оправленные темным металлом. Эта часть стада двигалась энергичнее, чем авангард, и подпирала сзади ленивых мясных коров. В конце же колонны плелась тоже довольно многочисленная скотина, которая, казалось, ни на что не годна. Тела у этих последних коров были тощие, кости бугрились под кожей, вымя было невыдающимся и представляло собою нечто похожее на пустые сморщенные мешки. И все же некоторые из этих доходяг, передвигавшихся, казалось, с трудом, могли бы похвастаться перед зеркалом: кончики рогов у них были заматаны красной, синей, зеленой и черной изолентой, из-под которой торчали косички, сделанные из чего-то похожего на сантехнический лен, а на ушах висели гайки и кольца, скрученные из обыкновенной медной или стальной проволоки. За стадом следовали еще несколько серых коз, про которых Пастух, выпустив дым, выразился с высоты камня довольно презрительно: «Коровьи прихвостни...» – хотя козочки эти были весьма симпатичные, складные, как будто игрушечные.

– А почему первое место занимают мясные коровы и украшены они лучше других? – спросила черно-белая Марта. – Ведь они, кажется, судя по вымени, мало дают самого главного – молока.

– Эти ошалевшие, разевшиеся коровы, – ответил Пастух, – идут показательно впереди и украшены лучше, потому что дают больше других Божественного навоза, который обогащает поверхность и ценится выше, чем молоко, в силу того что навозом удобряется все, что может произрастать, не говоря уж о насущной траве, без которой существование на плоскости невозможно, да и не будет этого самого молока. Коровы эти очень капризны, вечно всем недовольны и доставляют много хлопот по своему содержанию – к примеру, они не пьют всякую воду и не едят всякого сена, а требуют чего-то особенного, хотя последнее ничем не отличается от обычного... Следующие за ними молочные, добропорядочные коровы не приносят много хлопот, довольствуясь тем, что есть, и поэтому Пастухи, а также высшие среди нас – Гуртоправы больше всего любят и ценят эту скотину, которая должна была бы занимать ведущее место в стаде и украшаться богаче других, если бы не беспримерное обогащение поверхности тупыми, разевшимися идущими впереди. Истощенные же коровы почти ничего полезного не дают, но рожают много телят – что в Божественном стаде является нежелательным, поскольку численность особей ограничена количеством звезд на своде, и из-за этих коров появляются беззвездные сущности, нарушающие гармонию сфер. Но выход из этого положения давно найден Хозяином: беззвездные сущности остаются бычками и телками навсегда, возникая на разных столбах первого круга и исчезая задолго до последних столбов, то есть бесконечное их движение, их круг по поверхности ограничен лишь отрезком дороги.

– Получается, что наша Мария-Елизавета и есть беззвездная сущность, – предположила хмурая Анна, – ведь она уже не впервые проходит эти столбы?

– Нет, – ответил Пастух, – Мария-Елизавета не относится к беззвездным коровам, которые не имеют имен, но обозначаются кличками, всякий раз, попадая сюда, помнят свод и поверхность, но не помнят себя и сложением своим напоминают более коров, чем телок, за исключением рогов, которые не успевают у них оформляться. Мария-Елизавета – помнящая себя уникальная сущность особого ответвления звездных коров, которым позволено свыше, из недостижимых сфер, самостоятельно и бесконтрольно использовать на первом круге *из ниоткуда и в никуда*, то есть перемещаться мысленно через границу двух сред, и окончательно утвердиться на плоскости по собственному желанию, исходя из величины и степени искренности коровьего ощущения себя. Также коровам этого ответвления, еще будучи телками, уже на первом круге, разрешено участвовать в карнавальном движении и украшаться не хуже, чем авангард, – и они вправе требовать этого от Пастухов и даже Хозяина в силу того, что сущности их напрямую подчиняются Создателю и Намерению.

– Я, Пастух, – смущенно произнесла Мария-Елизавета, – этого о себе не знаю, но я пока не хочу участвовать в карнавальном движении и требовать от Хозяина украсить меня, я не хочу отличаться на вид от своих подруг по гурту, но я хочу в этот раз окончательно утвердиться на плоскости, миновать нулевой столб и ощущать себя полноценной коровой.

– А откуда, кстати, берутся все эти украшения? – поинтересовалась рыжая Сонька.

– Частью все эти финтифлюшки передает нам Хозяин, обязывая украшать карнавальное – другого проекционного созвучия не подберешь – стадо по строго установленному порядку, в зависимости от той пользы, которую приносит корова, другую же часть сущности похищают у собственных же проекций, перемещая все это из ирреального мира через границу двух сред, – проекционные тени нередко сталкиваются с загадочным, необъяснимым исчезновением того или иного ценного украшения, которое как раз и забирает себе сюда их же сущность...

– А что делать на карнавале этим худым коровам, которые ничего не дают, кроме лишних забот хозяйину? Чем похвалиться и что показать? – спросила одна из телок.

– Не Пастухи или даже Хозяин назначают коров в это движение, но свободные сущности по собственной воле собираются и идут... Мы, Пастухи, лишь формируем из желающих стадо и следим за тем, чтобы стадо это следовало определенным порядком, не мешая на тракте другим стадам и гуртам, поскольку карнавальное стадо не очень-то и спешит – бывает, танцует или поет посередине дороги, останавливая движение... Также мы, Пастухи, жалея коров, идущих в стаде последними, которые не устаиваются внимания Хозяина и у проекций которых в мертворожденном мире нечего похищать, сами как можем стараемся их украшать, добывая для них в проекционной иллюзии то малое, что можем добыть: проволоку, изолянт, гайки и сантехнический лен. Последний имеет особую ценность – он нарасхват, и мы уже давно послали запрос Хозяину о возможности завести плантацию льна, на который положили глаз мясные коровы и даже капризничают от зависти, что у них нет такого простокоровного украшения. Ответа от Хозяина пока еще нет, но льняное семя, занесенное из другой плоскости, уже готово к посадке.

– А где празднуют карнавал? Куда коровы идут? – спросила Роза.

– И участвуют ли в этом деле быки, так же ли они разодеты? – спросила Танька-красава.

– Стадо, – ответил Пастух, – лишь движется к карнавалу, но это не значит, что оно придет на него. Как такового карнавала не существует, но есть движение к нему, и все карнавальные чувства сущности испытывают именно на дороге – собственно, движение по Тракту для них и есть карнавал, после которого скотина разбредается по своим лугам и полям. В головах же быков карнавала не существует, и поэтому нет разодетых быков, движущихся к нему. Но есть места для быков, куда они направляются как на праздник, – например, знаменитые скотобойни, назначение даже в движение к которым для коров является мучительным наказанием, не говоря уж о прямом попадании туда, для быков же – наоборот, наградой, хотя эти самые скотобойни предназначены именно для наказания скотины, нарушившей великий закон, установленный в Божественном стаде из недостижимых, непостижимых для нашего обычного пастуховского разума сфер. Но все это пока что находится за гранью вашего понимания, поскольку включает в себя те знания поверхности и законов нашего великого стада, которые ждут вас на дальнейших столбах.

18. Собчаки

Все это телки спрашивали и выслушивали ответы, не отрывая взглядов от карнавального стада, а вернее, от разнообразия украшений, которые, разумеется, привлекали внимание их более всего, как вдруг на обочине тракта возникли как будто из ниоткуда две пегие телки странного телосложения: поджарые, мускулистые, с короткими хвостиками, с выпуклыми, окатистыми лбами, не характерными для коров, и, как два быстрых хищных животных, движениями своими совсем не напоминающих медлительную скотину, пробежали вдоль рядов молочных коров, не обращая на них никакого внимания, и вклинились в авангард, ударив своими лбами двух здоровенных, мясных коров. Одна из этих коров сразу пала на задние ноги и, силясь подняться, взревела, другая же, лишь потрясенная от удара, сначала остановилась, как будто остолбенев, но молодая поджарая телка, атаковавшая ее, разбежалась и ударила снова, чего корова уже не выдержала и свалилась на бок, ревя и плача, мотая копытами. Стадо застопорилось, задние сущности подпирали передних, возникла давка. Недовольные замычали и заревели. Дальнейшее произошло очень быстро. «Э-эх, скопытились!..» – услышали телки возглас своего Пастуха и с удивлением увидели, как все до единого украшения с падших коров оказались на агрессивных, выпуклоголовых созданиях, которые тут же заняли место в богато украшенном авангарде, причем загорцевав впереди всех, как будто были лошадками, хотя на самом деле оставались всего лишь необычно поджарыми телками... Две же пострадавшие сущности на глазах стали худеть, как будто сдуваясь, словно внутри у них что-то проваливалось, и, едва поднявшись на ноги, пристроились к группе коров-доходяг, являя теперь собой на вид самых истощенных из них. Тут неожиданно проявили себя серые козочки, гарцующие в конце стада, они сорвались с места и, обежав по обочине основную массу красочного движения, с ходу налетели на авангард, тоже стараясь ударить пышных коров своими маленькими рогами. Но все эти козочки были отброшены самым серьезным образом и шлепнулись на поверхность по ту сторону стада. Одна из них, правда, успела вцепиться козлиными своими зубами в ожерелье из прозрачных камней, нить порвалась, и камни рассыпались на дорогу, украсив яркими искрами Божественные шлепки, которые оставляло после себя карнавальное стадо.

– Козы, как я говорил, непредсказуемые и наглые существа, – прокомментировал это событие Пастух. – Я лично видел козу с синим камушком в козьем ухе, а у другой на ноге, чуть выше копытца, было что-то вроде браслета... Но вам, телки, разумеется, интересно, что все это означает и откуда берется. Явление это возникло недавно, и мы, Пастухи, называем его *обратным и искаженным отображением проекционных событий на плоскость* – что в принципе говорит о недопустимом проникновении потустороннего в реальный, истинный мир и нарушает закон несовместимости плоскостей. Но ничего в Божественном стаде не возникает без воли Создателя и желания Намерения, и мы, Пастухи, да и Хозяин в первую очередь обязаны учитывать происходящие изменения и понимать или хотя бы угадывать смысл новых явлений, исходящих из недостижимых сфер, и их влияние на плоскость. Вид этих крутолобых и агрессивных телок, поведению которых вы, наверное, изумились, если не более того, появился совсем недавно, они возникают из *ниоткуда* по воле Создателя и желанию Намерения, которые посылают их в стадо для каких-то особых целей, и, однажды возникнув, не исчезают в *никуда*, но начинают бегать по плоскости, своим поведением, как видите, напоминая проекционных диких собак. Мы, Пастухи, так и прозвали их *собчаки*, род же этих полукоров – *собчаковским*. Поголовье их вроде бы не растет – они редки, и функции их пока что ограничиваются вышибанием зажавшихся, но, думаю, этим не ограничится, поскольку их стайки в двести головы уже появляются возле лугов и полей, где умиротворенно пасется Божественная скотина, и присматриваются – правда, не вступая в контакт – к обыкновенным молочным коровам и даже к быкам, которые свирепеют при их появлении. Мой друг, проекционный пастух Нико-

лай, с которым я поделился в беседе этим новым явлением, предположил, что, возможно, эти полукоровы имеют даже проекционные тени, которые называются *кипчаки*... Правда, понятие это из мертворожденного мира он объяснил не очень доходчиво, сбиваясь и заплетаясь, поскольку к моменту нашей беседы был поглощен огромным количеством напитка опилочного происхождения, который обычно приводит Николая в состояние наивысшего проекционного словоблудия, и я, кроме схожести проекционных звучаний, мало что уловил. Тем более в конце нашей беседы Николай и сам себя назвал кипчаком и меня тоже причислил к этому роду. Загадка. Но великий Хозяин, как только появились эти первые полукоровы, сразу же объявил, что хоть и не рожденные здесь, но неразрывно связанные с реальной средой, существующие на поверхности и под сводом, они будут обладать всеми правами сущностей, хотя не будут иметь имен. Поэтому мы, Пастухи, и назвали их сами. Мычанием их прозвище выразить невозможно, и обычно коровы обозначают эту разновидность скотины тревожным подергиванием ушей, быки же – неистовым ревом.

В какой-то момент, слушая Пастуха, телки все же отвлеклись от дороги, а когда вновь обратили свое внимание на тракт, карнавальное стадо уже удалилось вперед и бесконечный поток разнохарактерных, не разукрашенных сущностей двигался из одной части свода в другую.

– Пастух, – спросила Джума, – а где носятся кони и кобылицы? Есть ли у них свой великий тракт? Я иногда слышу топот табуна лошадей – то в той, то в той стороне, и слух не обманывает меня, поскольку я часто слышала этот звук в проекционной иллюзии, на границе степей и гор...

– У лошадей, Джума, – ответил Пастух, – нет на плоскости конкретных дорог, но есть великие петли, похожие на восьмерки, которые пролегают в основном по ковыльным степям, отчасти захватывая поля и луга. Восьмерки эти пересекаются с кругами коров, а также с узкоколейками и тупиковыми ветками, которые вам еще предстоит увидеть, и табуны лошадей, топот которых ты иногда слышишь, Джума, выписывают по поверхности непредсказуемые, свободные петли, исходя из своего безумного, свободолюбивого лошадиного разума. Мы, Пастухи-погонщики, даже не приближаемся к табунам, говоря иллюзорно: затопчут, – и только следим за их передвижением по плоскости, не в силах упорядочить их безостановочный, сумасшедший бег.

– А мне, Пастух, почему-то кажется, что я вижу не один только тракт, а много дорог, которые расположены то ли одна над другой, то ли идут параллельно и даже пересекаются, – сказала Елена. – Но все это не отчетливо и как-то колеблется, дороги заползают одна на другую, стада ползут по этим дорогам, каждое – по своей, но с другой стороны я вижу единое стадо, которое, может быть, разделяется моим телячьим воображением...

– На самом-то деле, Елена, ты видишь более правильно, чем остальные: под трактом и понимается многообразие дорог, которое для простоты восприятия телкам первого круга открывается как единый, всеобщий тракт, с единым стадом, следующим по нему, иначе в неразвитых головах, не готовых воспринимать многообразие каждого элемента, составляющего реальный мир, возникнет зрительный хаос и молодые коровы вообще ничего не поймут... Твое же мышление в который раз опережает столбы, а воображение лишь дорисовывает картину.

– Но я, Пастух, сознаюсь, что в этом многообразии движения и вижу какой-то хаос: беспорядочное нагромождение дорог, стад и гуртов...

– Это и есть дефект твоего телячьего пока что воображения: дорисовывать хаос... На самом-то деле движение, которое ты наблюдаешь, включает в себе строгий порядок, и управляет этим порядком Хозяин – великий Стрелочник, выражаясь проекционно, всех направлений и поворотов Божественной плоскости. Мы, Пастухи, лишь помогаем ему, погоняя стада.

– А почему, Пастух, вы обозначаете иногда эти самые элементы созвучиями потусторонних понятий? К примеру: стрелочник, узкоколейка, полустанок, ветка, скоростные гурты... Ведь здесь, на великой плоскости, кажется, не существует железных дорог... – спросила Елена.

– Созвучия эти я позаимствовал из языка Николая, который до своего пастуховства был стрелочником как раз на железной дороге потустороннего мира и перенес отсюда кое-какие слова для употребления в пастьбе коров. Общаясь со своим другом на его территории, я постепенно заметил, что не сущностные коровы, которых пасет Николай, охотно, весело и даже с каким-то рвением отзываются на эти слова, и, в свою очередь попробовав применить их здесь, я обнаружил, что сущностные коровы реагируют так же. Услышав, предположим, что я призываю собраться на «полустанке», чтобы построиться и тронуться в путь, коровы намного быстрее стекаются с поля к обозначенному полустанком столбу, чем если бы я обычно позвал их просто к столбу. Или при повороте на ответвление дороги, я объявляю: «Тихим ходом на второстепенную ветку...» – и коровы тогда, соблюдая надлежащую скорость, плавно, стройной колонной поворачивают на это самое ответвление, на которое без подобной команды повернули бы лишь некоторые из них, другие же тупо продолжали бы двигаться по прямой, пока не свернешь эту скотину окриком или ударом бича. «Приближается скорый, безостановочный гурт, освободите центральный путь!» – и коровы все, как одна, чуть ли не прыгают на обочину, замирают и ждут, когда гурт пронесется мимо. Сами же по себе сущности уступают дорогу весьма неохотно, и спешащим гуртам приходится просачиваться сквозь стадо, замедляя движение, или сворачивать и двигаться по обочине. Вообще, порядок на железных дорогах проекционной иллюзии, о котором мне рассказывал Николай, вызывает у меня удивление, и я не совсем понимаю, как бесплотным теням, не обладающим Божественным разумом, удается собираться в гурты и так правильно передвигаться по паутине этих дорог, не мешая друг другу. Гурты эти к тому же не нуждаются в пастухах, но подчиняются семафорам и тем направлениям, куда направляют их стрелки потусторонних путей. От семафоров же я просто в восторге, хотя не видел их никогда и знаю о них лишь со слов Николая. Вернее, много раз видел, но только один: Николай частенько пасет свое стадо на заброшенной, поросшей чахлой травой узкоколейной тупиковой дороге, и тьмой там горит единственный семафор – синий. Я подолгу смотрю, когда представляется такая возможность, на этот синий огонь и испытываю при виде него какое-то не пастуховское чувство, щемящее мой эфир... Маневры запрещены! – вот что означает этот синий огонь, и, надо сказать, я поражаюсь этой неповторимой, загадочной выдумке проекционных теней, которую я хотел бы видеть и здесь, но, к сожалению, изобретения мертворожденного мира проникают сюда лишь по высшей воле Создателя и желанию Намерения, которые, очевидно, ничего не знают про синий огонь. Единственное, что требуется на этих проекционных железных дорогах, – стрелочник, который разводит гурты, чтобы они не мешали друг другу. Правда, когда все зависит только от стрелочника, может случиться сбой... Так, например, Николай, еще до своего пастуховства, заполнив себя однажды опилочными напитками, перевел стрелки не в том направлении, и два пассажирских мертворожденных гурта на полном ходу столкнулись лоб в лоб, но этого не случилось бы, если бы стрелочнику помогли, как в Божественной плоскости, мы, Пастухи, подправляя движение...

– Наверное, это было ужасно... – сказала рыжая Сонька.

– Если бы это были сущностные быки и коровы – было бы не ужасно, но глупо и хлопотно, пришлось бы кричать и щелкать бичом, разводя столкнувшуюся скотину, которая упиралась бы, отстаивая свое право движения, а так – улетучились потусторонние тени, большая часть которых наверняка была бессущностным порождением тех же проекций, другая же, малая часть, возможно, имела неопределенные сущности, и вполне допустимо, что там было несколько призраков-отражений определенной скотины разных кругов, – такое обычно соотношение возникает при скоплении мертворожденных теней. Так что никакого ужаса не было,

и с другой стороны, на проекционных железных дорогах и не нужны Пастухи – мало ли что происходит в иллюзии, не имеющее отношения к реальности.

– А разве, Пастух, есть тени бессущностные? – спросила Джума.

– Да, и таких большинство, но разговор об этих тенях еще впереди.

– А что после этого случая было с пастухом Николаем? – спросила Танька-красава.

– Пастух Николай нырнул в проекционное никуда – есть в иллюзорном мире такое понятие, отчасти соответствующее понятию реальному, – а потом появился из ниоткуда и стал пастухом. Одежду стрелочника он сохранил и однажды подарил ее мне, но каким образом она оказалась на мне – это уже другой разговор. Вообще, все, что касается самого Николая, которого я упоминаю уже не впервые, то личность его достойна внимания только для вашего момента движения. Впереди и позади идущие двойники ничего не знают о нем, и мои имитации в вашем прошлом и будущем телкам о нем не сообщают.

– А разве у вас, Пастух, есть имитации? – спросила Елена.

– По существу, и я – имитация, то есть на каждом моменте движения телки общаются с имитациями, множество которых и составляет меня.

19. Неопределенные и беззвездные

Пастух непонятным образом – не спрыгивая с серого валуна – оказался уже стоящим среди коров и, подбодрив их хлопаньем по спине и тереблением ушей, подправил у себя на плечах сумку и кнут и сказал:

– Что же, тронемся в путь, впереди вас ждет огромное поле, поросшее дохловатой, жидкой травой, более всего подходящей дотошливым до каждой травинки баранам и овцам, но трава эта расстилается так далеко, что жевать ее вы можете сколько угодно, но все равно не съедете всю. Там же, неподалеку от очередного столба, я подберу и приму под свое начало пятнадцать неопределенных, а также беззвездных телок – будущих ваших согуртниц, которые обозначены в сведениях, посланных мне Хозяином. Неопределенные сущности проследуют с нами до нулевого столба, беззвездные же в какой-то момент уйдут в никуда, чтобы затем вновь появиться на плоскости как бы из ниоткуда... Таков, как я уже говорил, круг беззвездных, установленный Хозяином для того, чтобы не превышать численность особей нашего великого стада.

Телки спустились к дороге и продолжили путь, с интересом посматривая вперед, и, миновав два поворота и девятнадцатый столб, вышли к полю, покрытому редкой, чахлой травой, посередине которого громоздился огромный, длинный, серый сарай, похожий на известное стойло, но размерами превышающий его в несколько раз.

– Строение это, – объяснил стаду Пастух, остановившись на краю дороги и поля, – одна из первых воловен, которую возвели Пастухи для скотины. Во время пастьбы, занятые поглощением травы и перевариванием ее, а также облагораживанием поверхности, стада мало и неохотно общаются, сюда же, в воловню, заходят быки и коровы и с удовольствием знакомятся, примериваясь друг к другу, пережидают иной раз наступившую тьму и, бывает, задерживаются надолго, не желая расставаться с приглянувшейся особью и возвращаться в свои стада. Обычно такая дружба заканчивается рождением телят, которые зарождаются именно здесь, в воловне, хотя далеко не только в воловнях зарождаются эти телята... Специальные Пастухи, приставленные к подобным местам, заготавливают для парнокопытных сено и приносят воды, чтобы скотина тут же, на месте, могла пожевать и попить, не уходя далеко от места общения. Но телки, которые ожидают нас в этом сарае, наверняка голодны, поскольку в воловне обычно быстро съедается и выпивается все и Пастухи, носясь от воловни к воловне, не успевают пополнить запасы... В таком случае мы, проходящие Пастухи, помогаем им в этом...

Коровье любопытство незамедлительно направило телок к воловне, и, подойдя к закрытым воротам ее, они действительно услышали жалобное мычание, мычащее о том чувстве голода, которое испытывали находящиеся внутри. Подошедшие телки ответили как могли обнадеживающим мычанием, и из сарая ответили радостным восклицанием. Так коровы, установив контакт, заговорили на Божественном языке, но диалог этот оборвал Пастух, который взшел по сходням, сбросил затвор и распахнул створки ворот.

– Пошли, пеструхи! – крикнул он и щелкнул бичом. – Геть вперед!

Пятнадцать черно-белых коров, различающихся только сложением, гурьбой, опережая друг друга, вышли по широкому настилу на свет и тут же набросились на ежистую траву, не обращая внимания на ожидавших знакомства телок.

Пастух, заглянув в пространство воловни, отметил:

– Сена действительно как и не было, устроили тут буфет!

Он сбросил сумку и бич, взял вилы, стоящие возле ворот, и направился к небольшим стожкам, высившимся поодаль. Там он подцепил вилами сено и понес пылящую охапку в воловню.

Новые телки продолжали жадно выщипывать пучки редкой травы, быстро удаляясь от здания воловни, и по их поведению можно было предположить, что никакой ошарашенности они не испытывают, да и ведут себя на поверхности как-то привычно, без любопытства и страха.

– Кажется, – сказала Джума, – что эти беззвездные и неопределенные сущности знают, куда попали, и, видно, умеют определять свое положение по двойникам, раз не боятся потерять из виду Пастуха, да и нас.

– Я так понимаю, – сказала Елена, – что беззвездные ходят раз за разом по первому кругу и поэтому вспомнили окружающее пространство, неопределенные же, как и мы, попали сюда впервые, но, несмотря на это, в отличие от нас, обладают непонятной уверенностью и, кажется, не нуждаются в Пастухе.

– Наверное, – предположила Антонина-гадалка, – неопределенные придерживаются беззвездных, которые посвятили их кое во что в промежутках стояния в воловне.

Тут, натаскав сена в сарай, к стаду вернулся Пастух и, расположившись на сходнях, стал объяснять коровам поведение удалившихся сущностей:

– Беззвездные телки попали на свой бесконечный, но ложный круг и поэтому, вспомнив его, хотя и не помня себя, сразу сориентировались в пространстве, – им, кстати, поэтому и не нужны колокольчики, потеряться они не могут, – неопределенные же ведут себя так уверенно, поскольку, в отличие от вас, сущности эти не задаются вопросами на своих первых столбах и не нуждаются в предварительных поучениях по поводу свода, поверхности и других элементов, составляющих окружающую реальность. Им бы – была трава и вода, коровье свое состояние они сразу воспринимают естественным и, в силу отсутствия сомнений по поводу своей принадлежности к реальному миру, быстро и правильно включаются в безостановочное движение, интуитивно соблюдая его незыблемые законы. Мало того, они появляются в Божественном стаде уже с внутренним компасом и поэтому, без труда ориентируясь в пространстве, не ищут позади себя своего будущего, а впереди – прошлого, руководствуясь исключительно настоящим. Они представляют собой основную массу разных, тягучих, однородных коровьих смыслов, тогда как вы, определенные и частично помнящие себя, придаете этим смыслам разнохарактерные оттенки, что вместе и составляет то многообразие коровьих сущностей, образовавшееся с помощью Пастухов, пасших когда-то под сводом одну-единственную корову.

Проговорив все это, Пастух поднялся с настила и обратился к Иде, которая выискивала и пожевывала траву поблизости от воловни, передвигаясь от пучка к пучку:

– Ида, приведи сюда толпу этих самоуверенных телок, которые, очевидно, решили включиться в движение самостоятельно и не имея имен, не зная, а другие – не помня того, что первый круг они обязательно должны проходить с гуртом подобных себе, ведомые Пастухом, и первым делом получить если не имена, то клички, поскольку просто безымянных коров в нашем великом стаде не существует, любая сущность должна быть обозначена хотя бы коротким звуком.

Ида оторвалась от травы и нехотя побрела в поле за телками, которые к тому моменту удалились уже за предел коровьего видения, и скоро стоящие возле воловни услышали трубное, сердитое мычание взрослой коровы, а затем и увидели пятнадцать черно-белых голов, которые Ида гнала перед собой как пастух, подбадривая тех, что двигались медленно, своими рогами.

– В который раз, Пастух, извиняюсь за тугодумие, – сказала Елена, – но все, что вы рассказали, сравнивая неопределенных и нас, проецируется, наверное, в мертворожденную ирреальность, где, наверное, отображения этих невыразительных телок и составляют великое большинство теней, отображения же нас, конкретных, совсем редки...

– На данный момент движения, Елена, в котором находитесь вы, в проекционной иллюзии большинство составляют бессущностные проекции, разговор о которых, как я говорил, еще впереди, и отображения даже неопределенных коров встречаются достаточно редко, не говоря

уж о ваших проекциях, которых на общем фоне расплывшихся бессущностных призраков и вовсе не видно. На моменты движения же ваших двойников будущего и прошлого проекции неопределенных коров действительно являются большинством, и твое, Елена, не по столбам развитое сознание правильно задает вопросы, поскольку ты проецируешь реальность в иллюзию, а не наоборот, как это делала бы не умная, ограниченная корова, используя остаточное проекционное воображение, проникающее сюда из нереального мира мертворожденных, бесплотных призраков.

Тут наконец подошли, недовольно пыхтя и сопя, пятнадцать черно-белых недотепистых телок, половина которых размером были почти что с коров, но имели весьма короткие рожки и, казалось, какие-то выщипанные хвосты. Все эти телки выпучили глаза, пустили длинные слюни и как-то тупо молчали, то ли не желая знакомиться, то ли не осознавая, что они еще незнакомы с Еленой, Джумой и прочими, да и с самим Пастухом, и воспринимая появление свое в реальности как нечто обыденное, заполненное уже давно известными им объектами и субъектами.

– А почему вы не спрашиваете, – поинтересовалась рыжая Сонька, обращаясь к новым согуртницам, – кто перед вами?

– Что тут спрашивать, – ответила одна из черно-белых коров, – мы и так видим, что перед нами коровы, – странный ты задаешь вопрос.

– Да, но вы также не спрашиваете про того, кто не выглядит как корова.

– Что тут спрашивать, – ответила телка, – понятно, что это пастух, который всегда должен состоять при коровах.

– А тебе не странно, что ты ощущаешь себя коровой?

– Было бы странно, – ответила черно-белая, – если бы я, корова, не ощущала бы себя ей.

– Итак, беззвездные и неопределенные, – прервал коровью перепалку Пастух, прохаживаясь перед подошедшими телками и трепля некоторых из них между ушей, других же похлопывая по спинам, – я вижу тут пятнадцать новых симпатичных и миловидных созданий, и у меня нет никаких сведений от Хозяина или хотя бы выпускающего Гуртоправа относительно ваших имен, сущностных смыслов или хотя бы намека на них, а также, как я наблюдаю, проекционная память у вас отсутствует полностью – иначе бы вы сейчас вспоминали хоть что-то, сопоставляя этот, реальный мир с проекционной иллюзией, в которой пребывают ваши мертворожденные тени, но вы ни слова не говорите о том, что вас что-нибудь удивляет или что-то не так... Поэтому, беспамятные, беззвездные и неопределенные, вы получите клички, которые я назначу, конечно, не просто так, выхватив их случайно из всеобъемлющего эфира, но соотносясь с особыми линиями ваших коровьих судеб, начертанными еще при вашем рождении.

– А как же, Пастух, – удивилась Тонька-гадалка, – вы будете определять судьбы наших новых подруг по линиям судеб, если у них нет ладоней и стоп, а всего лишь копыта, на которых наверняка отсутствуют подобные линии?

– Линии несуществующих ладоней и стоп мне не нужны, – ответил Пастух. – Здесь, в Божественном стаде, судьбы неопределенных и беззвездных коров для назначения им кличек определяются, за неимением других признаков, по коровьим промежностям, ибо линии этих промежностей заведуют тем, что в проекционной иллюзии понимается как судьба, рок и другие высшие обстоятельства – здесь же, на плоскости и под сводом, понимается как низшее из тех отличительных черт коровы, которые ведут ее по событиям, предначертанным ей на великих кругах. Говоря проекционным звучанием, я буду определять всего лишь *судьбы промежностные* – Ида, промычи телкам это понятие, выражаемое на настоящем коровьем более доходчиво!

– Му! – совсем коротко промычала Ида.

– Так что, – продолжил Пастух, – обращаюсь ко вновь поступившим: стройтесь в ряд и поднимайте хвосты, будем определяться!

– А для чего же вы, Пастух, – снова удивилась Тонька-гадалка, – будете определять промежуточные судьбы беззвездных, если они раз за разом сходят с первого круга, не вступая в отношения с быками и не рожая телят?

– Любая беззвездная сущность при благоприятном стечении звезд может занять полноценное положение в стаде и перейти на следующий круг и поэтому должна быть хоть как-то осведомлена о себе, чтобы придерживаться своей линии поведения, исходя хотя бы из этого самого малого: «Му!»

Черно-белые телки не без интереса стали выстраиваться и приподнимать, насколько это возможно, хвосты.

20. Коровьи судьбы

Медленно двигаясь вдоль ряда тощих телячьих задов, Пастух отводил в сторону хвосты и констатировал ему очевидное: «Печальные линии, ждуть тебе своего быка долго-долго – нарекаю тебя Солдаткой... Пресные, скучные линии, незатейливость их любого быка сведет с ума от тоски – будешь называться Овсянкой... Неумные линии, быть тебе у быков разменной монетой – тебя назову Копейкой... Глупая у тебя промежность – Дуреха... Озорная! Смотри, доиграешься!.. – Куролеска!.. Легкомысленные какие-то линии – Стрекоза... Злые – Горчица... Своенравные, жесткие линии – тебе подойдет Буянка... Ого! Линии отражают благопристойность твоей натуры – будешь пока Рябинкой...

Ида же, внимательно слушая Пастуха, тут же обозначала каждую кличку коровьим мычанием, и каждая вновь нареченная телка тут же повторяла за Идой свое прозвище на правильном языке. Все это настолько заинтересовало выстроившихся коров, что они в нетерпении, развернув как можно сильнее головы в сторону своих хвостов, наперебой заспрашивали: «А какие линии у меня?.. А у меня какая промежностная судьба?..» Не торопясь, важно и рассудительно определяя логику линий, Пастух наделял телок кличками: «Сметанка... Малинка... Ириска... Ромашка...» Назвав двух последних в ряду Лисичкой и Кувшинкой, он сделал следующий вывод:

– Вот и весь гороскоп!

Но тут обнаружилось, что те самые телки, которые шли с Пастухом по дороге с первых столбов, заинтересовались происходящим не менее других и тоже выстроились порядком, приподняв немного хвосты и все, как одна, вопросительно обернув головы к Пастуху.

– А вы-то зачем поподнимали хвосты?! – удивился Пастух. – Вы уже имеете достойные имена, соответствующие в той или иной степени отличительным свойствам каждой из вас...

– Мы, Пастух, – твердо ответила за себя и своих подруг черно-белая Марта, – как-то невольно почувствовали, что мы тоже хотим знать наше «Му...» Пусть это и самое низшее из того, чем может определяться корова, но все же *оно*, как мы понимаем, будет играть определенную роль в нашем существовании на плоскости, мало того, мы понимаем, что деликатные свойства каждой из нас требуют от нас особенного внимания – хотя бы во избежание ошибок поведения с быками, и поэтому просим вас рассмотреть эти свойства с той точки зрения, с которой вы только что взглянули на наших новых подруг.

– Ну что же, – ответил Пастух, – знание своего «Му» может как-то и пригодиться вам в ваших будущих отношениях с быками, хотя у конкретных и определенных коров – какими являетесь вы – все в итоге зависит от более высокого смысла, исходящего из других, недостижимых даже для пастуховского разума сфер, откуда управляют судьбами Божественных существ бесконечно удаленные от нашего понимания желание Намерения и воля Создателя. Но все же, раз вы желаете этого, я удовлетворю ваше телячье любопытство, которым, бывает, страдают и сознательные коровы высших кругов в те моменты, когда их бессмысленные, потусторонние тени обращаются к своим сущностям с мучительными вопросами о мертворожденной любви. Что же, будем определяться, но пусть Джума и Елена опустят хвосты и выйдут из этого ряда, поскольку единственные проекции, которые они имели и потеряли в потусторонней иллюзии, уже не обратятся к ним с вопросами о подобной любви, к тому же сущности, не имеющие проекций, не обладают теми свойствами «Му», которые можем определять мы, Пастухи, или, вернее, свойства эти для нас закрыты до того момента движения коровы, пока Хозяин не наделит ее новой проекцией, поскольку судьбы промежностные одновременно проекционные и иллюзорны, хотя и зарождаются здесь, в Божественном стаде. Мария-Елизавета пусть тоже выходит: одна из ее проекций тоже исчезла из-за этой самой любви, и определять ее деликатные свойства было бы некорректно...

Три телки опустили хвосты и вышли из ряда, кажется не вдаваясь в глубокий смысл сказанного Пастухом и не очень-то сожалея о том, что свойства их личного «Му» на данный момент существования в стаде закрыты. Мария-Елизавета тут же задористо толкнула боком Джуму и поскакала куда-то, звеня колокольчиком, а Джума и Елена так же весело бросились ее догонять.

– Итак, – продолжил Пастух, – начну с Антонины... Мистические у тебя линии, телка, и это будет вредить тебе в отношениях с быками, которые будут принимать мистицизм, пронизывающий всю твою сущность, за вычурность твоего «Му», требующую чего-то особенного, и в этом смысле тебе грозит полное непонимание... У Анны, я вижу, промежуточная судьба довольно печальна – я вижу тут скептические линии недоверия к быкам, что, собственно, и характерно для избранной сущности, обреченной на одиночество... Твои линии, Сонька, ветрены, но это промежуточное притворство, на самом-то деле ты будешь искать себе одного быка на много кругов, хотя притворство твое может израсходовать твои силы и никакому быку, израсходованная, ты не будешь нужна... У Таньки-красавы – самовлюбленные линии, замыкающиеся на себе, твой промежуточный эгоизм может завести тебя совсем не в ту сторону. в какую – даже не представляю. смотри не сойди с ума, культивируя в себе свое «Му»... Марта слишком строга, бесчувственность, свойственная настоящей скотине, выражена у тебя сильнее, чем у других, и, судя по линиям, является показательной, но ты должна знать, что любой бык может воспользоваться твоей преданностью, исходящей из рациональности этих линий, и с легкостью обмануть тебя, оставив одну... Роза... ты никогда не будешь одна, но постоянно будешь испытывать одиночество – словом, растрепанная какая-то промежуточная судьба, судя по линиям, в которых, как ни странно, я не угадываю никакой легкомысленности, характерной для твоей Божественной сущности...

– Из всего сказанного вами, Пастух, получается, – сделала вывод Марта, – что нас ждут одиночество, непонимание и разочарованность в отношениях с быками...

– Да, получается так, но в основном это касается ваших бесплотных теней, и хотя коровы тоже страдают от своего «Му», это не заполняет все их существование, поскольку не от быков зависит великое, безостановочное движение коровы по предназначенным ей кругам. Есть, правда, особенные коровы, которые только и занимаются тем, что постоянно ищут именно своего быка, но никак не могут его найти, не вступая при этом в отношения с быками и выбирая себе достойную пару исключительно умозрительно, доверяясь каким-то необъяснимым коровьим грезам об идеале подходящей им бычьей сущности. Коровье «Му» при этом страдает не от реального одиночества, но от загиба коровьих мозгов. Впрочем, особи эти очень редки, им положено даже по два колокольчика для привлечения быков, пасутся они по разрешению Хозяина поодиночке, без стада, круги их на плоскости определяются интуицией поиска и не совпадают с естественными путями скотины, их можно встретить в тех областях поверхности, которые скрыты под облаками, порождающими эти самые грезы, а также возле воды, поскольку коровы эти то и дело хотят утопиться, забывая о том, что воды в озерах и лужах никогда не бывает выше коровьих голяшек.

Пастух снова устроился на сходнях воловни и задымил длинной козой, а телки сломали ряд, смешались и стали обмениваться услышанным про себя. Каждая в общем-то была довольна своими особенностями и находила в них что-то неповторимое, что отличало ее от других, и даже те телки, которым были предсказаны разочарованность и одиночество в отношениях с быками, рассматривали это как признак требовательного и независимого характера своей сущности. Джума, Елена и Мария-Елизавета, набегавшись, вернулись к стаду, и наконец все телки перезнакомились и быстро передружились, найдя общий язык на почве обсуждения того, о чем сообщил им Пастух. Одна из телок, а именно Куролеска, та самая, которой Пастух предсказал озорство, добавив, что она может и доиграться, решила, видимо, подчеркнуть свой игривый, веселый нрав и задала шуточный вопрос:

– Скажите, Пастух, а у быков как определяется промежуточная судьба?

– У быков, телка, нет промежуточных судеб, – ответил Пастух, окутывая себя облаком дыма, – но есть судьбы рогов, которые определяются по изящности изгиба этих рогов, оттенку черного и их остроте.

– А, предположим, как определяются промежуточные судьбы у кобылиц? – поинтересовалась Джума.

– У кобылиц также нет промежуточных судеб, но есть судьбы грив, которыми заведуют высшие обстоятельства существования лошади в табуне и в стаде. В свойствах кобылих грив лишь отчасти, в совсем малой форме усматривается нечто похожее на это самое коровье «Му», но никакой роли эта малая составная часть не играет. Да и гордые кобылицы – совсем другое, в каком-то смысле они не чета вам, коровам. Та самая сплетня, которую рассказала вам Ида на четырнадцатом столбе про жующую по ночам корову, брошенную своим быком ради другой, новой коровы, которой та, прежняя, отдала украшения, могла быть рассказана исключительно про корову, поскольку так унижительно не повела бы себя ни одна кобылица! Любая бы лошадь, узнав про какую-то новоявленную кобылу, в своей неистовой гордости ударила бы копытами, раздула ноздри, грива ее взметнулась бы и загорелась, и она бы понеслась вперед, сметая все на своем пути и увлекая за собой весь табун, который скакал бы за ней, сам не зная куда, но подчиняясь порыву горячей и оскорбленной страсти кобылы! Великое целомудрие – вот в чем разница между лошады и коровой! Впрочем, встречаются и коровы с оттенком поведения кобыл, но никогда не встретишь кобыл, подобных коровам!

– А нет ли, Пастух, среди нас такой сущности, которая, когда мы станем коровами, будет вести себя как гордая кобылица? – спросила телка, названная Ириской, промежуточную судьбу которой Пастух определил как бедовую, предсказав ей одни неприятности от быков.

– Сейчас это определить невозможно, – ответил Пастух, – поскольку лишь после столкновения с быками характер телки в этом смысле проявляется как коровий, имеющий те или иные оттенки.

– Во всяком случае, Пастух, – сделала заключение Ириска, – если я стану коровой, то постараюсь себя блюсти, быть осторожной, воспитывать в себе целомудрие и, в случае чего, буду вести себя как оскорбленная кобылица!..

– Дело, глупая, не в тебе, – ответил Пастух, – ты и промежуточность – два суть самостоятельных понятия. Есть аппетит сущностный, а есть промежуточный. Множество коров уже погорели на этом – одни на своем промежуточном аппетите, другие на сущностном... Пока, Ириска, ты идешь по первому кругу как телка, стремящаяся в коровы, для начала попробуй не мечтать о том, чтобы будущие твои быки уводили тебя в какие-то золотые кущи, кущи сочных, нескончаемых зеленых трав и озер с чистой водой, или в кущи бесконечной преданности и любви: бычья любовь – не коровья, слез не знает и весьма эгоистична. В дальнейшем не надейся на обещания быков, действуй согласно разуму, а не причудам своей несчастной промежуточности, не уподобляйся мертворожденным теньям. То же самое я посоветую остальным находящимся здесь, под моим присмотром.

– Да я последней овцой буду, если без разума свяжусь с каким-то быком! – воскликнула вдруг светло-рыжая Сонька. – Только через мои мозги, пусть и коровьи! Спасибо, Пастух, за поучение! – и тут пустила струю, которая с шипением была так необычно долго, что и другие телки не выдержали и тоже пустили струи, а некоторые понаделали еще и шлепков, обогащая поверхность.

Пастух затворил здание воловни, подхватил с настила сумку и бич и повел телок снова к дороге, где выстроил их в два ряда, пересчитал и сделал следующий вывод:

– Итак, стадо ваше сформировалось и состоит из двадцати четырех телячьих голов – сущностей разного направления, объединенных Хозяином в один полноценный гурт для движения по этой дороге к нулевому столбу, после которого к телкам приходит истинное, коровье пони-

мание действительности, и те вопросы, которыми они задаются на первом кругу, сами собой отпадают. Будут ли еще поступления, мне неизвестно; если и будут, то не по воле Хозяина, но исключительно по высшему указанию Создателя и Намерения, действия которых и логику никто не может предугадать. Должен предупредить неопределенных: искушений здесь много, и, чувствуя себя увереннее других, но не зная себя, вы наиболее склонны совершить недозволенное именно в силу своей уверенности и сойти с первого круга... В этом случае беззвездные займут ваше место, поскольку я должен отчитываться на нулевом столбе за каждую голову, исключая беззвездных, которыми Пастухам и позволено заменять тех, кто нарушит правильное движение. Геть вперед!

Стадо тронулось и пошло, поднимая дорожную пыль, голова в хвост, попарно, в том порядке, в котором расставил телок Пастух: впереди следовали Джума и Елена, за ними – Марта и Антонина-гадалка, Танька-красава и Роза, Анна и Сонька, Мария-Елизавета двигалась в паре с Горчицей, Буянка с Овсянкой, Копейка с Дурехой, Куролеска с Солдаткой, Малинка с Рябинкой, Сметанка с Ромашкой, Лисичка с Ириской, Кувшинка со Стрекозой. Ида замыкала колонну, несколько напирая на Кувшинку и Стрекозу, чтобы те в свою очередь подбадривали Лисичку с Ириской, а последние не давали бы замедлять движение всем остальным. Телки, правда, несколько пререкались, весело делая замечания друг другу: «Что вы идете как коровы по льду!.. Ну, ни мычат ни телятся! Шевелите копытами!.. Чья бы мычала, а твоя бы молчала!..» – но это только ободряюще действовало на стадо, уводя коров в ту мысленную беспечность, в которой они нуждались всякий раз после серьезных и поучительных разговоров своего Пастуха. Постепенно, ускоряя свой шаг, телки так разогнались, что вскоре крупная, тяжело дышащая Ида уже едва поспевала за Кувшинкой и Стрекозой, которые, догоняя Лисичку с Ириской и всех остальных, умудрялись еще и бодаться друг с другом, не останавливая движения, но, наоборот, ускоряя его.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

Часть вторая. Область последних иллюзий

21. Проекционные миражи

Между тем округа значительно изменилась: впереди зазеленели наплывы травы, тут и там засеребрились лужи и озерца, и поверхность черно-бурого цвета теперь как бы окаймляла все это. Появились деревья с круглыми кронами, редко и в беспорядке разбросанные по всему видимому пространству, далеко слева возникла белая колышущаяся полоса, похожая на прибор, а справа начались и пошли небольшие холмы, цепочкой уходящие за предел коровьего видения.

Миновав столб номер двадцать один, телки незамедлительно свернули на первый же довольно обширный луг с густой, невысокой, аппетитной травой, в которой проглядывали мелкие голубые, красные и оранжевые цветки, и плавно разбрелись по нему, занявшись поглощением еды. Пастух сбросил сумку и бич и принялся собирать цветы, срывая их так, чтобы оставались длинные стебли. Вскоре, с охапкой цветов, он устроился в центре луга и взялся за плетение венка.

Когда первый аппетит удовлетворился и жевание травы стало задумчиво-медленным, несколько телок, руководимые Идой, отправились к ближайшему озерцу, попутно учась у взрослой коровы правильному мычанию, которое она начала издавать на ходу, для наглядности повторяя одну и ту же коровью фразу по нескольку раз, другие же телки постепенно собрались вокруг Пастуха и разлеглись на траве, продолжая отрыгивать и жевать свою жвачку, то проваливаясь в короткий сон, то выныривая из него.

Джума и Елена, оставшиеся стоять, спрашивали Пастуха про окружающее пространство:

– А что это за белая полоса, Пастух, там, вдали, – как будто какой-то прибор? Мы даже заспорили: море это или большое волнистое озеро?

– Там, вдали, – отвечал Пастух, заплетая стебли цветов в косичку, – не озеро и не море – которого на поверхности нет, и, разумеется, не прибор, а ковыльные степи – пастбища гордых кобылиц и коней, граница которых и обозначена полосой, похожей на пену.

– А что, Пастух, находится там, за холмами? Кажется, там очертания чего-то высокого...

– Холмы эти, по которым ходят бараны и овцы, совершая свои круги по тропинкам на склонах, – отвечал телкам Пастух, – постепенно превращаются в горы, где обитают турихи и туры, то есть быки и коровы, прошедшие больше, чем бесконечно много кругов. Вершины же этих гор возносятся так высоко, что уходят за свод и достигают уровня звезд, и, взбираясь на эти вершины, турихи и туры и сами становятся звездами, приумножая тем самым возможное количество особей в Божественном стаде. Но превращением этим руководит ваша великая звездная Мать – из недоступных реальному пониманию сфер и объемов, одна только мысль о которых даже нас, Пастухов, может свести с ума.

Задумавшись над ответами Пастуха, Джума и Елена больше ничего не спросили, а повалялись в траву и вытянули копыта, в полной мере и в какой-то степени даже отрешенно наслаждаясь сытостью и раздумьями.

От состояния этого Джуму и Елену, правда, то и дело отрывало мычание Иды и телок, доносившееся со стороны озерца и похожее на диалог, который ведут между собой на своем языке коровы. Джума и Елена прислушивались к этим звукам, пытаясь понять, о чем говорят их согуртницы со взрослой коровой, но ничего из известного им на коровьем они не услышали, за исключением нескольких фраз, со стороны телок выразивших непонимание чего-то, со сто-

роны же коровы – просьбу сосредоточиться и внимательно слушать. Пастух отложил плетение венка и нравоучительно произнес для тех, кто находился вокруг него:

– Вам, телки, нужно серьезно сосредоточиться на умении мычать и понимать этот реальный язык, поскольку после нулевого столба никто не будет вам переводить проекционные звуки, которые начиная с круга второго теряют значение из-за своей примитивности, и основная масса скотины, с которой вам придется общаться, относится к ним как к телячьему лепету. Поэтому держитесь поближе к Иде и слушайте, что она говорит, хотя сейчас она рассуждает о том, чего не знает сама, – такое, во всяком случае, доносится до меня со стороны водопоя...

Телки повставали с поверхности на дрожащие после отдыха ноги, пустили тонкие струи и хотели было уже двигаться к Иде, чтобы учиться коровьему языку, но вместо этого снова жадно принялись за траву, поскольку ненасытность коров, и особенно телок, не имеет границ, поглощая собой все остальные намерения и желания.

Тут скоро подошла со стороны озерца затихшая теперь, но мычащая до того компания телок, притащившая с собою запутавшиеся в ногах стебли фиолетовых и желтых цветков, которые Пастух тут же выпутал и отложил для плетения венка. Компания эта расположилась вокруг, лежа и стоя, несколько отупело наблюдая процесс изготовления венка, как будто пытаясь разглядеть в нем что-то чрезвычайно значительное, а затем те, что стояли, подключились к поглощению травы, другие – лежащие – стали проваливаться в свои короткие сны. Ида же, еще у озера отделившись от стада, отправилась на другой конец луга и, промычав там в одиночестве какую-то длинную фразу, начала просто пастись, со стороны представляя собой прекрасное зрелище полноценной, с выдающимся выменем, черно-белой коровы, пасущейся на зеленом лугу.

Беззвездная телка Ромашка, оставшаяся стоять, пожаловалась на Иду:

– Мы, Пастух, хотели узнать кое-какие подробности об увиденном там, у озера, но Ида как перешла на мычание – так и мычала, как будто бы потеряв доступный нам проекционный язык. Но на коровьем мы различаем пока что лишь примитивные фразы и поэтому мало что и даже почти ничего так и не поняли.

– Да, Пастух, – подхватила Малинка, – может быть, вы объясните нам кое-что увиденное у озера.

– Что же вам объяснить – недоступное вашему пониманию?

– Мы, Пастух, – взялась рассказывать Роза, – попили воды, оказавшейся очень вкусной, постояли и попили еще, а потом обратили внимание на торчащее из поверхности дерево неподалеку от озера и корову, привязанную к стволу. Корова эта стоит не двигаясь и, подняв голову, смотрит, не отрываясь, на свод, как будто что-то там видит, хотя мы, сколько ни всматривались, ничего не увидели. Мы промычали – правда, не знаем что, – но корова не среагировала. Но еще дальше этого дерева мы разглядели еще одно дерево и быка, тоже, как нам показалось, привязанного к стволу. Бык этот не отрываясь, как и корова, тоже смотрит куда-то ввысь, но силуэт его так страшен своими выдающимися в стороны рогами, различимыми даже издали, что мы побоялись сделать и шаг вперед, чтобы рассмотреть этих двоих получше. Корова вроде пятнистая, а бык рыжеватый... Почему, Пастух, эти двое привязаны и куда они смотрят?

– То, что вы хотите узнать, действительно сложно, и Ида – корова – не сможет вам этого правильно объяснить не только проекционными звуками, но даже мычанием. Поэтому до нас тут доносилась какая-то мычащая околесица, которую несли и вы, почти не знающие коровий, и Ида, знающая его блестяще, но, как корова и сущность, не знающая того, что она пыталась вам объяснить. Дело тут в том, будущие коровы, что область, в которую вы вступили после очередного столба и на которой сейчас пасетесь, предшествует той части поверхности, где молодая скотина обретает более глубокие знания в отношении реального мира, связи этого мира с проекционной иллюзией, а также о других плоскостях и объемах, прилегающих своими великими гранями к Божественной плоскости. Так что вы находитесь в данный момент дви-

жения между глубоким непониманием окружающей вас реальности, которое вы успешно прошли, и тем частичным пониманием ее, которое вас ждет впереди. Область эту, или пространство, растянувшееся на более чем десять столбов, мы, Пастухи, называем областью *последних иллюзий скотины*. Это единственное место на плоскости, где возникают в эфире проекционные миражи, и те быки и коровы, бараны и прочие, которым по тем или иным причинам запрещено уходить сущностью в проекционную ирреальность и за нарушение запрета грозит серьезное наказание, убегают сюда со своих великих кругов, чтобы понаблюдать эти миражи и если не мысленно, то хотя бы зрительно побывать в потусторонней иллюзии, поскольку любой скотине требуется иногда развлечься и отдохнуть от насущных забот и дел в Божественном стаде, и лучший способ для этого – погружение в фантастические миры, чем и является потусторонняя ирреальность. Но это опасные миражи, наблюдая которые скотина теряет память, забывает, кто она есть, зрительность у нее переходит в мысленность, она рвется в несуществующее увиденное: скачет на одном месте, подпрыгивает, словно пытаясь преодолеть барьер или даже взлететь, ревет и воет, а когда миражи исчезают, и вовсе наступает психоз: коровы, к примеру, падают на спину и болтают ногами, издавая при этом странные звуки, существующие, наверное, только в потустороннем нигде... Но это единственное место на плоскости, откуда не может передавать Хозяину о происходящем здесь вездесущий Подслушиватель, и поэтому Пастухи, жалея скотину и оберегая ее от строгого наказания, втайне, ничего не сообщая Хозяину, привязывают парнокопытных к деревьям, чтобы они не прыгали в миражи, а после просмотра стараются успокоить, применяя для этого разные методы. Все это, правда, не касается непарнокопытных, а именно лошадей, которые наблюдают другие – небесные миражи, по ту сторону ковыльных степей, на границе этих степей и пустыни, но не теряют при этом рассудка, поскольку все происходящее в небесной загадочной плоскости существует реально, а существующее реально не порождает в мыслях скотины невидимые барьеры, которые большое воображение хочет преодолеть, и не приводит к психозам.

Все телки тут сосредоточились на услышанном: лежащие повставали, а пасшиеся вокруг приблизились к Пастуху и перестали жевать.

– А как успокаивают парнокопытных? – тревожно спросила светло-рыжая Сонька, которая еще с первых столбов волновалась, когда речь шла о каком-то воздействии на сущность.

– Парнокопытных успокаивает либо Пастух уговорами, уговаривая трезво взглянуть на вещи и подкармливая особой травой, которая отрезвляет разум скотины, либо ваша звездная Мать, одно появление которой на своде возвращает любую сущность к реальному ощущению себя и окружающего пространства, или, не дожидаясь тьмы, поскольку последняя наступает с непредсказуемым интервалом, Пастухи приводят издали избранную корову из числа тех коров, которые обладают даром магического воздействия на любую скотскую сущность, даже козлиную, которая обычно противится всякому на нее воздействию, и корова эта мысленно разговаривает с потерявшими ощущение реальности, после чего последние просят их отвязать и, как ни в чем не бывало, сами покорно возвращаются на свои круги. Но вам, телкам, стремящимся стать коровами, все это не грозит, поскольку головы ваши и без того забиты картинками мертворожденной иллюзии, забиты настолько, что в них уже нету места ни для каких миражей. Но с наступлением тьмы, которую вам необходимо дождаться именно в этой области, телки первого круга избавляются от этих картин и больше не возвращаются к ним, переставая путать воображаемое с реальным. Стоит напомнить идущим с первых столбов, а также сообщить присоединившимся возле воловни: там, на земле, лишь ваши несчастные проекции, здесь же – ваша настоящая жизнь.

– Но вы, Пастух, говорили, что тем, кому это не запрещено, можно уходить сущностью в проекционную нереальность, а разве это не возобновление в головах этих самых картин? – спросила Елена.

– В нереальность, Елена, уходят коровы кругов, следующих за первым, то есть миновавшие нулевой столб, в момент прохождения которого полностью меняется восприятие скотины, и поэтому чувствуют себя в потусторонней иллюзии полноценными сущностями, воспринимая проекционный мир глазами Божественных особей, но не мертворожденных теней, – а это уже совсем другие картины, не те, что сейчас у вас в головах.

22. Несуществующее искаженное и его губительное воздействие

– А для чего, Пастух, навсегда избавляться от проекционного взгляда? – спросила светло-рыжая Сонька. – Мне, например, все окружающее нас и происходящее с нами кажется иногда каким-то ненастоящим и примитивным, слишком простым, в которое так и хочется что-то добавить... Деревья здесь – просто с круглыми кронами, я даже листьев не различаю, цветки, которые вы плетете, не поймешь что, как будто искусственные и не пахнут – я к ним принохивалась в траве, – поверхность однообразная, свод – без солнца, которое управляет многообразием оттенков, – и я, признаюсь, то и дело разбавляю это картинами из потустороннего мира, возникающими непроизвольно в моей голове. Зачем мне терять эту возможность хотя бы мысленно разнообразить упрощенное окружающее?

– А я не согласна, – возразила Елена. – Ты, Сонька, затрагиваешь только внешнее восприятие коровы, но зато здесь больше оттенков существенного, которое находится внутри нас, тем более мы еще только телки и только еще копытами соприкасаемся с чем-то важным, еще не погрузившись в него, – я чувствую это. Мне лично комфортно уже оттого, что я теперь знаю, что я – настоящая бессмертная плоть, в отличие от проекционных теней.

– Я лично, – вмешалась Копейка, одновременно пустив струю, – не знаю, плоть я или не плоть, но мне здесь тоже комфортно и хорошо! Полно травы, которую я сейчас еще пожую, вот тебе и вода – потом я попью, мухи и всякие насекомые не докучают, – тебе, Сонька, летающих не хватает в виде оттенка? Надеюсь к тому же, что повстречаю каких-нибудь веселых шляющихся бычков и подружусь с ними, а то с вами как-то заумно и не очень-то невесело... Ну а вокруг все довольно знакомое и родное, не вижу проблем!

– Ты, Копейка, как я понимаю, – беззвездная, и ходишь по бесконечному первому кругу, поэтому тебе и комфортно, ты привыкла, хотя и не помнишь, – сказала темно-рыжая Антонина и тоже пустила струю.

– А мне, Пастух, – призналась Джума, – иллюзии и всякие миражи здесь не нужны, я, как и Елена, чувствую под копытами множество оттенков существенного, в которое предстоит погрузиться и которое намного сложнее и значительнее того, в чем я находилась до попадания сюда. Книжки, конечно, это бред в моей голове – я вдруг начала понимать, что они и управляли моим взглядом на проекционную ирреальность, создавая уже вторичные иллюзии и миражи. Так что мне наблюдать картины несуществующего, да еще искаженного книжками, абсолютно неинтересно.

– Да, но ведь это несуществующее, в том числе и вторичное, – существует, иначе бы мы ничего не знали о нем... Наши проекции, возникая и исчезая, создали тем не менее, пусть и воображением своим, целый мир, существование которого мы не можем здесь отрицать, поскольку то и дело он возникает у нас в головах. Другое дело – целесообразность этого мира с точки зрения реальности... – сказала практичная Марта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.